Министерство образования и науки Российской Федерации
Саратовский государственный технический университет

И.В. Михель

Б И О Э Т И К А
В КОНТЕКСТЕ ИСТОРИИ:
философские исследования
биоэтического движения

Саратов 2015

УДК 171
ББК 87.7
М69

Рецензенты:

Доктор философских наук, Институт философии РАН,
член-корреспондент РАН

Б.Г. Юдин

Доктор философских наук, профессор Московского
государственного медико-стоматологического
университета имени А.И. Евдокимова

В.И. Мусеев

Одобрено

редакционно-издательским советом

Саратовского государственного технического университета

Михель И.В.

М69 Биоэтика в контексте истории: философские исследования биоэтического движения: монография / И.В. Михель. Саратов: Сарат. гос. техн. ун-т, 2015. 248 с. ISBN 978-5-7433-2805-5

В монографии предлагается философская реконструкция основных этапов развития биоэтического движения. Биоэтика предстает как интеллектуальное критическое предприятие, начатое в ходе Нюрнбергского процесса по делу о нацистских медицинских преступлениях и получившее продолжение в попытках образованной общественности разных стран осмыслить этические, правовые и социальные последствия развития биомедицины, биотехнологий и научно-технического прогресса в целом.

Для научных работников, студентов и аспирантов вузов, всех интересующихся биоэтикой и историей биоэтического движения.

УДК 171
ББК 87.7

ISBN 978-5-7433-2805-5

© Саратовский государственный
технический университет, 2015
© Михель И.В., 2015.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие	4
Введение	6
1. На пути к биоэтике: медицинские преступления нацистов и «Нюрнбергский кодекс»	13
2. От «Нюрнбергского кодекса» до «Хельсинкской декларации» и Генри Бичера	38
3. Первая волна биоэтики: новые медицинские технологии и американский культурный плюрализм.....	61
4. Биоэтика как форма публичной политики: комиссии, комитеты, доклады.....	88
5. Третья волна: биоэтическое движение в России	115
6. Трансгуманизм: новая повестка дня для биоэтики.....	130
7. Становление глобальной биоэтики: от Генри Торо до Вана Поттера	159
8. Биоэтика как наука о выживании: альтер-глобализм Ванданы Шивы.....	184
Заключение	225
Библиографический список.....	229
Интернет-ресурсы	246

ПРЕДИСЛОВИЕ

Замысел этой книги возник в связи с давним интересом автора к сфере социально-гуманитарных проблем развития биомедицины. Интерес к тому, что происходит в этой сфере, вылился в попытку составить для себя более полную картину развития такой междисциплинарной области знания как биоэтика. Погружение в литературу, общение с коллегами, работа на конференциях, занятия со студентами стали мощным стимулом для того, чтобы приступить к исследованию. Чем дольше оно продолжалось, тем становилось яснее, что даже самый простой отчет о развитии биоэтики неминуемо приведет к необходимости погрузиться в детали. Увлеченность деталями для философского исследования не всегда полезна, но в данном случае, кажется, без них было нельзя обойтись. В результате на первый план вышли не столько проблемы, концепции и идеи, сколько отдельные события, личности и тексты.

Предлагаемая книга – это книга о биоэтическом движении, о некоторых его ключевых эпизодах, связанных с отдельными текстами, личностями и событиями. Можно с уверенностью сказать, что оно существует уже более полувека и все еще продолжается. Автору бесконечно повезло, что с некоторыми представителями биоэтического движения в нашей стране удалось повстречаться лично, тогда как общение с другими происходило не напрямую, с помощью их книг и статей. Живое общение с первопроходцами и некоторыми

лидерами российского биоэтического движения придало всей работе над книгой большой импульс.

Глубокая благодарность всем тем, чьи идеи, советы и дружеская поддержка вдохновили на написание этой работы. Книжки и статьи Бориса Григорьевича Юдина и Павла Дмитриевича Тищенко (оба Институт философии РАН) всегда придавали направляющий ход моим размышлениям. Общение с Вячеславом Ивановичем Моисеевым и Ларисой Павловной Киященко (Московский государственный медико-стоматологический университет имени А.И. Евдокимова), Ириной Васильевной Силуяновой (Российский национальный исследовательский медицинский университет имени Н.И. Пирогова), Еленой Георгиевной Гребенщиковой (РГНФ), Валентиной Ивановной Харитоновой и Александрой Сергеевной Курленковой (обе Институт этнологии и антропологии РАН) дало много незабываемых впечатлений и ценного опыта. Интерес к усилиям Натальи Николаевны Седовой (Волгоградский государственный медицинский университет) по превращению биоэтики в работающий инструмент общественного контроля над медицинской наукой и клинической практикой, а также к ее работе по изданию специализированного журнала по биоэтике дал уверенность в том, что не только в столичных научных центрах, но и в Поволжской провинции биоэтическое движение способно жить. На всем протяжении всей работы над книгой неизменно ощущалась поддержка со стороны коллег по кафедре философии Саратовского государственного технического университета имени Гагарина Ю.А., а квалифицированные советы и поддержка моего мужа Дмитрия Викторовича Михеля превратили весь процесс ее написания в увлекательный творческий поиск.

ВВЕДЕНИЕ

Четверть века назад пространство социально-гуманитарного знания в нашей стране было радикальным образом перекроено. Исчезла сфера марксистско-ленинских общественных дисциплин, осуществлявших функцию нормирования общественного сознания и выступавших идеологическим базисом для всей системы научного знания в СССР. На освободившемся месте быстро, но не без проблем стала формироваться целая группа социально-гуманитарных наук, частью опирающихся на национально-культурные традиции философской и гуманитарной мысли, частью импортированных извне вместе с другими продуктами глобального мира. В числе их оказалась и биоэтика, возникновение которой в современной России относится к началу 1990-х гг.

Появление биоэтического мышления в нашей стране стало важным культурным событием. В сравнительно короткое время биоэтика приобрела статус академической формы знания, а кроме того, нашла свое место в системе высшего образования, в первую очередь в медицинских вузах. Перед энтузиастами и первопроходцам биоэтики в России возникло огромное количество задач – научных, образовательных, организационных, которые потребовалось решать «с чистого листа». Усилия, которые пришлось предпринять, дали свои очевидные результаты. Сформировалось сообщество исследователей и преподавателей, работающих на поприще биоэтики. Развернулась систематическая научная работа, привед-

шая к появлению постоянно действующих научных групп, конференций, периодических изданий, публикаций. К настоящему времени история биоэтического движения в России насчитывает уже четверть века.

При этом история биоэтики охватывает гораздо более продолжительный период времени. До того, как прийти в Россию, биоэтике пришлось отвоевывать себе место под солнцем в других странах. Истоки биоэтики возводят то к началу 1970-х гг., когда появился сам термин, то к более раннему времени, когда впервые зародилась потребность выработать новые этические подходы применительно к области быстро развивающихся биологических, медицинских и экологических наук и связанных с ними технологий. Некоторые события, относящиеся ко второй половине 1940-х гг., позволяют заключить, что биоэтическая мысль действительно возникла еще до появления биоэтики как культурного явления.

Чтобы ответить на вопрос о том, что представляет собой биоэтика, весьма полезно поговорить о том, как биоэтика развивалась в контексте истории. В известной мере это практически неразрешимая задача, поскольку речь необходимо вести не о региональной или национальной истории биоэтики, а об истории глобальной. Попытки связывать биоэтику только с историей биоэтики в США являются абсолютно неверными, хотя американский опыт, бесспорно, важен для понимания истоков всего биоэтического движения и многих его принципиальных моментов. Сегодня биоэтика принадлежит всему человечеству, и в разных частях света она способна принимать весьма своеобразные формы, отвечающие интересам конкретных культур и народов.

Биоэтику можно рассматривать как современную версию более древней формы мышления – медицинской этики. При этом совре-

менная биоэтика склонна считать медицинскую этику своей составной частью, но во многом она использует совершенно другие подходы. Традиционная медицинская этика фокусировалась на этических аспектах отношений между врачами и пациентами, между коллегами по врачебному делу, а также на ценностях, которыми должен был обладать хороший врач. Такая трактовка предмета превращала медицинскую этику в своеобразную форму заговора представителей медицинской профессии против остальной части общества. Биоэтика началась с того, что покончила с этим заговором.

С самого своего начала биоэтика – это критическое и рефлексивное предприятие. Она не ограничивается проблемами отношений между врачами и пациентами, но выходит за их пределы, по крайней мере, тремя различными способами. Во-первых, биоэтика более не стремится развивать этические кодексы и этические теории для врачей, но нацелена на то, чтобы выработать лучшее понимание проблем, которые могут возникать в ходе этих отношений. Во-вторых, она занимается тем, что ставит вопросы о природе самой этики, о ценности жизни, о нашем отношении к живому вообще, о том, что значит быть человеком. В-третьих, она охватывает сферу публичной политики и претендует на то, чтобы от имени общества осуществлять контроль над процессом развития научного знания, прежде всего, медицины и связанными с нею науками о жизни. Биоэтика – эта новая форма этической мысли, занявшая место прежней медицинской этики.

Между тем биоэтика – не просто наследница медицинской этики. На протяжении целого ряда десятилетий она мыслится еще и как наука о выживании. Многие мыслители видят в ней не просто знание, порожденное логикой развития биомедицины и биомедицинских технологий, но своего рода мост между наукой и гумани-

тарной сферой человеческой жизни, между научным прогрессом и смыслами, которыми мы наделяем свое существование в условиях такого прогресса. Такое понимание биоэтики тоже заслуживает того, чтобы принять его к сведению, а кроме того, понять, каким целям оно способно служить.

Возможно, в наступившем XXI в. биоэтике суждено стать чем-то большим, чем она до сих пор является. Формой мысли, не только понимающей мир, но и способной его менять. Во всяком случае, многие современные авторы, которые занимаются биоэтикой, именно так и воспринимают ее – как путь, способный вести в будущее. Но каким оно будет – это все еще остается вопросом. Если биоэтика не сможет стать ничем другим, кроме как интеллектуальной уловкой, способной приспособить нашу собственную жизнь к новым, беспощадным требованиям научно-технического развития, то придется признать, что биоэтика была не более чем служанкой биомедицины, биотехнологий и биовласти как таковой. Однако если благодаря биоэтике научно-технический прогресс сможет остаться под контролем людей – не отдельных исследовательских центров и корпораций, а большинства человечества, - то она оправдывает свое предназначение, а также надежды тех, кто принял участие в начале этого грандиозного культурного проекта, и тех, кто в современных условиях ведет непростую борьбу за идеалы биоэтического движения.

Представленная монография о биоэтике в контексте истории – это попытка проиллюстрировать некоторые основные эпизоды развития биоэтики в разных частях света, прежде всего в США, Европе, России и Индии. Выбор был продиктован желанием увидеть, какие формы смогло принять биоэтическое движение там, где оно впервые зародилось, а также в некоторых странах «третьей волны», куда оно пришло в последнюю очередь.

В главе «На пути к биоэтике» речь идет о зарождении биоэтической мысли и первых шагах биоэтического движения, которые были ответом объединенных наций на ужасы нацистских зверств, в особенности медицинских преступлений нацистов, осужденных решениями Нюрнбергского трибунала. Важным итогом его заседаний стал первый пример биоэтической мысли – «Нюрнбергский кодекс».

В следующей главе рассматривается вопрос о том, каким образом западное медицинское сообщество усвоило уроки Нюрнберга, перейдя от «Кодекса» к «Хельсинкской декларации». Как выясняется, это был весьма драматический и противоречивый процесс, в ходе которого произошло осознание того факта, что некоторые важные аспекты развития западной биомедицины продолжали оставаться, по меньшей мере, спорными в этическом смысле.

Глава «Первая волна биоэтики» посвящена целиком американскому культурному опыту. Основное внимание здесь уделено вопросу о том, как развитие биомедицины и биомедицинских технологий стимулировало постановку новых этических вопросов, а также о том, как отсутствие однозначных этических ориентиров обеспечило первый успех биоэтическому движению.

В главе «Биоэтика как форма публичной политики» речь идет о политико-правовых аспектах становления биоэтики в США. Особое внимание уделяется работе комиссий и комитетов, созданных при высшем законодательном органе с целью выработать этически выдержанные механизмы контроля над быстро развивающейся областью биомедицинских исследований.

Глава «Третья волна» посвящена феномену возникновения биоэтики в России. Фокус внимания сосредоточен как на общекультурном контексте появления биоэтики, так и на роли конкретных

фигур исследователей, чей личный вклад оказался решающим в этом плане.

В главе «Трансгуманизм» предложена попытка дать сравнительный анализ американского и российского вариантов биоэтического движения на этапе, когда оно столкнулось с вызовом со стороны трансгуманизма. Будучи новейшей формой технологического оптимизма, трансгуманизм для целого ряда ведущих представителей биоэтики – это важный вопрос, который заслуживает включения в повестку дня.

Глава «Становление глобальной биоэтики» сосредоточена на том, чтобы показать, что биоэтическое движение не замыкается только в биомедицинской проблематике, но выходит далеко за ее пределы. Желание найти его глубинные истоки привело к тому, что некоторые формы биоэтической мысли оказалось возможным найти задолго до Нюрнбергского процесса, в творчестве авторов, размышлявших об опасностях развития современной цивилизации и видевших спасение в возрождении связи между человеком и природой.

Заключительная глава «Биоэтика как наука о выживании» посвящена анализу взглядов одной из наиболее ярких фигур в современной биоэтике – Ванданы Шивы. Выбор ее неслучаен, поскольку в творчестве этой индийской исследовательницы ярким образом переплелись те тенденции биоэтического движения, которые восходят корнями как к памяти жертв Холокоста, так и к замыслам первопроходцев глобальной биоэтики.

В ходе работы над книгой в поле зрения автора находилось еще много сюжетов, имеющих непосредственное отношение к выбранной теме. К сожалению, очень многим пришлось пожертвовать ради сохранения тематического единства. Еще больше осталось за пределами нашего внимания, и мы это отчетливо сознаем. Несомненно,

мненно, получившаяся в итоге работа - это лишь одна из возможных философских историй глобального биоэтического движения. Искренне надеемся на то, что начатую работу еще удастся продолжить.

1. НА ПУТИ К БИОЭТИКЕ: МЕДИЦИНСКИЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ НАЦИСТОВ И «НЮРНБЕРГСКИЙ КОДЕКС»

После того, как закончилась Вторая мировая война, победившие в ней страны – СССР, США, Великобритания и Франция - приняли решение провести Международный военный трибунал над лицами, входившими в высшее руководство нацисткой Германии и несущими основную ответственность за совершенные гитлеровским режимом зверства и преступления. Трибунал состоялся в немецком Нюрнберге, где на скамье подсудимых оказались 23 представителя высшего германского руководства, призванных ответить за вынашивание военных планов, развязывание войны, военные преступления и преступления против человечности. Двенадцать из них были приговорены к смертной казни, в том числе один из них, Мартин Борман, – заочно, семь – к различным срокам тюремного заключения, остальные трое – оправданы. Вслед за Международным трибуналом над главными нацистскими преступниками по инициативе США были организованы и другие (малые) Нюрнбергские трибуналы над должностными лицами, военачальниками, промышленниками, юристами и врачами, поддерживающими гитлеровский режим и непосредственно вовлеченными в его преступления.

Одним из самых известных малых Нюрнбергских процессов стал суд над нацистскими врачами, что было связано как с особым профессиональным статусом обвиняемых, так и с его последствия-

ми, в частности большим числом вынесенных смертных приговоров. Этот процесс, который официально назывался «США против Карла Брандта», начался 9 ноября 1946 г. В ходе его заседания на скамье подсудимых оказалось двадцать врачей, один юрист и два чиновника. Всем им были предъявлены обвинения в осуществлении преступных медицинских экспериментов, что, согласно терминологии главного трибунала, подпадало под определение военных преступлений и преступлений против человечности. Суд над нацистскими врачами продолжался девять месяцев, и 20 августа 1947 г. трибунал вынес свой приговор. Семь обвиняемых были приговорены к смертной казни, девять – к различным срокам тюремного заключения, остальные семь – оправданы. Самый известный нацистский врач-преступник Йозеф Менгеле сумел избежать наказания, скрывшись от правосудия, как и целый ряд других нацистских преступников, еще до начала работы Нюрнбергского трибунала.

Коллегию судей Нюрнбергского трибунала по делу нацистских врачей представляли три человека - Уолтер Билс, верховный судья высшего суда штата Вашингтон, Гарольд Себринг, судья высшего суда штата Флорида, и Джонсон Кроуфорд, бывший судья окружного суда штата Оклахома. Им помогал запасной судья Виктор Свининген. Главным обвинителем по делу был американский бригадный генерал Телфорд Тейлор. В качестве медицинских экспертов Тейлор привлек двух видных американских врачей – психиатра Лео Александера и бывшего президента Американского общества физиологов Эндрю Иви. Предполагалось, что в ходе заседаний Александер должен будет оценивать профессиональную и этическую сторону действий нацистских врачей, а Иви – научную сторону их медицинских экспериментов.

Работа Александра и Иви не ограничилась поставленными задачами. В ходе заседаний трибунала они для удобства судей сформулировали десять морально-правовых принципов осуществления медицинских экспериментов с участием людей, вошедших в историю как «Нюрнбергский медицинский кодекс». Значение этого вспомогательного документа было оценено не сразу. Но в последующем именно этот документ стал восприниматься в качестве главного исторического итога суда над нацистскими докторами. «Нюрнбергский кодекс» стал символом перемен, охвативших не только медицинскую профессию, но и общественное сознание.

Открывая заседание Нюрнбергского трибунала, генерал Тейлор заявил: «Находящиеся на скамье подсудимых обвиняются в совершении убийств, но это не просто суд из-за убийства. Мы не можем довольствоваться тем, чтобы доказать, что были совершены преступления и что их совершили конкретные лица. Убийства, пытки и истязания являются уголовными преступлениями для всех современных систем права. Эти обвиняемые убивали не в приступе кровожадности и не ради личного обогащения. Возможно, некоторые из них являются садистами, которые убивали и истязали ради развлечения, но не все они извращенцы. Ни один из них не может считаться невежественным человеком»¹.

Заявление Тейлора задало общий тон всему заседанию. Организаторы Нюрнбергского процесса видели свою цель в том, чтобы осудить нацистских врачей за совершенные преступления, которые были замаскированы под медицинские эксперименты. Свидетельские показания и другие факты убедительно показывали, что в ходе

¹Taylor T. Opening Statement of the Prosecution, December 9, 1946 // Annas G.J., Grodin M.A. (eds.) The Nazi Doctors and the Nuremberg Code: Human Rights in Human Experimentation. Oxford: Oxford University Press, 1992. P.67.

этих экспериментов были уничтожены и покалечены тысячи людей – евреев, цыган, поляков, русских, мужчин и женщин, здоровых и душевнобольных, тех, кого нацисты называли «недолюдьми». Нюрнбергский процесс над нацистскими докторами планировался и осуществлялся не как суд над отдельной группой врачей-преступников, но как суд над преступной нацистской медициной, которая воспринималась как чудовищная смесь нацистской идеологии, социал-дарвинизма, теорий расовой гигиены и евгеники.

Трибунал заседал 139 дней. В ходе его заседаний были опрошены 32 свидетеля со стороны обвинения и 53 свидетеля со стороны защиты, включая всех 23 обвиняемых. Кроме того, обвинением было представлено 570 письменных документов, и еще 901 документ был представлен защищающейся стороной. Все документы, представленные на английском языке, переводились и на немецкий, чтобы с ними могли ознакомиться обвиняемые¹. Судьи, которые вели процесс, делали свои выводы, опираясь на всеобщие принципы прав человека, а обвинение во главе с генералом Тейлором излагало свои заявления «от имени всего человечества».

Нюрнбергский трибунал над нацистскими докторами был организован в пределах американской зоны оккупированной Германии, и поэтому на него были распространены нормы американской правовой системы, исторически выросшей на базе англосаксонского права. В соответствии с этой правовой традицией никто из обвиняемых изначально не может считаться преступником до того момента, пока обвинение не докажет, что исключены все возможные сомнения в виновности обвиняемого. Таким образом, судьям Нюрнбергского трибунала предстояло, кроме того, убедиться,

¹Annas G.S., Grodin M.A. The Nuremberg Code // Emmanuel E.J. et al. (eds.) The Oxford Textbook of Clinical Research Ethics. Oxford: Oxford University Press, 2008. P.137.

что совершенные нацистскими докторами действия нельзя было квалифицировать иначе как преступления. Судьи трибунала готовились не столько к тому, чтобы покарать преступников, сколько к тому, чтобы доказать преступность их действий. Важно отметить и еще одно характерное для англо-саксонской правовой системы свойство – ее прецедентный характер. Организаторы процесса в Нюрнберге были ориентированы на то, чтобы создать полноценный международно-правовой прецедент, на основании которого все действия, аналогичные совершенным нацистскими докторами, в будущем можно было бы рассматривать как преступные и бесчеловечные.

Документы и свидетельские показания, представленные в ходе заседаний Нюрнбергского трибунала, давали ясную картину того, что медицинские эксперименты в нацистских концентрационных лагерях были преступными по своим замыслам и исполнению. Мнение о преступности этих экспериментов господствовало и среди подавляющего большинства тех, кто присутствовал на заседаниях в Нюрнберге. Тем не менее перед началом процесса никто из нацистских врачей не признавал своей вины, убеждая судей, что все они действовали в соответствии с законом, в интересах медицины, придерживаясь моральных норм. Все это весьма обескуражило судей Нюрнбергского трибунала, которые не допускали, что их обвиняемые заслуживают освобождения как всего лишь второстепенные исполнители чьей-то злой воли. Среди оказавшихся на скамье подсудимых большинство было крупными специалистами в своей медицинской области.

Обвиняемые пытались представить убедительные аргументы в свое оправдание, и эти аргументы сводились к четырем суждениям. Во-первых, они осуществляли свои медицинские исследования, не имея возможности опереться на какие-либо универсальные нормы

проведения экспериментов с участием человека в качестве испытуемого. Во-вторых, они действовали в соответствии с существующими законами. В-третьих, использование в ходе экспериментов заключенных из тюрем являлось широко распространенной практикой, применяемой и на территории стран-победительниц, в том числе в США. В-четвертых, ужасные условия, в которых проводились эти эксперименты, были следствием военного времени, от которого страдали все находящиеся в Германии. Судьи Нюрнбергского трибунала отклонили все эти аргументы, однако развернувшаяся между сторонами дискуссия указывала на то, что позицию защищающейся стороны нельзя было игнорировать.

Как и всякий судебный процесс, Нюрнбергский процесс над нацистскими докторами был схваткой за истину, в ходе которой каждая из сторон отстаивала свои убеждения. Сторона обвинения настаивала на том, что медицинские эксперименты в концлагерях были преступлениями, совершенными с использованием научно-медицинских знаний, а обвиняемые и их адвокаты утверждали, что их практика ничем не отличалась от той, что имела место в странах союзников. В качестве такого примера было указано на исследования в тюрьме штата Иллинойс, где заключенных привлекли к испытанию вакцины против малярии, о чем стало известно в июне 1945 г. Но американский медицинский эксперт Эндрю Иви, обсуждая этот пример, утверждал, что эксперимент в Иллинойсе был организован идеально: заключенным объяснили все опасности, которые им угрожают, и с них взяли согласие на участие в эксперименте. Когда Иви рассказывал об эксперименте в Иллинойсе, его речь была нацелена на то, чтобы усилить позицию обвинения. Но, похоже, что, говоря о безупречности моральной стороны эксперимента с заключенными, он все же выдал желаемое за действительное. Именно поэтому сразу

после возвращения из Нюрнберга в США он принялся за написание доклада так называемого «Зеленого комитета», в котором специально изложил этические нормы, на которых должны строиться эксперименты с участием заключенных тюрем¹.

Не исключено, что оказавшиеся на скамье подсудимых были склонны воспринимать сам процесс как рациональную форму мести со стороны победителей, а итоги процесса – как predetermined изначально. Обвиняемые в преступлениях против человечности, разве они делали что-то другое по сравнению с их победителями, в особенности американцами, когда те бомбили немецкие города или сбрасывали атомные бомбы на Хиросиму и Нагасаки?! Заявляя о том, что их действия подчинялись уже сложившейся традиции осуществления медицинских экспериментов с участием человека, нацистские доктора явно указывали этим на то, что такие исследования могли проводиться и на территории стран-победительниц. Но если так, то в чем же тогда состоит их вина?

Между тем организаторы процесса в Нюрнберге хотели не просто мщения. Им предстояло ответить на вопрос о самой возможности совершения преступлений врачами, о возможности проникновения нацизма в пространство самой мирной на свете профессии. И получив ответ на эти вопросы, организаторы Нюрнбергского процесса над нацистскими докторами хотели найти средство против таких преступлений в будущем.

¹ Harkness J.M. Nuremberg and the Issue of Wartime Experiments on US Prisoners: The Green Committee // Journal of American Medical Association. 1996. Vol.276 (20). P.1672-1675; Weindling P. The Origins of Informed Consent: The International Scientific Commission on Medical War Crimes, and the Nuremberg Code // Bulletin of the History of Medicine. 2001. Vol.75 (1). P.37-71.

Нюрнбергский процесс над нацистскими докторами – это один из ключевых эпизодов в истории послевоенного осуждения нацистских преступлений и подведения итогов Второй мировой войны. Но при этом он был и детищем холодной войны. Вопрос о том, когда началась холодная война – после знаменитой речи Уинстона Черчилля в Фултоне 5 марта 1946 г. или уже во время Ялтинской конференции союзников в феврале 1945 г., – следует оставить историкам. Важно то, что к моменту начала процесса над нацистскими докторами холодная война между СССР и Западом уже шла полным ходом. Именно поэтому представители Советского Союза на заседаниях малых Нюрнбергских трибуналов не присутствовали.

Новая международно-политическая ситуация наложила на этот процесс серьезный отпечаток. Прежнего единства между сторонами, выступившими против нацистских преступников, уже не было. Некоторые современные исследования показывают, что у оказавшихся на скамье подсудимых нацистских докторов появились сочувствующие в лагере американских консерваторов, антикоммунистов и патриотически настроенных генералов¹. Решения Нюрнбергского трибунала хотя и были суровыми, но уже не в той мере, как вердикты Международного Нюрнбергского трибунала. Некоторые осужденные за преступления нацистские доктора вскоре были выпущены из тюрем, а большая группа германских врачей и университетских ученых, запятнавших себя сотрудничеством с гитлеровским режимом, вообще избежала преследований.

Атмосфера холодной войны определила характер задач, которые поставили перед собой организаторы Нюрнбергского процесса над докторами. С одной стороны, им предстояло продолжить работу

¹Weindling P.J. Nazi Medicine and the Nuremberg Trials: From Medical War Crimes to Informed Consent. New York: Palgrave Macmillan, 2004. P.5.

по осуждению нацистских преступников, начатую в 1945 г. всеми странами-победительницами. С другой стороны, ими двигало желание понять, в какой мере нацистские медицинские эксперименты военного времени смогут послужить оборонным целям США и их союзников по холодной войне в будущем. Тем самым Нюрнбергский медицинский процесс был призван не только осудить нацизм, но и извлечь уроки из преступлений нацистской медицинской науки.

Участники заседаний Нюрнбергского трибунала и медицинская общественность в западных странах задавались вопросами о том, насколько успешны были медицинские эксперименты, проводимые нацистскими врачами. Поскольку все они были напрямую связаны со зверствами, в сознании судей трибунала и их единомышленников утвердилась естественная мысль о том, что эти нацистские эксперименты не принесли никакой пользы. Так, в ведущем британском медицинском журнале «Ланцет» сразу после войны вышла статья, в которой указывалось, что ни один из этих экспериментов не имел практической пользы. Кроме того, подчеркивалось, что медицинская наука в нацистской Германии уже после 1933 г. сильно отставала в своем развитии от британской и американской науки и поэтому не могла дать никаких существенных результатов¹.

Между тем отношение к нацистским медицинским экспериментам в западных странах не сводилось только к их отрицанию и критике за присущую им бесчеловечность. Американские, британские и другие западные исследователи сразу после окончания войны не только пытались дать нравственную оценку этим экспериментам, но и найти в них пищу для своих собственных научных исследований. В последнее время становится все больше известно о том,

¹Medicine in Germany // Lancet. 1946. Vol.247 (6385). P.62.

что многие нацистские исследования в области физиологии, иммунологии и генетики в годы холодной войны стали предметом самого пристального внимания медицинских исследователей на Западе¹. И если цитирование нацистских авторов и ссылки на их исследования для многих ученых на Западе были нравственно неприемлемы, то продолжение работы в том же направлении считалось вполне нормальным. Нацистская медицинская наука считалась «плохой наукой», поскольку она предполагала эксперименты с людьми, но когда речь шла о возможности тех же экспериментов с лабораторными мышами и кроликами, такие же по своим целям исследования легко приобретали статус «хорошей науки».

Несмотря на то, что антисоветские настроения атмосферы холодной войны оказали свое влияние на общую атмосферу Нюрнбергского процесса над докторами, сам процесс все же не превратился в фарс. Это было вызвано, прежде всего, тем, что жертвы нацистских медицинских экспериментов, а также судьи Нюрнбергского трибунала ни при каких условиях не были готовы мириться с возможностью нового повторения нацистских преступлений.

Для того чтобы дать определение нацистским медицинским экспериментам, на процессе в Нюрнберге был использован термин «медицинские военные преступления». Его впервые употребил Джон Вест Томпсон, врач из канадской военной разведки, американец по происхождению. Такой термин понадобился для того, чтобы описать те факты, о которых 4 марта 1945 г. впервые сообщили бывшие заключенные Освенцима после освобождения². Главный обвинитель Нюрнбергского трибунала генерал Тейлор использовал

¹Weindling P. Nazi Medicine and the Nuremberg Trials. P.297-318; Moe K. Should Nazi Research Data Be Cited // The Hastings Center Report. 1984. Vol.14 (6). P.5-7.

²Weindling P.J. John W. Thompson: Psychiatrist in the Shadow of the Holocaust. Rochester, NY: University of Rochester Press, 2010.

также термин «преступления, совершенные под видом научных исследований». Американский медицинский эксперт Лео Александер назвал нацистские медицинские эксперименты «танатологией» - наукой об убийствах¹.

Согласно мнению организаторов процесса, преступность нацистских медицинских экспериментов была отражением преступности всего нацистского государства и проводившегося им геноцида. О связи между преступными медицинскими экспериментами и геноцидом в те дни заявлялось не только в Нюрнберге. 11 декабря 1946 г., всего через два дня после того, как начался процесс, в Нью-Йорке на заседании Генеральной Ассамблеи ООН была принята резолюция №96 (1), объявляющая геноцид преступлением, нарушающим нормы международного права².

В ходе заседаний Нюрнбергского трибунала все виды преступных медицинских экспериментов были разделены на шесть групп: 1) эксперименты, связанные со спасением летчиков и моряков, 2) лечением ранений, 3) реконструктивной хирургией, 4) предупреждением эпидемий, 5) изучением влияния биологического и химического оружия, 6) евгеникой. Кроме того, была выделена группа преступлений, совершенных в интересах расовой антропологии.

Эксперименты, связанные с разработкой средств к спасению военных летчиков и моряков, проводились, главным образом, в концлагере Дахау. Нацистские военные медики были заинтересованы в них в связи с тем, что военные действия третьего рейха против Великобритании велись в основном над Ла-Маншем и в акватории

¹Schmidt U. Justice at Nuremberg: Leo Alexander and the Nazi Doctor's Trial. New York: Palgrave Macmillan, 2004.

²Резолюции 1-й сессии Генеральной Ассамблеи Организации Объединенных Наций. Нью-Йорк, 1946. С. 140.

Северного моря, и в ходе этих боев сбитые немецкие асы покидали свои самолеты на большой высоте, падая в холодную морскую воду. Командование германских военно-воздушных сил стремилось добиться повышения живучести летчиков, а также моряков в экстремальных условиях. Для решения этой задачи решено было проводить эксперименты на заключенных.

Опыты по изучению влияния на человеческий организм пониженного давления проводились в Дахау в первой половине 1942 г. С этой целью в лагере была создана специальная барокамера, в которой искусственно моделировались условия, характерные для высоты более 20 километров. В эту камеру насильственно были помещены 200 испытуемых, из которых погибли 70-80 человек. Все эти смерти были следствием медицинских экспериментов. Чтобы определить точную причину смерти, некоторых испытуемых подвергли вскрытию прямо во время эксперимента, надеясь обнаружить эмболические пузырьки воздуха в системе кровообращения. Во время этих убийственных исследований нацистские экспериментаторы снимали электрокардиограмму со своих жертв¹.

С середины 1942 г. нацистские исследователи приступили к изучению влияния переохлаждения на человеческий организм. Для этих целей было использовано 300 заключенных, причем не только военнопленных, но и политических заключенных. Во время опытов испытуемых различными способами помещали в ледяную воду, а затем пытались спасти, применяя различные согревающие методики. От 80 до 90 человек в ходе этих экспериментов умерли от остановки сердца. По итогам экспериментов нацистские доктора при-

¹Freyhofer H.H. The Nuremberg Medical Trial: The Holocaust and the Origin of the Nuremberg Medical Code. New York: Peter Lang, 2004. P.25; Weindling P. Nazi Medicine and the Nuremberg Trials. P. 78-82.

шли к выводу, что лучший способ спасения для замерзающих – помещение в горячую воду¹.

Исследования о воздействии на организм соленой воды проводились в 1943 и 1944 гг. Они были важны для ВВС Германии по той причине, что к этому времени битва за господство в воздухе над Северным морем уже была проиграна, но сражения над Средиземным морем еще продолжались. В этом регионе главной проблемой для сбитых летчиков было уже не переохлаждение, а отсутствие питьевой воды после падения в море. Нацистские доктора предложили два технических способа решения проблемы – устройство для опреснения воды и устройство, позволяющее смешивать соленую воду со сладким витаминным раствором. То и другое было решено проверить на заключенных Дахау. Для этого были использованы 44 цыгана. Одной группе не давали пить две недели, и все испытуемые умерли. На двух других группах испытали методики опреснения и смешивания. В ходе экспериментов никто из испытуемых не умер, но впоследствии у многих наблюдались серьезные осложнения².

Нацистские эксперименты, связанные с разработкой различных средств для лечения пулевых и осколочных ранений, а также ожогов, осуществлялись на протяжении нескольких лет на заключенных целого ряда концлагерей. Поскольку число раненых на всех фронтах было огромным, командование вооруженных сил третьего рейха было заинтересовано в том, чтобы такие эксперименты проводились в больших масштабах. В женском лагере Равенсбрюк с июля 1942 по август 1943 г. 60 польских женщин были подвергнуты различным мучительным экспериментам с целью изучения того,

¹СС в действии. Документы о преступлениях СС. М.: Светотон, 2000. С. 361-370; Berger R.L. Nazi Science-The Dachau Hypothermia Experiments // The New England Journal of Medicine. 1990. Vol.322 (20). P. 1435-1440.

²Freyhofer H.H. The Nuremberg Medical Trial. P. 28-29.

как происходит инфекционное заражение твердых и мягких тканей тела после ранения. В качестве лекарственного препарата использовался сульфаниламид. Опыты показали его слабую эффективность. Кроме сульфаниламида, нацистские доктора испытывали на заключенных и другие средства как внутреннего применения, так и мази. На фоне успешных англо-американских опытов с пенициллином и советских с крустозином все германские экспериментальные средства оказались бесполезными, но чтобы убедиться в этом, нацистским докторам понадобилось уничтожить и покалечить сотни людей¹.

Еще один вид медицинских экспериментов был связан с реконструктивной хирургией. Во время войны постоянно росло число покалеченных среди военных и гражданского населения, которые лишались конечностей, страдали от переломов костей и т.д. Стремясь усовершенствовать методы лечения и реабилитации таких пациентов, нацистские доктора массово проводили эксперименты в Равенсбрюке и других лагерях с участием пациентов. Близкий друг командующего войск СС Гиммлера профессор Карл Гебхардт занимался исследованием переломов костей, костными пересадками и костной пластикой. С этой целью им использовались здоровые люди, которым ломали кости, а после этого изучали, как происходит процесс нагноения ран. Осуществлялись и трансплантации костей, когда здоровых доноров, которыми были заключенные концлагерей, вырезали отдельные кости, а затем их имплантировали покалеченным немцам. После таких экспериментов некоторых доноров уничтожили, а другие, пережив эти мучения, остались инвалидами².

¹СС в действии. Документы о преступлениях СС. М.: Светотон, 2000. С. 371-381; Freyhofer H.H. The Nuremberg Medical Trial. P. 29-31.

²Freyhofer H.H. The Nuremberg Medical Trial. P. 31-32.

Одна из самых известных разновидностей нацистских медицинских экспериментов касалась изучения возможностей предупреждения эпидемий. Германское военное командование было заинтересовано в их проведении, помня о том, что во всех предыдущих войнах количество солдат, умерших от заразных болезней, было сопоставимо с количеством умерших от ран. Со времен похода Наполеона на Москву в 1812 г. и Первой мировой войны главным бичом для армий были эпидемии сыпного тифа. По этой причине нацистские врачи на протяжении всей войны систематически занимались изучением распространения тифа, а также других инфекционных заболеваний – гриппа, брюшного тифа, желтухи, малярии, желтой лихорадки и т.д. В лабораториях нацистских концлагерей ставили опыты по заражению заключенных, а также проводили испытания вакцин. Кроме военного командования третьего рейха в проведении этих экспериментов были заинтересованы германские фармацевтические компании, такие как ИГ «Фарбен», а также Институт гигиены войск СС.

В документах Нюрнбергского трибунала и специальных исследованиях¹ по этой теме сообщается, что в концлагере Бухенвальд нацистские доктора специализировались на изучении тифа, в Дахау – на малярии, в Заксенхаузене и Нацвейлере – на желтухе, в других изучали другие болезни. Испытуемых заключенных подвергали заражению различными способами и наблюдали, какими темпами протекает болезнь. На одной из подопытных групп испытывали вакцину, другую, контрольную группу оставляли без вакцины. В Бу-

¹СС в действии. С. 329-360; Weindling P. Epidemics and Genocide in Eastern Europe, 1890-1945. Oxford: Oxford University Press, 2000. P. 272-372; Вайндлинг П. Тиф, паразиты и поиски вакцины в годы Второй мировой войны // Болезнь и здоровье: новые подходы к истории медицины / под общ. ред. Юргена Шлюмбама, Михаэля Хагнера, Ирины Сироткиной. СПб.: Европейский университет в Санкт-Петербурге, Алетейя, 2008. С. 260-293.

хенвальде смертность в первой группе участников экспериментов достигала 15%, в контрольной группе умирали почти все.

Заражая заключенных смертельно опасными вирусами, нацистские экспериментаторы способствовали тому, что болезни охватывали тысячи и тысячи узников целого лагеря. Эсэсовцы, кроме того, добивались, чтобы эпидемии охватывали и гражданское население оккупированных областей за пределами лагеря. Поскольку испытания вакцин нередко оказывались неэффективными, наиболее часто применяемым средством контроля над распространением вирусов становилась газовая камера. Сотни тысяч заразившихся и больных пленных направлялись в эти камеры для уничтожения, становясь жертвами бесперебойно работавших гитлеровских «фабрик смерти».

В тесной связи с вирусологическими исследованиями стояли исследования биологического и химического оружия, которые осуществлялись с использованием заключенных концлагерей. Военное командование третьего рейха считало, что они могут быть важны как для разработки средств помощи солдатам и германскому мирному населению, так и для разработки средств уничтожения противника. Эксперименты по созданию биологического оружия начались в Институте по изучению рака в 1943 г. и уже вскоре были продолжены на заключенных концлагерей. В лагере Заксенхаузен, кроме того, в 1944 г. испытывали некоторые образцы химического оружия, применяя, в частности, пули со смертельно опасным нитратом аконитина, против которого не существовало антидотов. Согласно свидетельствам Международного Нюрнбергского трибунала,

в боевых условиях применить оружие массового поражения нацисты не успели, но в концлагерях испытания велись полным ходом¹.

Составной частью карательных медицинских экспериментов нацистских врачей были их евгенические исследования, которые проводились в рамках программ массовой стерилизации и эвтаназии, осуществлявшихся гитлеровцами. Эти программы, в свою очередь, были частью еще более чудовищных планов по установлению мирового господства и порабощению населения Европы и других континентов. Вожди третьего рейха планировали изгнать миллионы местных жителей с занимаемых ими территорий, а оставшихся превратить в безропотную рабочую силу, не способную к размножению. В первую очередь, это касалось славян. Что касается евреев, цыган, коммунистов, антифашистов, либералов, душевнобольных и гомосексуалистов, то их планировалось полностью уничтожить.

Нацистские доктора, вовлеченные в евгенические исследования, допускали, что существует три способа дешевой массовой стерилизации «расово чуждых элементов - лекарства для перорального применения, внутриматочные инъекции и радиоактивное облучение. Однако поскольку наладить производство стерилизующих лекарственных препаратов для гитлеровцев было тяжело, то решено было испытать два других средства. По распоряжению Гимmlера в Освенциме и Равенсбрюке в 1943 г. начались массовые опыты с внутриматочными инъекциями. Эсэсовцы планировали, что за сутки один врач с помощниками сможет подвергнуть стерилизации не менее одной тысячи женщин. Но поскольку и этот метод оказывался, по мнению нацистов, не идеальным, предпочтение было отдано радиоактивному облучению яичников с помощью рентгеновской

¹Proctor R.N. The Nazi War on Cancer. Princeton, NJ: Princeton University Press, 1999. P. 258-261; Weindling P. Epidemics and Genocide in Eastern Europe. P. 373-392; Freyhofer H.H. The Nuremberg Medical Trial. P. 33-34.

установки. Сеансы рентгеновского облучения были непродолжительными по времени, дешевыми и позволяли одновременно охватить большое число людей. Параллельно с евгеническими исследованиями нацистские доктора в тех же местах проводили исследования в сфере онкологии. Изучалось, как лечить рак и как вызывать его искусственно. Кроме того, мужчин-гомосексуалов подвергали экспериментам эндокринологического характера, рассматривая, можно ли добиться повышения или понижения уровня тестостерона в их организме¹.

С евгеническими исследованиями были идеологически связаны нацистские изыскания в сфере расовой антропологии. Поскольку нацисты верили в то, что после войны им предстоит жить в «расово чистом мире», в своих антропологических музеях они планировали собрать коллекции, напоминающие об опасностях, исходящих от «неполноценных рас», прежде всего евреев. По просьбе нацистского профессора антропологии Августа Хирта в 1943 г. Гиммлер предоставил ему 86 специально подобранных еврейских заключенных из Освенцима, которые были привезены в Страсбург, где их и умертвили. Таким варварским способом была собрана коллекция черепов для местного музея антропологии, а тела убитых, помещенные в спиртовой раствор, были найдены американскими солдатами уже после освобождения Страсбурга. Наряду с черепами нацистские расовые антропологи создавали коллекции отдельных частей тела, а также использовали человеческую кожу для изготовления переплетов книг и абажуров к лампам².

¹СС в действии. С.382-424; Proctor R.N. The Nazi War on Cancer. P. 73-119.

²СС в действии. С. 404-408; Freyhofer H.H. The Nuremberg Medical Trial. P. 37-38.

«Нюрнбергский кодекс» был написан в августе 1947 г., когда заседания в Нюрнберге уже подходили к концу и судьи уже готовились вынести приговор обвиняемым. Он открывался следующими словами: «Тяжесть свидетельских показаний, лежащих перед нами, заставляет делать вывод, что некоторые виды медицинских экспериментов на человеке отвечают этическим нормам медицинской профессии в целом лишь в том случае, если их проведение ограничено соответствующими, четко определенными рамками»¹.

Основная идея, объединяющая все десять морально-правовых принципов «Кодекса», заключается в том, что никакие медицинские эксперименты, предполагающие участие человека, не должны осуществляться без согласия испытуемого. Если испытуемый захочет отказаться от участия в эксперименте, то он должен быть прерван в любой момент. Здоровье и благополучие человека, привлекаемого для участия в эксперименте, является наивысшей ценностью, а благо отдельно взятого индивида – выше интересов исследователей и общества в целом.

«Кодекс» был подготовлен как документ, призванный помочь судьям Нюрнбергского трибунала в их работе по установлению вины нацистских врачей. Этот документ предполагалось использовать только в рамках процесса. В 1953 г. он был одобрен Министерством обороны США в качестве доктринального документа. При этом на него был наложен гриф «совершенно секретно», который был снят лишь в 1975 г.².

¹Нюрнбергский кодекс // Аналитические материалы по проекту «Анализ нормативно-правовой базы в области прав человека в контексте биомедицинских исследований и выработка рекомендаций по ее усовершенствованию» / гл. ред. Б.Г. Юдин. М.: Изд-во Моск. гуманит. ун-та, 2007. С. 47.

²Annas G.S., Grodin M.A. The Nuremberg Code // Emmanuel E.J. et al. (eds.) The Oxford Textbook of Clinical Research Ethics. P. 139.

Вплоть середины 1970-х гг. о «Нюрнбергском кодексе» практически не вспоминали – ни в США, ни в Германии, ни в других странах. Врачи по всему миру воспринимали его как всего лишь малозаметный текст в общем потоке документов Нюрнбергских исследований. Одним из первых, кто всерьез обратил на него внимание, был Джей Катц, американский психиатр и один из ведущих специалистов в области медицинской этики, которому в середине 1970-х гг. пришлось включиться в работу по оценке морально-правовых аспектов медицинских экспериментов в США. Катц был вынужден признать, что американские доктора не считали «Кодекс» полезным для себя этическим руководством. По словам Катца, в Америке было принято думать, что «это был хороший кодекс для варваров, но не для обычных врачей-ученых»¹.

Несмотря на то, что «Нюрнбергский кодекс» появился как особая форма американской культурной реакции на нацистские медицинские преступления, в нем с самого начала были сформулированы идеи, обращенные не столько к трагическому прошлому, сколько к будущему. Основная идея «Кодекса» утверждала приоритет принципа информированного согласия, но было совершенно ясно, что в условиях нацистских концлагерей с этим принципом никто не собирался считаться. Согласие на участие в экспериментах со стороны испытуемого было необходимым условием для проведения медицинских исследований уже в послевоенных реалиях.

Катц указал на то, что принцип информированного согласия следует считать наиболее важным звеном этически выстроенных исследований. В своих размышлениях по этому вопросу он также

¹Katz J. The Consent Principle of the Nuremberg Code: Its Significance Then and Now // Annas G.J., Grodin M.A. (eds.) The Nazi Doctors and the Nuremberg Code. Human Rights in Human Experimentation. Oxford: Oxford University Press, 1992. P. 228.

пришел к выводу, что результаты медицинских экспериментов не могут рассматриваться отдельно от способа, которым они были получены¹. Согласно Катцу, согласие пациента на участие в медицинских исследованиях – это новая этическая максима, которая не только является безусловным началом всякого эксперимента с участием человека, но и необходимым условием для того, чтобы общество могло получать пользу от развития медицинской науки.

«Нюрнбергский кодекс» - это документ, с которого должна была начаться совершенно новая медицинская наука, очищенная от следов нацистских преступлений. Однако, как уже было сказано, еще долгое время он находился за пределами внимания медицинской общественности, как и всего западного общества в целом. У «Кодекса» был предшественник, чье появление было обязано не американским, а германским авторам. В 1931 г., за два года до прихода к власти нацистов, в Германии был разработан документ, серьезно напоминающий по содержанию «Нюрнбергский кодекс», - «Циркуляр рейхсминистра внутренних дел, касающийся руководства для новой формы терапии и экспериментов с участием человека»². Но нетрудно догадаться, что этот документ оказался еще в большей степени не востребован в связи с приходом к власти нацистов, которые не нашли в нем ничего полезного для своей «расовой медицины».

¹Wilkerson I. Nazi Scientists and Ethics of Today // The New York Times. 1989. May, 21.

²Howard-Jones N. Human Experimentation in Historical and Ethical Perspectives // Social Sciences and Medicine. 1982. Vol.16 (15). P. 1435-1436; Wollman J. Informed Consent in Human Experimentation before Nuremberg Code // British Medical Journal. 1996. Vol. 313 (7070). P. 1445-1449; Weindling P. The Origins of Informed Consent: The International Scientific Commission on Medical War Crimes, and the Nuremberg Code // Bulletin of the History of Medicine. 2001. Vol.75 (1). P. 37-71.

Достоинства «Нюрнбергского кодекса» тесно связаны с его слабыми сторонами. Провозглашая абсолютность принципа информированного согласия со стороны испытуемого, «Кодекс» не обращал никакого внимания на возможные различия между участниками медицинских исследований. В нем совершенно не затрагивались вопросы о детях, лицах с психическими расстройствами и пациентах больниц, не способных самостоятельно дать согласие на участие в экспериментах. Фактически в «Кодексе» шла речь только о военнослужащих, военнопленных и заключенных тюрем. За пределами внимания авторов «Кодекса» остался также вопрос об использовании человеческих эмбрионов в медицинских исследованиях, а также международные вопросы организации медицинских исследований.

Нюрнбергский процесс над нацистскими докторами породил много вопросов. Один из самых важных – почему вообще медицинские преступления нацистов оказались возможными?

Самый простой ответ на этот вопрос заключается в том, что совершавшие преступления нацистские доктора были откровенными психопатами и садистами. Но, как это видно из вступительного слова главного обвинителя на процессе генерала Тейлора, такой ответ организаторы Нюрнбергского трибунала не признавали. На скамье подсудимых в Нюрнберге оказались психически вменяемые люди - авторитетные представители германской медицинской науки.

Организаторы Нюрнбергского трибунала придерживались другой точки зрения, согласно которой преступность действий нацистских врачей была обусловлена влиянием на их профессию нацистского политического режима. Ее разделял и Лео Алексан-

дер - один из главных медицинских экспертов Нюрнбергского трибунала. В своей статье об особенностях нацистской медицинской науки, опубликованной вскоре после Нюрнберга, он утверждал, что при диктатуре и сама наука усваивает стиль диктаторской формы мышления¹.

Но объяснение Александера было политически ангажированным. Утверждая, что преступность нацистских медицинских экспериментов была вызвана исключительно влиянием нацистского политического режима, он, тем самым, допускал, что при другом политическом режиме медицинские преступления были бы невозможны. Впоследствии целый ряд исследователей развили точку зрения Александера, утверждая, что сильная государственная власть способна подавлять медицину и превращать ее в инструмент своих политических замыслов. По их мнению, в отличие от либерально-политического режима при нацизме и социализме медицина в большей степени подвержена риску соскальзывания на преступный путь².

Еще одну попытку ответить на вопрос о том, почему стали возможны нацистские медицинские преступления, спустя сорок лет после Нюрнберга предпринял Роберт Лифтон. Он пытался психологизировать этот вопрос, рассматривая образ нацистских докторов сквозь призму известной концепции о возможности раздвоения личности в духе Джекила и Хайда. По его мысли, в же-

¹Alexander L. Medical Science under Dictatorship // The New England Journal of Medicine. 1949. Vol.241 (2). P. 39-47.

²Menkin A. Historical Bias of Medical Crimes in Nazi Germany // North Carolina Medical Journal. 1968. Vol. 29 (5). P. 189-201; Barondess J.A. Medicine against Society: Lessons from the Third Reich // Journal of American Medical Association. 1996. Vol. 276 (20). P. 1657-1661; Mackrakis K. Surviving the Swastika: Scientific Research in Nazi Germany. Oxford: Oxford University Press, 1993; Deichmann U. Biologists under Hitler. Cambridge, Mass: Harvard University Press, 1996; Колчинский Э.И. Биология в Германии и России – СССР в условиях социально-политических кризисов первой половины XX века. СПб.: Нестор-История, 2006.

стоких условиях военного времени в сознании германских врачей происходило раздвоение на человеческую и мрачную стороны, гуманные принципы медицинской профессии вынуждены были уживаться с тоталитарными принципами, свойственными нацистскому режиму¹.

Точка зрения Лифтона, получившая поддержку у некоторых авторов², тем не менее, предоставляет слишком упрощенный взгляд на проблему, который был отвергнут еще во времена проведения Нюрнбергского трибунала. Как и Александер, Лифтон также выступает апологетом медицинской профессии, стремясь найти какие-то объяснения за ее пределами, но уже не в политике, а в психологии. Но не стоит ли их разыскивать в пространстве самой медицины?

С середины 1970-х гг., когда появились работы Ивана Иллича и Мишеля Фуко³, все больше исследователей стали обращать внимание на то, что современному биолого-медицинскому знанию самому по себе присуща особая форма власти, биовласть, которая способна порождать смертельно опасные цветы в индустриально развитых обществах. Такой подход позволяет критически взглянуть на противоречивый потенциал, присущий современной медицинской профессии, и связать вопрос о медицинских преступлениях, совершенных нацистскими докторами, с вопросом о кризисе современной медицины, символом которой и стал Нюрнбергский процесс. Признавая правомерность такого подхода, можно сделать вывод о том, что Нюрнбергский процесс над докторами-убийцами был не только важным историческим событием, в ходе

¹Lifton R.J. *The Nazi Doctors: Medical Killing and the Psychology of Genocide*. New York: Basic Books, 1986.

²Spitz V. *Doctors from Hell: The Horrific Account of Nazi Experiments on Humans*. Boulder, Co.: Sentient Publications, 2005.

³Illich I. *Medical Nemesis: The Expropriation of Health*. New York: Pantheon Books, 1976; Фуко М. *Воля к знанию* // Фуко М. *Воля к истине: по ту сторону власти, знания и сексуальности*. М.: Касталь, 1996. С. 97-268.

которого были разоблачены медицинские преступления нацистов, но и поворотным событием в истории всей западной медицины, возводящей свои истоки к Гиппократу.

По прошествии уже почти 70 лет с момента создания «Нюрнбергского кодекса» он продолжает сохранять свое непреходящее историческое наследие. Этот документ является живой памятью жертвам нацизма, а также свидетельством той непримиримой позиции по отношению к нацизму, которую заняли создатели Нюрнбергских морально-правовых принципов. Но что не менее важно, «Нюрнбергский кодекс» - это предтеча всех современных этико-правовых руководств в области биомедицинских исследований и один из источников современного биоэтического мышления. Как в свое время заметил Артур Каплан, «биоэтика родилась из пепла Холокоста»¹.

¹Annas G. American Bioethics: Crossing Human Rights and Health Law Boundaries. Oxford: Oxford University Press, 2005. P. 161.

2. ОТ «НЮРНБЕРГСКОГО КОДЕКСА» ДО «ХЕЛЬСИНКСКОЙ ДЕКЛАРАЦИИ» И ГЕНРИ БИЧЕРА

Нюрнбергский трибунал над докторами изобличил нацистские медицинские эксперименты как преступления, совершенные под видом научных исследований. Не принимая в расчет аргументы нацистских врачей о том, что они действовали в условиях военного времени, этично и в интересах своей страны, судьи трибунала признали их медицинские опыты на людях военными преступлениями и преступлениями против человечности. Вынося приговор нацистским врачам-убийцам, трибунал, кроме того, исходил из того, что нацисты своими действиями запятнали медицинскую профессию как самую мирную и гуманную сферу человеческой деятельности. Отрицая какую-либо научную ценность «варварской» медицины нацистов, судьи и приглашенные американские медицинские эксперты противопоставили нацистской медицинской идеологии подход, предписывающий проводить медицинские исследования с участием человека исключительно на основе принципа согласия – добровольного, информированного и осмысленного. Этот подход был воплощен в тексте «Нюрнбергского кодекса» - документа, подготовленного экспертами специально для заседаний трибунала, но впоследствии ставшего важнейшим источником возникшей позднее биоэтики.

Поскольку текст «Нюрнбергского кодекса» весьма длительное время был мало знаком медицинской общественности на Западе, то вопрос о морально-правовых основаниях организации и проведения медицинских исследований с участием человека решался в другом месте – не в военном трибунале, а на встречах руководителей здравоохранения и ведущих медицинских специалистов. Однако решения, принятые в ходе Нюрнбергского процесса, как и сама атмосфера, окружавшая его, оказали огромное влияние на содержание целого ряда деклараций, принятых международным медицинским сообществом в послевоенные годы. В их числе «Женевская декларация Всемирной медицинской ассоциации» (1948) и «Хельсинкская декларация» (1964). Каждый из этих документов является краеугольным камнем в фундаменте современной биоэтической мысли.

Нюрнбергский трибунал над нацистскими докторами, изобличенными в ужасных преступлениях против человечности, заставил врачей в разных странах мира поверить в то, что в условиях нацистского режима мирная медицинская профессия может подвергнуться извращенным трансформациям, а сами врачи из хранителей человеческой жизни могут превратиться в убийц. Чтобы не допустить таких страшных событий в будущем, врачи из 27 стран мира собрались в сентябре 1947 г. в Париже и основали Всемирную медицинскую ассоциацию, которая поставила себе основной целью служить человечеству, стараясь достичь высоких международных стандартов в медицинском образовании, медицинской науке, медицинском искусстве, медицинской этике и охране здоровья во всем мире. На первой Генеральной ассамблее ВМА присутствовали представители национальных медицинских ассоциаций Австралии, Австрии, Бельгии, Канады, Китая, Чехословакии, Дании, Ирландии, Франции, Ве-

ликобритании, Греции, Исландии, Индии, Италии, Люксембурга, Нидерландов, Норвегии, еврейской Палестины, арабской Палестины, Польши, Южной Африки, Испании, Швеции, Швейцарии, Турции, США¹. Советский Союз и целый ряд других стран своих делегатов в Париж не направили, что было следствием политики холодной войны.

С момента своего создания Всемирная медицинская ассоциация озаботилась, в первую очередь, вопросами медицинской этики. Уже в ходе Парижского заседания было заявлено, что проблемам медицинской этики в университетах уделяется недостаточное внимание, а «Клятва Гиппократата», которую приносили многие поколения выпускников медицинских школ, превратилась в пустую формальность. Предлагаемое решение состояло в том, чтоб вместо прежней «Клятвы» разработать и принять за основу новый моральный кодекс, отвечающий духу послевоенного времени.

В качестве такого кодекса в 1948 г. в Женеве в ходе второй Генеральной ассамблеи ВМА была принята «Женевская декларация». Члены национальных ассоциаций рекомендовали принять ее в качестве официальной клятвы для выпускников медицинских школ в своих странах. По своему содержанию «Женевская декларация» во многом напоминала старую «Клятву Гиппократата», но содержала в себе целый ряд важных дополнений. В ее тексте появились такие строки: «Я не позволю соображениям пола и возраста, болезни и недееспособности, вероисповедания, национальной принадлежности, расы, политики, сексуальной ориентации и социального положения встать между моими обязанностями и моим пациентом. Я

¹World Medical Association. About Us. History // <http://www.wma.net/en/60about/70history/index.html>

буду поддерживать предельное уважение к человеческой жизни»¹. Таким образом, в «Декларации» специально подчеркивалось, что профессиональные обязанности врача не должны определяться текущими государственными задачами и иными внешними интересами. Расовая идеология, политика и другие факторы, столь драматично сказавшиеся на развитии медицины в нацистской Германии, специально были обозначены в тексте документа как несовместимые с идеалами медицинской профессии.

Принятие «Женевской декларации» стало одним из важных событий, произошедших в атмосфере закладывания основ современной системы международного права. В том же 1948 г. Организация Объединенных Наций приняла «Всеобщую декларацию прав человека», в которой, помимо прочего, присутствовала пятая статья, утверждающая, что «никто не должен подвергаться пыткам или жестоким, бесчеловечным или унижающим его достоинство обращению и наказанию»². В 1948 г. была принята и «Конвенция по предупреждению и наказанию преступления геноцида», которая развивала текст резолюции Генеральной ассамблеи ООН, принятой в декабре 1946 г.

Во время заседаний Генеральной ассамблеи в Женеве был представлен доклад «Военные преступления и медицина», ставший еще одним откликом на работу Нюрнбергского трибунала. После обнародования доклада члены ассамблеи поручили Совету ВМА в рамках одного из комитетов подготовить «Международный кодекс по медицинской этике». Текст этого документа был подготовлен уже через несколько месяцев, и в октябре 1949 г. на третьей Генеральной

¹ WMA Declaration of Geneva // <http://www.wma.net/en/30publications/10policies/g1/index.html>

² Всеобщая декларация прав человека // http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/declhr.shtml

ассамблее в Лондоне он был принят. «Международный кодекс» формулировал три группы обязанностей для врачей – общие, по отношению к пациентам и по отношению к коллегам. Однако вопросы, касающиеся этики проведения медицинских исследований, в нем затронуты не были.

Послевоенное пятилетие было временем всестороннего подведения итогов Второй мировой войны и попыток извлечь уроки из трагедии Холокоста. Вследствие этого в большинстве документов, принимавшихся авторитетными международными организациями, в том числе ВМА, вопросы защиты жизни, здоровья и интересов личности имели безусловную важность. «Женевская декларация», как и «Всеобщая декларация прав человека», были, прежде всего, реакцией на вызов, брошенный «объединенным нациям» со стороны гитлеровского режима. То же самое следует сказать и о документах, касающихся противодействия геноциду, сам дух которых был пронизан мыслью о том, чтобы не допустить повторения этой трагедии в будущем.

Между тем уже к началу 1950-х гг. международная обстановка коренным образом изменилась, и гнетущая атмосфера холодной войны распространилась по всему миру. Начало войны на Корейском полуострове, которую чужими руками вели Америка и Советский Союз, испытание атомного оружия в США, а затем в СССР, стремительная гонка вооружений, - все это способствовало тому, что бывшие союзники во Второй мировой войне в условиях нового глобального противостояния решили всесторонне использовать достижения научно-технического прогресса в своих интересах.

Прогресс в медицине, как и прогресс в других областях науки и техники, уже после 1945 г. стал, безусловно, самой желаемой целью

как на Западе, так и в Советском Союзе. Повсюду наступил, как выразился Дэвид Ротман, «позолоченный век исследований»¹, когда всевозможные научно-медицинские центры и лаборатории при щедрой поддержке государства ринулись проводить разнообразные биолого-медицинские исследования, в том числе исследования с участием человека.

В этих условиях даже такие организации, как Всемирная медицинская ассоциация, по-видимому, не могли не отреагировать на изменение общей тенденции. Вопрос об активизации исследований с участием человека вошел в повестку дня ВМА, вынудив ее руководство задуматься о разработке этического кодекса для этого случая. В 1952 г. в рамках ассоциации был образован постоянно действующий Комитет по медицинской этике, а в 1953 г. началась работа по подготовке специального документа об этических аспектах медицинских исследований с участием человека.

В 1953 г. Королевская медицинская ассоциация Нидерландов рекомендовала ВМА обсудить вопрос о привлечении людей к медицинским экспериментам. Доктор Ламберт Антоний Хульст предложил, чтобы редакторы медицинских журналов по всему миру обсудили важность защиты испытуемых и разработали руководство, позволяющее оценить, насколько адекватными являются используемые меры защиты субъекта. Незадолго до этого Французская национальная медицинская академия также сделала предметом своего обсуждения вопрос об экспериментах с участием человека. Поэтому доктор Поль Сибре, француз, исполнявший обязанности председателя Комитета по медицинской этике ВМА, поддержал это обращение и заявил, что вопрос об участии людей в медицинских экспери-

¹Rothman D.J. Strangers at the Bedside: A History of How Law and Bioethics Transformed Medical Decision Making. New York: Basic Books, 1991. P. 51-69.

ментах следует отделить от вопроса о нацистских медицинских преступлениях¹.

Сибре решил подготовить специальную резолюцию, посвященную экспериментам с участием человека. Для работы над ней он пригласил Хульста, и этот выбор был не случаен. У себя дома в Утрехте Хульст занимался анестезиологией, но при этом регулярно интересовался проблемами медицинской этики. При этом Хульст посетил заседания Нюрнбергского трибунала и был в курсе многих вопросов, касающихся организации медицинских экспериментов с людьми. Кроме того, Хульст был близко знаком с главными действующими лицами Нюрнбергского процесса – генералом Тейлором и Лео Александером².

Итогом работы группы во главе с Сибре стала «Резолюция об экспериментах с участием человека: принципы организации исследований и экспериментов». Она включала пять разделов: научная и этическая квалификация экспериментатора, предостережение от слишком поспешной публикации результатов экспериментов, эксперименты с участием здоровых испытуемых, эксперименты с участием больных, требование по информированию субъекта о риске в процессе исследования³. Уже в ходе заседаний Комитета по медицинской этике между его членами возникли споры о том, насколько правильно было бы раскрывать всю информацию об эксперименте перед участниками испытаний, особенно перед здоровыми. Этот вопрос возник потому, что незадолго до этого в практику клинических испы-

¹Lederer S. Research without Borders: The Origins of Declaration of Helsinki // Roelcke V., Maio G. (eds.) Twentieth Century Ethics of Human Subjects Research: Historical Perspectives on Values, Practices, and Regulations. Wiesbaden: Franz Steiner Verlag, 2004. P. 202-203.

²Weindling P.J. Nazi Medicine and the Nuremberg Trials: From Medical War Crimes to Informed Consent. New York: Palgrave MacMillan; 2004. P. 327.

³Ashcroft R.E. The Declaration of Helsinki // Emanuel E.L. et al. (eds.) The Oxford Textbook of Clinical Research Ethics. Oxford: Oxford University Press, 2008. P. 142.

таний лекарств вошла новая методика, связанная с использованием плацебо в контрольных группах пациентов. В результате дискуссий текст «Резолюции» был отредактирован, и положение об информировании здоровых участников экспериментов было из него удалено.

В октябре 1954 г. на заседании восьмой Генеральной ассамблеи ВМА в Риме подготовленный проект «Резолюции» был представлен всем делегатам. Вновь разгорелась дискуссия, в ходе которой текст документа снова был скорректирован. По предложению представителя США в окончательную редакцию «Резолюции» было внесено положение о необходимости получения письменного согласия участника экспериментов или лиц, его представляющих. В таком виде она и была принята Генеральной ассамблеей ВМА¹.

Принятая ВМА «Резолюция» по своему тону и содержанию отличалась от «Нюрнбергского кодекса», созданного за шесть лет до нее. В тексте «Резолюции» отсутствовали какие-либо упоминания о Нюрнбергском процессе и нацистских медицинских экспериментах, хотя идейная связь и даже скрытая полемика с «Кодексом» присутствовали. Авторы «Резолюции» подчеркивали необходимость уважать, прежде всего, научные стандарты, тогда как в «Кодексе» акцент был сделан на уважении интересов испытуемого. Кроме того, в «Резолюции» предполагалась возможность привлечения к экспериментам и «безответственных субъектов» - детей и душевнобольных. По мнению авторов «Резолюции», условием добросовестного проведения экспериментов должны были стать авторитет и ответственность медицинского специалиста. В целом авторы «Резолюции» вновь перешли от защиты испытуемого к ответственности исследователя.

¹Lederer S. Research without Borders. P. 203-204; Ashcroft R.E. The Declaration of Helsinki // Emanuel E.L. et al. (eds.) The Oxford Textbook of Clinical Research Ethics. Oxford: Oxford University Press, 2008. P. 141.

Принятие «Резолюции об экспериментах с участием человека» Генеральной ассамблеей ВМА в Риме в 1954 г. не только не сняло всех вопросов о возможности должного проведения экспериментов с участием человека, но и поставило новые. Все они касались статуса испытуемых. Можно ли привлекать к испытаниям заключенных тюрем и военнослужащих? Как быть с добровольцами из числа заключенных? Могут ли быть участниками исследований дети, душевнобольные и другие не самостоятельные в принятии решений индивиды? Кроме того, для многих делегатов, представляющих в ВМА свои национальные медицинские ассоциации, было очевидно, что им необходимо в своей работе руководствоваться более обстоятельным документом, нежели «Резолюция». Речь могла идти только об этическом кодексе, который мог бы примирить все разногласия, проистекающие из личных представлений или национально-культурных традиций медицинской практики.

В самом конце 1950-х гг. Комитет по медицинской этике ВМА вновь вернулся к вопросу о разработке этического руководства, касающегося медицинских исследований с участием человека. Инициатива принадлежала британцу Хью Клеггу, который в те годы возглавил Комитет. Одновременно с этим он был редактором «Британского медицинского журнала» - одного из самых авторитетных в мире медицинских изданий.

В апреле 1960 г. на очередном заседании Комитета был поставлен вопрос о том, следует ли отказаться от некоторых ограничений на медицинские исследования, которые имелись в «Нюрнбергском кодексе». В частности, речь шла о том, что экспериментам с уча-

ствием человека всегда должны предшествовать эксперименты на животных¹. Но всегда ли возможно организовать такие эксперименты?²

В том же году Клегг опубликовал статью, в которой рассмотрел пример, касающийся истории испытаний вакцины БЦЖ против туберкулеза. Он напомнил, что впервые эта вакцина была применена для профилактики туберкулеза в 1922 г., но только в 1956 г. была научно доказана ее безопасность. По мысли Клегга, если бы уже в 1922 г. можно было должным образом организовать испытания, врачам не пришлось бы целых 34 года напрасно переживать из-за своих действий. Вывод автора состоял в том, что наконец настало время, чтобы медицинская общественность во всем мире смогла достигнуть желаемой цели – одновременно проводить необходимые для медицинской науки исследования и обеспечить безопасность пациентов³.

Интерес Клегга к вопросу об этике медицинских экспериментов с участием человека подтолкнул его лично заняться подготовкой специального этического кодекса. Опыт изучения «Нюрнбергского кодекса», как и личный взгляд на проблему, привели его к выводу о том, что целый ряд зависимых лиц должны быть совершенно избавлены от участия в медицинских исследованиях. К их числу он отнес детей, заключенных тюрем, а также лиц, находящихся в зависимости от начальства, докторов и учителей. Выбирая для своего исследования кого-либо, организатор исследования, по мнению Клегга, всегда должен был учитывать его физический, психический и юридический ста-

¹Нюрнбергский кодекс // Аналитические материалы по проекту «Анализ нормативно-правовой базы в области прав человека в контексте биомедицинских исследований и выработка рекомендаций по ее усовершенствованию» / гл. ред. Б.Г. Юдин. М.: Изд-во Моск. гуманит. ун-та, 2007. С. 48.

²Lederer S. Research without Borders. P. 205.

³Clegg H. Human Experimentation // World Medical Journal. 1960. Vol. 7 (1). P. 77-79.

тус. Черновик кодекса Клегг представил в Комитет для обсуждения, однако большинство членов Комитета посчитали, что данный вариант неприемлем, поскольку неправомерно исключает из сферы научных интересов большое количество легкодоступных лиц.

В 1961 г. место руководителя Комитета занял профессор Спинелли, итальянец, который был президентом ВМА в середине 1950-х гг. Он разделял многие взгляды Клегга и продолжил начатую им работу по разработке этического кодекса для медицинских исследований. Дискуссии о статусе испытуемых вновь были продолжены.

Между тем Клегг, используя свои возможности в качестве редактора «Британского медицинского журнала», в октябрьском 1962 г. номере решил напечатать текст своего варианта этического кодекса. В преамбуле к публикации он отметил, что речь идет именно о предварительной версии кодекса, но не об окончательном его варианте. В предлагаемой версии кодекса особое внимание уделялось детям. Автор указывал, что дети могут быть участниками испытаний лишь в том случае, если все риски и угрозы будут объяснены их родителям. Однако дети из приютов и других закрытых учреждений ни при каких условиях не могут быть привлечены к испытаниям. Кроме того, Клегг провел различие между экспериментами, которые могут проводиться с выгодой для пациентов, и экспериментами, совершаемыми в интересах развития науки. В последнем случае их участниками могут быть только независимые ни от кого субъекты¹.

Публикуя свой черновик кодекса, Клегг, конечно, хотел получить отклик от читательской аудитории и разбудить общественную дискуссию. И это ему удалось. В том же номере журнала он предусмотрительно опубликовал редакторскую статью, в которой изложил

¹Draft Code of Ethics of Human Experimentation // British Medical Journal. 1962. Vol. 2 (5312). P. 1119.

свои суждения о статусе субъектов медицинских исследований, а также сослался на статью британского доктора Мориса Паппворта «Человек-морская свинка: предостережение» и привел некоторые комментарии британской прессы на нее¹.

Отклики на публикацию черновика этического кодекса, видимо, были различными. Известно, что в США некоторые авторы посчитали изложенный подход неудовлетворительным. В частности, вирусолог Вернон Найт утверждал, что привлечение заключенных тюрем к биомедицинским исследованиям вполне допустимо, в том числе и потому, что в условиях дефицита каких-либо привилегий они получают выгоду от участия в медицинских исследованиях².

По-видимому, отклик Найта был весьма симптоматичным, поскольку время, когда он прозвучал, для американцев было весьма тревожным. В 1964 г. едва только разрешился Карибский кризис – безусловный апогей холодной войны. Похоже, в этот момент ценность отдельно взятой человеческой жизни понизилась, особенно если это была жизнь человека, наказанного государством. Как бы то ни было, стремление Клегга получить отклик на свое видение этического руководства для проведения медицинских экспериментов получило реакцию. Дискуссия о том, как следует организовывать исследования с участием человека, была еще далека от завершения.

В начале 1960-х гг. представители ведущих западных стран, входившие в состав Всемирной медицинской ассоциации, разошлись во взглядах на содержание этического руководства по медицинским исследованиям с участием человека. Британские и фран-

¹Experimental Medicine // British Medical Journal. 1962. Vol. 2 (5312). P. 1108-1109.

²Knight V. The Use of Volunteers in Medical Virology // Progress in Medical Virology. 1964. Vol. 6. P. 1-26.

цузские представители исходили из того, что основные идеи «Нюрнбергского кодекса» должны быть включены в это руководство максимально полно. Американцы и канадцы придерживались мнения о том, что «Кодекс» был порожден ситуацией с нацистскими медицинскими экспериментами и не имеет отношения к сложившейся в Америке практике. При этом североамериканские делегаты ВМА были активными сторонниками привлечения к экспериментам заключенных тюрем и исправительных учреждений, а также детей из больниц для душевнобольных, тогда как европейские делегаты были принципиальными противниками такого подхода. Поскольку члены Комитета по медицинской этике ВМА не смогли выработать общего взгляда на вопрос о содержании руководства, вопрос был передан на рассмотрение очередной Генеральной ассамблеи ВМА, которая состоялась в июне 1964 г. в Хельсинки. За несколько месяцев до этого черновик руководства под названием «Рекомендации, которыми следует руководствоваться докторам в клинических исследованиях» был разослан всем делегатам, которые смогли с ним ознакомиться заранее.

Собравшаяся в столице Финляндии 18-я Генеральная ассамблея ВМА проголосовала за принятие этического руководства единодушно, определив его новое название – «Хельсинкская декларация». Будучи результатом целого ряда компромиссов, текст «Декларации» получился весьма формализованным. По своей структуре он включал преамбулу, в которой подчеркивалась преемственность «Декларации» с «Женевской декларацией» ВМА и «Международным кодексом медицинской этики» 1949 г., и три раздела: «Основные принципы», «Клинические исследования, сочетающиеся с профессиональной помощью» и «Нетерапевтические клинические исследования». В отличие от всех последующих версий (пересмот-

ров) «Декларация» 1964 г. по объему была невелика - не больше одной странички, как и «Нюрнбергский кодекс»¹.

Целый ряд положений «Декларации» был заимствован из «Нюрнбергского кодекса». В частности, утверждалось, что клинические исследования должны основываться на результатах лабораторных исследований и исследований с животными. Кроме того, они должны быть одобрены квалифицированными медицинскими специалистами. Как и в «Кодексе», утверждалось право испытуемого в любой момент исследования отказаться от участия в нем, а также обязанность доктора прервать эксперимент, если возникнет угроза для испытуемого.

В отличие от «Кодекса» в «Декларации» впервые было установлено различие между терапевтическими и нетерапевтическими медицинскими исследованиями. Оно пришло в текст «Декларации» из Римской «Резолюции» 1954 г. Различие между двумя типами исследований порождало различие в способах получения согласия со стороны испытуемого. Для исследования, сочетающегося с лечением, врачам не требовалось брать с субъекта письменное согласие, но для нетерапевтического исследования письменное согласие было абсолютно необходимо. Кроме того, в отличие от «Кодекса» в «Декларации» допускалась возможность привлечения к исследованиям субъектов, не способных самостоятельно принимать решения по физическим, психическим и юридическим причинам. Иначе говоря, это могли быть дети, психически больные лица и заключенные тюрем и исправительных учреждений. В случаях, когда субъектами исследований становились такие люди, согласие следовало получать с их законного представителя. Данная оговорка касалась исследова-

¹Declaration of Helsinki: Recommendations Guiding Doctors in Clinical Research (1964) // Bulletin of the World Health Organization. 2008. Vol. 86 (8). P. 652.

ний, сочетающихся с лечением. Применительно к нетерапевтическим исследованиям «Декларация» утверждала следующий порядок: «Субъект клинического исследования должен быть в таком психическом, физическом и юридическом состоянии, чтобы обладать всей полнотой власти над своим выбором»¹.

Совершенно ясно, что данная оговорка была следствием компромисса между двумя подходами, которые были заложены в сам текст документа. Если допустить, что участником нетерапевтических испытаний оказывался заключенный исправительного учреждения, добровольно согласившийся участвовать в эксперименте, и при этом были формально соблюдены все процедуры, позволяющие ему сделать свободный выбор, то данная ситуация вполне подпадала под действие требования «Декларации». В такой формулировке были заинтересованы американские делегаты ВМА.

Спустя всего месяц после официального принятия «Декларации» в «Британском медицинском журнале», который продолжал редактировать Хью Клегг, вышла редакторская статья, содержащая отклик на «Декларацию». Тон публикации был скептический, и автор публикации утверждал, что принятая версия этического руководства оказалась слабее, чем ожидалось². Британский подход к содержанию текста «Декларации» был оставлен в пользу американского. Почему же это произошло?

Согласно мнению наиболее авторитетных исследователей этого вопроса, «американское влияние» на итоговый текст «Декларации» было вызвано сильными позициями, которые занимали американцы в ВМА. Когда ВМА создавалась, то основную роль в ней играли британцы и другие европейцы, а штаб-квартира ВМА находи-

¹Declaration of Helsinki. P. 652.

²Ethics of Human Experimentation // British Medical Journal. 1964. Vol. 2 (5402). P. 135-136.

лась в Лондоне. Однако в 1947 г. американцы смогли перехватить управление в ВМА и перенесли штаб-квартиру ассоциации в Нью-Йорк. При этом львиную долю финансовых расходов на обеспечение работы ВМА также несли американцы, и основными спонсорами ВМА выступали американские фармацевтические кампании¹.

По мнению Джорджа Анна, наиболее важным фактором, который способствовал принятию «Хельсинской декларации» в 1964 г., был запрос со стороны Управления по продовольствию и лекарствам США в адрес ВМА в отношении необходимости разработки стандартных исследовательских процедур при испытаниях новых лекарственных препаратов. Этот запрос был вызван реакцией Управления на трагические события в Великобритании, Германии и других странах, связанные с трагическими последствиями использования талидомида – препарата, который стандартно назначался беременным женщинам в качестве снотворного, но впоследствии привел к появлению на свет около 10 000 детей с врожденными уродствами².

Поскольку производителями талидомида были европейские фармацевтические кампании, и подавляющее большинство трагедий в связи с его применением произошло в Европе, позиция американского Управления по продовольствию и лекарствам оказалась выигрышной, и в ВМА не смогли не отреагировать именно на американскую версию этического руководства. Между тем именно американцы оказывались в выигрыше от формулировок, заложенных в «Декларации». Интерес к проведению клинических испытаний с

¹Richards T. The World Medical Association: Can Hope Triumph over Experience? // *British Medical Journal*. 1994. Vol. 308 (6923). P. 262-266; Lederer S. Research without Borders. P. 211-213.

²Annas G. Mengele's Birthmark: The Nuremberg Code in United States Courts // *Journal of Contemporary Health Law and Policy*. 1991. Vol. 7 (1). P. 25-26. См. также: Lenz W. et al. Thalidomide and Congenital Abnormalities // *Lancet*. 1962. Vol. 279 (7219). P. 45-46.

участием заключенных тюрем и исправительных учреждений, а также детей из государственных учреждений в США был огромным. По имеющимся данным, к началу 1960-х гг. около 90% случаев испытаний новых лекарственных препаратов в США составляли испытания, в которые вовлекались недееспособные граждане. Данная практика была широко востребована капитанами фармацевтического бизнеса, и им удалось навязать свою точку зрения международной ассоциации, разрабатывающей этические основы медицинских исследований. Корпорации сделали это через своих представителей, большинство из которых работали в структурах ВМА и были делегатами от США в Ассоциации. Не удивительно, что сразу после официального принятия «Декларации» быстрее всех ее признали американские медицинские организации.

Таким образом, исторические и этические истоки «Хельсинкской декларации» вытекали не только из духа Нюрнбергского трибунала, но и из интересов американского фармацевтического бизнеса, кровно заинтересованного в защите своих интересов и получении одобренных медицинским сообществом нормативных документов для своих исследований. После окончания Второй мировой войны прогресс в сфере производства новых лекарств и вообще в области биомедицины без испытаний на людях был уже невозможен¹.

Принятие «Хельсинкской декларации» знаменовало собой важный шаг в развитии представлений о необходимости этического регулирования медицинских исследований с участием человека. Медицинские учреждения стран участников ВМА получили в свое распоряжение документ, дающий надежные ориентиры исследовате-

¹Howard-Jones N. Human Experimentation in Historical and Ethical Perspectives // Social Sciences and Medicine. 1982. Vol. 16 (15). P. 1429-1448.

лям, вовлеченным в организацию и проведению клинических испытаний лекарств и иных экспериментов на человеке. Но, похоже, само по себе принятие «Декларации» не смогло непосредственно повлиять ни на медицинский этос, ни на господствующие в обществе умонастроения. Особенно это справедливо для США – страны, внесший решающий вклад в принятие «Декларации». Однако уже через два года ситуация изменилась в корне.

Символом этих перемен стала знаменитая статья Генри Бичера, опубликованная в июне 1966 г. в одном из самых авторитетных медицинских изданий – «Медицинском журнале Новой Англии». Она была посвящена вопросам этики клинических исследований, и всего на шести страницах текста автором были приведены 22 случая неэтичного осуществления медицинских экспериментов с участием человека¹.

Бичер был профессором анестезиологии в медицинской школе Гарвардского университета, а с начала 1950-х гг. он также активно занимался медицинской этикой. Помимо прочего, его как исследователя с середины 1950-х гг. весьма интересовал вопрос об эффекте плацебо, который как раз и был пограничным между сферами «чистой науки» и медицинской этики. Однако публикация 1966 г. сделала имя Бичера одним из самых упоминаемых в американском медицинском сообществе. В его статье излагались примеры неэтичного и сомнительного использования пациентов в медицинских исследованиях. По согласованию с редактором журнала все ссылки на конкретные имена и учреждения в публикации отсутствовали. Однако самые внимательные читатели спустя некоторое время смогли

¹Beecher H.K. Ethics and Clinical Research // The New England Journal of Medicine. 1966. Vol. 274 (24). P. 367-372.

безошибочно определить места проведения этих исследований и их непосредственных заказчиков.

Согласно Дэвиду Ротману, все упомянутые Бичером исследования проводились в стенах самых авторитетных медицинских учреждений США – в клиниках и лабораториях медицинской школы Гарварда, университетов Нью-Йорка, Лос-Анджелеса, Пенсильвании, Джорджтауна и т.д. Ни один из этих экспериментов не был случайным. Они выполнялись при поддержке таких авторитетных структур, как Национальные институты здоровья, Комиссия по атомной энергии, Совет по эпидемиологии вооруженных сил, Управление главного хирурга, фармацевтические корпорации «Парк и Дэвис» и «Мерк». Таким образом, речь шла не о маргинальных, но именно о мейнстримных медицинских исследованиях¹.

Несмотря на аналитический характер статьи, ее выводы носили провокационный характер. Фактически Бичер указывал на то, что грех «неэтичности», который американцы с уверенностью признавали за нацистскими докторами, осужденными Нюрнбергским трибуналом, был присущ и их собственной, «цивилизованной» медицине. Американская экспериментальная медицина была изобличена как медицина, где исследователи регулярно прибегают к использованию заключенных тюрем и исправительных учреждений, обходясь без получения информированного согласия, нанося ущерб здоровью испытуемых и подвергая их жизни опасности.

Реакция американской врачебной элиты на статью Бичера была критической, но все же она вызвала дискуссию, которая продолжалась несколько лет и в итоге привела к тому, что в середине 1970-х гг. Конгресс США принял специальные законы, определяющие по-

¹ Rothman D.J. Ethics and Human Experimentation: Henry Beecher Revisited // The New England Journal of Medicine. 1987. Vol.317 (19). P.1195-1199.

рядок проведения биомедицинских исследований с участием человека. О деятельности Конгресса и обстоятельствах, определивших публичный характер биоэтических дискуссий в Америке, мы еще поговорим позже, но пока нам необходимо объяснить, почему статья Бичера имела такой резонанс.

По-видимому, дело все же не в самой статье Бичера. Дело в культурном, политическом и историческом контексте, который сопровождал ее появление. Представляется, что если бы статья появилась в том же году, что и «Хельсинкская декларация», то она привлекла бы к себе меньшее внимание, чем в 1966 г. Но в 1966 г. сознание всего американского общества уже полностью изменилось. В марте 1965 г. США официально ввели свои войска во Вьетнам. Несколько сотен тысяч американских военнослужащих были брошены в полномасштабный вооруженный конфликт. Сразу после этого в Америку стали возвращаться гробы с погибшими. Жестокости, чинимые войсками во Вьетнаме, благодаря средствам массовой информации быстро стали достоянием общественности. Война во Вьетнаме приковала к себе внимание всего американского общества и довольно скоро стала восприниматься как бессмысленная и бесчеловечная.

Появившаяся на этом фоне статья Бичера возвращала ее читателей к воспоминаниям о нацистских медицинских преступлениях, но в контексте Вьетнамских событий она также заставляла думать о том, что разница между тем, за что осуждали нацизм, и тем, о чем писал Бичер, не так уж и велика. Нацистские зверства в концлагерях, бесчеловечные эксперименты врачей на живых людях, ковровые бомбардировки во Вьетнаме, - все это было следствием одного и того же подхода к человеку, который, наконец, настало время по-настоящему переоценить.

Реакция американского общества на события Вьетнамской войны была бурной. В больших городах и крупных университетах распространялись антивоенные настроения. Студенты, профессора, деятели правозащитных организаций, обычные домохозяйки и хиппи - все они требовали перемен как в политике, так и в повседневной жизни. Не удивительно, что именно в этот исторический момент американцы всерьез задумались не только о правах меньшинств, но и о правах людей, привлекаемых к участию в медицинских исследованиях.

Можно с уверенностью утверждать, что после 1965 г. в американском общественном сознании начались изменения. До сих пор господствовала ментальность холодной войны, которая, в свою очередь, была младшей сестрой ментальности, порожденной Второй мировой войной. То и другое требовало жертв, самоотдачи, мобилизации. Когда в 1941 г. США вступили в войну против нацистской Германии и Японии, для достижения победы над врагом были брошены все средства. В 1941 г. по распоряжению президента Франклина Рузвельта был создан Комитет медицинских исследований, который возглавил работу врачей по разработке препаратов против опасных инфекционных болезней, которые могли угрожать солдатам на фронте. Их разработка сопровождалась масштабными испытаниями, к которым привлекались тысячи и тысячи людей по всей стране. В условиях военного времени это были, в первую очередь, заключенные тюрем и пациенты психиатрических больниц¹. Согласно требованиям господствующей этики утилитаризма, каждый должен был вносить свой вклад в общее дело.

После 1945 г. практика, сложившаяся в годы войны, сохранилась, а возможность использовать большие группы заключенных

¹Rothman D.J. Strangers at the Bedside. P. 30-50.

тюрем и пациентов лечебниц позволяла продолжить уже ставшую привычной работу в области экспериментальной медицины. Никто из американских докторов не допускал и мысли, что их клинические исследования имеют что-то общее с нацистскими медицинскими опытами на людях. К тому же послевоенное поколение докторов усвоило уроки военной эпохи и охотно их применяло в условиях нового глобального противостояния, когда интересы общего дела привычно ставились выше интересов и здоровья отдельно взятого человека.

Но вот в жизнь американцев пришел Вьетнам, и все изменилось. Именно поэтому статья Бичера вызвала такой резонанс и стала поводом для дискуссии о том, как изменить сложившуюся систему медицинских исследований, сделав ее более человеческой. Сам Бичер, кажется, нигде не апеллировал к тем публичным антивоенным настроениям, которые повлияли и на его собственное мышление. Но вместо этого он успешно апеллировал к тексту «Хельсинкской декларации».

Спустя несколько лет после публикации своего разоблачительного текста он высказал следующие суждения: ««Нюрнбергский кодекс» представляет собой совокупность жестких юридических требований... «Хельсинкская декларация», с другой стороны, представляет собой совокупность руководств. Она представляет собой этический, а не юридический документ, и таким образом выступает более полезным инструментом, чем тот, что был сформулирован в Нюрнберге... Вплоть до недавнего времени западный мир находился под угрозой навязывания «Нюрнбергского кодекса» в качестве кредо для Запада. С принятием «Хельсинкской декларации» эта угроза явно ушла в прошлое»¹.

¹Beecher H. Research and the Individual: Human Studies. Boston: Little Brown, 1970. P. 279.

В словах Бичера ирония соединилась с юмором. Америка как оплот западного мира, конечно, легко могла избежать навязывания ей «Нюрнбергского кодекса», ибо американские доктора, как уже говорилось ранее, видели в нем полезное средство только для «варварской медицины». Но принятие «Декларации» во многом позволило им самим не соскользнуть на путь варварства. Отдавая себе отчет в том, что многое еще предстоит сделать, Бичер мог с большей уверенностью надеяться на то, что американская медицина и все американское общество становятся на путь обновления.

Путь от «Нюрнбергского кодекса» к «Хельсинкской декларации» длиной почти в два десятилетия стал началом зарождения биоэтического мышления на Западе. Возрастающее внимание к проблеме медицинских исследований с участием человека нашло свое отражение в текстах обоих документов. Но само их принятие не сразу привело к той могучей волне, что породила биоэтическое движение в западном мире и саму биоэтику как особую форму знания. Потребовался весьма серьезный стимул извне, который позволил бы явственно осознать, что нормы, прописанные в документах, должны быть непременно воплощены на практике, должны изменить саму практику. События Вьетнамской войны, а также тревожные настроения, порожденные страхом перед использованием атомного оружия и новыми знаниями об опасностях применения пестицидов в сельском хозяйстве, стали пусковым механизмом начавшихся перемен. Идеи Генри Бичера стали их символом.

3. ПЕРВАЯ ВОЛНА БИОЭТИКИ: НОВЫЕ МЕДИЦИНСКИЕ ТЕХНОЛОГИИ И АМЕРИКАНСКИЙ КУЛЬТУРНЫЙ ПЛЮРАЛИЗМ

Современная биоэтика зародилась в США на рубеже 1960-х и 1970-х гг. и вслед за этим распространилась в других странах. Там она приобрела целый ряд особенных черт, серьезно отличающих ее от американской версии биоэтики. В каждой национальной культуре биоэтика оказалась чем-то вроде гибрида, в котором соединились базовые идеи американской биоэтики и господствующие национально-культурные представления о жизни, смерти, природе и человеке. В историческом плане американская биоэтика – это самая ранняя форма биоэтики, а США – страна первой биоэтической волны. Почему биоэтика появилась в США?

Один из основоположников биоэтики в США Дэниел Каллахэн говорит о том, что происхождение современной биоэтики скрывает в себе двойственные начала¹. По его мысли, с одной стороны, речь может идти о совершенно новой области знания, которая была образована бурным развитием биомедицинских, экологических и социальных наук в 1950-1960-е гг. Экспансия научного мышления и технологических инноваций повлекла за собой изменения способов, посредством которых стало возможным влиять на окружающую среду и человека, его тело и разум, вмешиваясь в жизнь челове-

¹Callahan D. Bioethics // Post S.G. (ed.) Encyclopedia of Bioethics. 3rd ed. New York: Macmillan, 2004. Vol. 1. P. 277-287.

ских существ от самого момента зарождения и до физического прекращения. С другой стороны, эта экспансия вызвала к жизни вопросы, которые являются столь же древними, как и вся культура: о смысле жизни и смерти, боли и страдании, праве распоряжаться собственной жизнью, наших обязанностях по отношению друг к другу, об угрозах нашему здоровью и благополучию. Появление биоэтики знаменовало собой радикальное обновление более древней области – медицинской этики. Но вместе с тем это проявление новизны не должно скрывать тот факт, что врачеватели, в рамках какой бы культуры они не действовали, всегда сталкивались с двумя вещами: человеческими страхами по поводу боли, болезни и смерти и неизбежной конечностью самого человеческого бытия. Как особая область знания биоэтика в настоящее время продолжает расширяться, и границы этого поля еще не обозначились в полной мере. Сам термин «биоэтика» многозначен. В узком смысле биоэтика – это всего лишь еще одна новая форма знания, которая была рождена прогрессом науки и технологий. В широком смысле это грандиозный культурный проект, направленный на то, чтобы заново определить отношения между естественными и социальными науками, медициной, философией, религией, правом, политикой, литературой, средствами массовой информации и т.д. В наше время биоэтика – это и университетская дисциплина, и сфера академических исследований, и влиятельная политическая сила, которая воздействует на развитие биомедицинских исследований, и культурный феномен, дающий о себе знать все новыми способами.

Уже с начала 1970-х гг. биоэтика заняла важное место в американской культуре. В условиях плюралистического американского общества, где постоянно сталкиваются между собой различные политические, религиозные, культурные и моральные точки зрения,

биоэтика является особой формой знания, которая берет на себя ответственность за то, чтобы обеспечить диалог между всеми сторонами по самым принципиальным вопросам, касающимся существования человека в условиях быстрого прогресса медицины и технических инноваций. Как особая область знания биоэтика простирается от полюса, где решаются вопросы, касающиеся индивида, до полюса, где ставятся вопросы, касающиеся общественной жизни и всего общества в целом. В общем виде эти вопросы таковы: что лично я должен делать здесь и сейчас? что все мы вместе, как граждане и как человеческие существа, должны делать? Эти вопросы задают себе и друг другу не только врачи и чиновники здравоохранения, но и пациенты, их родственники, а также представители власти, журналисты, писатели, общественные деятели и простые люди.

Три послевоенных десятилетия в истории американской медицины были временем неудержимого прогресса. Окончание Второй мировой войны повлекло за собой массовое использование пенициллина, который до этого использовался в военной медицине для лечения гнойных ран. Благодаря пенициллину отступили пневмония и другие инфекционные заболевания. В 1946 г. пациентам с туберкулезом стали давать стрептомицин, и вскоре пришлось закрыть сотни туберкулезных санаториев. В 1947 г. для лечения острой лейкемии начали использовать метотрексат, и это стало началом эры химиотерапии рака. В 1949 г. была начата работа по изготовлению вакцин против полиомиелита, и всего через несколько лет вакцина начала широко использоваться для борьбы с этим заболеванием во всем мире. В том же году был выделен кортизон, который стал использоваться для лечения ревматоидного артрита, для лечения маниакальных расстройств начали назначать препараты лития. В 1950

г. начали использоваться первые эффективные лекарства для лечения злокачественной гипертензии. В 1952 г. для борьбы с возрастной шизофренией медики стали применять хлорпромазин, и это стало настоящей революцией в лечении психопатических расстройств. В том же году для помощи пациентам с аритмией сердца начали использовать внешний сердечный пейсмейкер, а еще восемь лет спустя – миниатюрный внутренний пейсмейкер. Тогда же была проведена первая операция на открытом сердце, а в 1958 г. для реанимации сердечной деятельности стали использовать электродефибриллятор. В 1960 г. в медицинскую практику вошел хронический гемодиализ, что позволило бороться с почечной недостаточностью. Такова была неполная летопись изобретений, с которых начался послевоенный прогресс американской биомедицины. Наряду с ними разворачивалась не менее грандиозная история великих открытий в области фундаментальных биомедицинских наук, в число которых вошло раскрытие секретов метаболизма, эндокринной системы, работы иммунитета, генетического кода¹.

Прогресс биомедицинских знаний и целый поток изобретений, нашедших применение в практической области, привел к серьезным изменениям в 1950-е гг. Быстро стали появляться новые медицинские специальности, а отношения между врачом и пациентом стали более обезличенными, опосредованными техникой. При этом прогресс биомедицины привел к падению значимости профилактической медицины, традиционно удовлетворявшей нужды малообеспеченных слоев общества. Огромные финансовые средства, направленные для поддержки биомедицины, вскружили многим медикам головы. Этот впечатляющий прогресс в развитии биомедицинских

¹Bynum W.F., Hardy A., Jacyna S., Lawrence C., Tansey E.M. The Western Medical Tradition 1800 to 2000. Cambridge: Cambridge University Press, 2006. P. 391-398, 406-408.

технологий, порожденный Второй мировой войной и поддержанный амбициями холодной войны, не только вызвал общественный восторг, но и посеял настоящее замешательство в умах. Все это вместе совпало с растущим осознанием угроз, порожденных желанием любой ценой обеспечить экономический рост и господство над природой. В США выражением этого стала знаменитая книга Рэйчел Карсон «Безмолвная весна» (1962), повествующая об ужасных последствиях применения пестицидов в сельском хозяйстве¹. Эта книга дала толчок к развитию природоохранных движений и «зеленой» идеологии.

Вторая половина 1960-х годы в Америке была временем великих культурных и общественных перемен. С началом войны во Вьетнаме распространилось антивоенное движение, а наряду с ним движение за предоставление гражданских прав чернокожему населению и женщинам. Параллельно с этим широко распространился индивидуализм, и стали звучать призывы к изменению традиционных общественных институтов – семьи, церкви и школы. В университетских стенах новое поколение интеллектуалов выступало за реформу системы образования, высказываясь за усиление значения прикладных дисциплин. Произошло подлинное возрождение моральной философии, но теперь былой интерес к теоретической проблематике сменился обращением к вопросам прикладного характера. И это было естественно для эпохи, когда прогресс в области биомедицинского знания позволил радикальным образом изменить сами условия жизни – от рождения и до смерти.

В 1960-е годы, кажется, начали сбываться некоторые предсказания, сделанные Джозефом Флетчером в его книге «Мораль и медицина», которая была посвящена целому ряду вопросов, ставших

¹Carson R.L. Silent Spring. 40th ed. Boston: Houghton Mifflin, 2002.

позднее центральными для биоэтики¹. Флетчер, получивший сан священника и долгие годы преподававший в теологических школах Северной Америки, порвал с религией и сделался ярким атеистом, проповедующим право человека на изменение собственной судьбы с помощью медицины. В 1960-е Флетчер разработал так называемую «ситуационную этику», в которой учил о том, что любовь есть высший и последний закон. Мысли Флетчера о том, что люди могут контролировать свою судьбу, сделались в это десятилетие как никогда актуальными.

История американской медицины во второй половине XX в. демонстрирует целый ряд примеров того, как неординарные медицинские вмешательства стали входить в противоречия с традиционными представлениями о границах жизни и смерти. Именно для разрешения этих противоречий и потребовалась биоэтическая экспертиза. С этого времени важные медицинские решения перестали приниматься исключительно докторами. Этическая составляющая этих решений теперь формулировалась целой группой людей: не только врачами, но и «посторонними» - юристами, психологами, философами, теологами, гражданскими активистами. Обратимся к самым известным примерам, показывающим, как двигалась первая волна биоэтики в США.

В декабре 1954 г. в одной из больниц Бостона в США впервые была осуществлена операция по пересадке почки от здорового донора к смертельно больному пациенту. Ее осуществление не только позволило оказать помощь умирающему человеку, но и бросило вызов одному из традиционных принципов медицинской

¹Fletcher J.F. *Morals and Medicine: The Moral Problem of: The Patient's Right to Know the Truth, Contraception, Artificial Insemination, Sterilization, Euthanasia.* Boston: Beacon, 1954.

этики - «не навреди». Изъятие органа у здорового человека – это конкретный пример причинения вреда, который совершили врачи, чтобы спасти другого человека. Вскоре в практике пересадок органов вскрылась еще одна техническая закономерность. Чтобы обеспечить приживаемость донорских органов в теле другого человека, медики стали применять препараты-иммунодепрессанты, подавляющие иммунитет пациента¹. Это также стало примером принципа «причинения вреда», совершаемого ради спасения.

Начиная с 1950-х гг. в некоторых медицинских учреждениях США стали использоваться новые технологии, позволяющие оказывать помощь хроническим и безнадежно больным пациентам. В палатах интенсивной терапии стали использовать аппараты искусственного жизнеобеспечения, что позволило специально подготовленным медицинским бригадам спасать пациентов, состояние которых традиционно описывалось как пограничное между жизнью и смертью. В марте 1960 г. в одном из медицинских центров Сиэтла в США был впервые использован аппарат «искусственная почка», который позволил сохранить жизнь пациенту с хронической почечной болезнью. Однако искусственный диализ оказался очень дорогостоящей процедурой, а нехватка таких аппаратов не позволяла удовлетворить потребности в нем всех нуждающихся. Специалисты Центра искусственной почки в Сиэтле были вынуждены обратиться к общественности с пожеланием определить правильный порядок распределения этого дорогостоящего и дефицитного ресурса среди пациентов. В результате при Центре был создан специальный независимый этический комитет, который стал определять очередность использования аппарата среди пациентов, используя для этого

¹Мур Ф. История пересадок органов. М.: Мир, 1973. С. 84-92, 93-132.

личную, социальную, экономическую и психологическую информацию о кандидатах¹. Тем самым врачи освободили себя от бремени моральной ответственности, возложив отбор пациентов на комитет в составе юристов, теологов, философов, психологов и представителей общественных организаций².

В декабре 1967 г. в ЮАР была выполнена первая в мире операция по пересадке донорского сердца. Технически первыми ее могли бы выполнить американские доктора, но, обладая всеми необходимыми возможностями, они к этому моменту не решались выполнить ее, опасаясь стоящих перед ними моральных и правовых вопросов. Успешная трансплантация сердца вызвала во всем мире большой резонанс. Среди прочих остро встал вопрос о том, было ли совершено убийство доктором, который взял сердце у донора? С юридической точки зрения, изъятие сердца у человека было именно уголовным преступлением. Медицинские представления о смерти тогда сводились к тому, что живым следовало признать пациентов, которые способны дышать и чье сердце бьется. Новые медицинские операции по пересадке сердца и почек, взятых у трупов, однако, должны были базироваться на каких-то иных критериях смерти.

¹Прототипы этических комитетов (peer review committees) впервые возникли в клиниках США в 50-е гг. XX в., в их задачу входила экспертная оценка того или иного исследования. На сегодняшний день согласно американской модели существуют их три разновидности: комитеты по этике исследования (IRB), больничные этические комитеты (hospital ethics committees), действующие при учреждениях практического здравоохранения, и «Национальная консультативная комиссия по биоэтике» при Президенте США. В европейских странах этические комитеты стали создаваться с конца 1970-х гг. В европейской модели преобладают комитеты регионального и местного уровня. В одних странах их члены избираются, в других – назначаются; в одних работа в комитетах осуществляется на общественных началах, в других – оплачивается. В странах Восточной Европы, (в том числе в России) этические комитеты стали создаваться лишь с конца 1990-х гг.

²Alexander S. They Decide Who Lives, Who Dies // Life. 1962. November 9. P. 103; Rothman D.J. Strangers at the Bedside: A History of How Law and Bioethics Transformed Medical Decision Making. New York: Basic Books, 1991. P. 149-152.

Решение вопроса о том, как следует определять состояние смерти, было впервые предложено в августе 1968 г. американскими специалистами из Гарвардской медицинской школы. Вместо традиционной концепции смерти они выдвинули положение о том, что подлинным свидетельством смерти является состояние полной и необратимой комы, иначе «мозговой смерти». Специалисты подчеркивали, что отсутствие каких-либо традиционных клинических признаков, таких как дыхание и сердцебиение, еще не следует считать строгим критерием смерти. Лишь полное отсутствие электрической активности мозга, зафиксированное с помощью электроэнцефалограммы, может быть достаточным доказательством биологической смерти. В результате концепция «мозговой смерти», разработанная в Гарварде, в 1970 г. была официально признана как новый критерий смерти не только в США, а затем и в других странах¹.

В январе 1973 г. Верховный Суд США рассматривал дело «Ро против Уэйда», в котором шла речь о признании законным аборта, совершенного по просьбе одной тexasской женщины. На протяжении предыдущих 150 лет американское законодательство запрещало все аборты, кроме тех, которые делались по медицинским показаниям, если беременность угрожала жизни женщины. Принятое Верховным Судом решение было либеральным, и проведенный аборт был признан правомерным. Судьи отвергли все обвинения на том основании, что аборт был сделан в ходе первого триместра беременности, когда эмбрион в теле матери еще не приобрел черты полноценной личности. Как было заявлено, согласно американской Конституции плод в теле

¹Lock M. Twice Dead: Organ Transplants and the Reinvention of Death. Berkeley: University of California Press, 2002. P. 89-95.

матери не обладает правами гражданина. Вместе с тем развернувшаяся в обществе дискуссия об этом случае, как и вообще дискуссия об абортах, привели к постановке вопроса об онтологическом и моральном статусе эмбриона, а также о целом ряде этических аспектов медицинских вмешательств в репродуктивную сферу в связи с внедрением технологий искусственного оплодотворения. За короткий срок искусственное оплодотворение спермой донора (ИОД) и зачатие в пробирке (ЭКО) стали распространенными клиническими методами лечения хронического бесплодия у женщин и мужчин, а также способствовали сокращению генетических заболеваний у младенцев¹.

В апреле 1975 г. в одну из больниц Нью-Джерси в США поступила молодая пациентка, которая впала в кому после неудачного приема лекарств в сочетании с алкоголем. Медики подключили ее к аппарату искусственного дыхания, что позволило поддерживать в ней вегетативные функции жизнедеятельности. Однако улучшения состояния ее сознания не наблюдалось, и родители девушки стали просить врачей о том, чтобы они отключили ее от аппарата. Медики не решились взять на себя ответственность за такие действия, и поэтому в Нью-Джерси состоялся специальный судебный процесс. После серьезных сомнений судьи дали согласие медикам на то, чтобы удовлетворить просьбу родителей. Однако неожиданно после отключения аппарата девушка начала рефлекторно дышать. Врачи вновь были вынуждены подключить ее к системе искусственного дыхания, после чего в таком состоянии она провела еще 10 лет. Лишь в июне 1985 г. она была признана умершей². Этот случай открыл перед

¹Rothman D.J. Strangers at the Bedside. P. 204-205, 208-209, 216, 224.

²Lock M. Twice Dead. P. 108-109.

общественностью мрачную сторону чудесных возможностей интенсивной терапии. Он также является наглядным примером того, что смерть и умирание все в большей мере превращаются из естественного события в событие, которое опосредуется имеющимися у медиков техническими возможностями, то есть в определенном смысле событием искусственным. Размышляя над такого рода случаями, французский историк Филипп Арьес писал: Теперь «смерть укорачивается или продлевается в зависимости от действий врача: он не может ее предотвратить, но часто в состоянии регулировать ее длительность – от нескольких часов до нескольких недель, месяцев и даже лет. Стало возможным оттянуть роковой момент, а меры, призванные смягчить боль, имеют важный побочный эффект, фактически продлевая жизнь больному»¹.

Весной 1982 г. в Блумингтоне, штат Индиана, на свет появилась девочка с врожденным синдромом Дауна и дефектом кишечника. Малышку поместили в специализированный неонатологический центр, и медики решили сделать ей хирургическую операцию. Однако родители девочки потребовали у докторов, чтобы младенец был отключен от аппарата искусственного жизнеобеспечения, и ей позволили умереть. Суд штата Индиана, рассматривая этот вопрос, предложил медикам удовлетворить просьбу родителей на том основании, что именно они вправе принимать решения. В апреле 1982 г. девочка умерла, получив имя «малышка До». Наблюдая за этим процессом по телевизору, тогдашний президент США Рональд Рейган решил вмешаться в эту историю и потребовал, чтобы американские медики никогда впредь не принимали решений, дискриминирующих права пациентов на основании имеющихся у них признаков врожденной

¹Арьес Ф. Человек перед лицом смерти. М.: Прогресс, 1992. С. 480.

инвалидности. Развернувшиеся затем в обществе споры с участием юристов и медиков привели к тому, что были приняты новые официальные правила, определяющие порядок оказания помощи младенцам, находящимся в палатах интенсивной терапии неонатологических центров¹.

Приведенные примеры показывают, что с появлением новых технологий американская медицина не только добилась новых возможностей в спасении человеческих жизней, но и столкнулась с новыми серьезными проблемами этического, юридического и иного свойства. Для решения этих проблем врачи уже не могли апеллировать к имеющемуся у них самим опыту и нуждались в опоре на какие-то более надежные основания.

После Второй мировой войны прогресс медицинских знаний стал более стремительным, а медицинские вмешательства - более технологичными. Это привело к драматическим изменениям в медицинском мышлении. Стало менее понятно, в чем заключается добро и зло. Правильно ли сохранять людям жизнь, если им приходится жить с постоянной болью или при полном угасании сознания? Жестоко ли это - проводить эксперименты на одних людях, чтобы обнаружить лучшие средства лечить других? Медицина, ставшая столь технологически насыщенной, оказалась при этом и крайне дорогой. Что теперь делать с теми пациентами, у которых нет средств оплатить дорогостоящие медицинские услуги? Кто должен остаться жить? Кому придется умереть? Как распределять столь дорогостоящие средства здравоохранения? Кому это решать?

¹Lantos J.D., Meadow W.L. Neonatal Bioethics: The Moral Challenges of Medical Innovation. Baltimore: The Johns Hopkins University Press, 2006. P. 53-54.

Для ответа на эти новые непростые вопросы потребовались новые интеллектуальные ресурсы. Впрочем, эти вопросы на проверку оказались не вполне новыми. Вопросы о жизни, смерти и справедливости всегда были предметом размышлений философов и теологов, а, кроме того, юристов. Характерно, что прежде философы и теологи совсем не касались медицины и медицинской этики, но теперь они активно вмешались в нее. Юристы, раньше имевшие дело исключительно с врачебными ошибками и «плохой» медицинской практикой, теперь обратили свое внимание на «хорошую» практику, столкнувшись с теми же самыми дилеммами жизни и смерти, с которыми столкнулись врачи. Появление биоэтики, унаследовавшей идеи и ценности старой медицинской этики, произошло на фоне столкновения с беспрецедентными проблемами и при участии значительно большего числа участников, чем это было характерно для старой медицинской этики. Таким образом, с появлением новой, технологически вооруженной медицины возникла необходимость в анализе медицинского сознания.

Американская биоэтика в значительной мере является преемницей медицинской или врачебной этики, хотя не может быть выведена только из нее. Чтобы лучше понять происхождение биоэтики, необходимо коротко упомянуть об этике медицинской – о том, чему она служила, и в чем заключались ее пределы.

Вплоть до середины XIX в. в США, по сути дела, не существовало никакой медицинской этики, а деятельность самих врачей слабо регулировалась этическими нормами. В общественном сознании образ врача был, скорее, негативным, чем положительным. Такая же ситуация, между прочим, была и других странах, в том числе в России. Врач считался бездарным обманщиком и приспособленцем,

который наживался на людских страданиях и мало чем мог помочь своим пациентам. Но приблизительно с середины XIX в. ситуация стала меняться. Общественный образ врача и сам статус врача изменились. Медики начали профессионально самоорганизовываться, и во многих случаях им удалось взять в собственные руки контроль над врачебной практикой. С помощью государства или без нее медики добились того, чтобы были уменьшены значение и масштаб знахарства, а медицинская практика стала более эффективной и безопасной для здоровья больных. В США, как и в Европе, началась «терапевтическая революция»¹. Были достигнуты первые успехи в лечении инфекционных болезней, врачи стали активнее участвовать в общественной жизни. Эти изменения придали профессии врача тот положительный образ, которым многие восторгаются по сей день. Завет родоначальников медицинской профессии XIX в. состоял в том, чтобы врач честно выполнял свое дело и делал все возможное, чтобы помочь пациенту.

В 1803 г. в Англии появилась первая в мире книга с названием «Медицинская этика». Ее автор, врач Томас Персиваль, описал взаимоотношения врачей и хирургов в английских благотворительных больницах, настаивая на том, чтобы «служебные» обязанности врачей были дарованы им на основании публичного доверия. По его мысли, доверия врачи могут заслуживать постольку, поскольку они обладают вежливостью и честностью². Спустя сорок с небольшим лет идеи, сформулированные в книге Персиваля, распространились в США.

¹Rosenberg C.E. Explaining Epidemics and Other Studies in the History of Medicine. Cambridge: Cambridge University Press, 1992. P. 9-31.

²Baker R. Deciphering Percival's Code // Baker R., Porter D., Porter R. (eds.) The Codification of Medical Morality: Historical and Philosophical Studies of the Formalization of Western Medical Morality in the Eighteen and Nineteenth Centuries. Vol.1: Medical Ethics and Etiquette in the Eighteenth Century. Dordrecht: Kluwer Academic Publishers, 1993. P. 179-212.

В 1847 г. на Втором съезде Американской медицинской ассоциации был принят «Кодекс медицинской этики», в котором врачи выразили свое резко отрицательное отношение к знахарству и всякого рода медицинской практике, которая не основывается на достижениях анатомии, физиологии, патологии и органической химии. Профессиональное медицинское сообщество США провозгласило ценность «научной медицины», отвергая все «сектантские» течения в сфере врачевания – гомеопатию, натуропатию и гидропатию¹. В 1903 г. Ассоциация пересмотрела прежний «Кодекс» и опубликовала «Принципы медицинской этики», которые затем были еще несколько раз отредактированы и вышли в свет в 1912, 1957 и 1966 гг. Всякое новое издание было компактнее по содержанию, и принципы напоминали заповеди Моисея. В издании 1966 г. их было уже менее десяти: уважать права пациента, беречь свое искусство, придерживаться требований профессиональной дисциплины, советоваться в случае необходимости с другими врачами, хранить тайны пациентов, быть хорошим гражданином, не пользоваться никаким иным доходом кроме вознаграждения за оказанную медицинскую помощь². В новых условиях нормы медицинской этики в США оказались сродни правилам профессиональной респектабельности.

В первой половине XX в. в американской культуре нормы медицинской этики формулировались самими врачами. Они редко прибегали в своих этических построениях к религиозным трактов-

¹Reiser S.J. Creating a Medical Profession in the United States: The First Code of Ethics of the American Medical Association // Baker R.B. (ed.) The Codification of Medical Morality: Historical and Philosophical Studies of the Formalization of Western Medical Morality in the Eighteen and Nineteenth Centuries. Vol. 2: Anglo-American Medical Ethics and Medical Jurisprudence in the Nineteenth Century. Dordrecht: Kluwer Academic Publishers, 1995. P. 89-104.

²Baker R.B. Introduction // Baker R.B. (ed.) The Codification of Medical Morality: Historical and Philosophical Studies of the Formalization of Western Medical Morality in the Eighteen and Nineteenth Centuries. Vol. 2. P. 3, 8.

кам нравственных обязательств или государственным декретам. Обычно они обращались к максимам Гиппократов, учившего, что жизнь коротка, учение долго, возможность прозрачна, а суждение трудно. По этой причине большинство построений в области медицинской этики были ориентированы на то, чтобы подчеркнуть компетентность, присущую медицинской профессии, а также высокие нравственные качества ее конкретных представителей. Врач позиционировался как лицо, которому можно доверять¹.

После Второй мировой войны профессия врача продолжала олицетворять собой высшие формы добродетели – помощь и сострадание к другим людям, а «человек в белом халате» не мог быть никем другим, кроме как спасителем, сошедшим на землю. Однако к концу 1960-х гг. ситуация стала меняться. Появление новых биомедицинских технологий привело к осознанию противоречий, заложенных в медицинской практике, а также к ощущению того, что медицинская этика превратилась всего лишь в одну из разновидностей корпоративной этики, не более того. Неудовлетворенность старой медицинской этикой привела к появлению биоэтики.

В 1960-е в США медицина впервые по-настоящему стала способной добиваться очевидных результатов. Из простого инструмента диагностики и паллиативной помощи она превратилась в мощное средство лечения разных болезней и укрощения смерти. Стремительное развитие фармакологии и появление все новых лекарств изменили традиционные представления о хрупкости человеческой природы, временных рамках человеческой жизни, способах кон-

¹McCullough L.B. John Gregory and the Invention of Professional Medical Ethics and the Profession of Medicine. Dordrecht: Kluwer Academic Publishers, 1998. P. 293.

троля численности людей и даже возможности изменения мыслей и настроения.

Появление биоэтики, несомненно, было одной из форм социального ответа на эти грандиозные изменения. Она была призвана ответить на целый ряд важных вопросов, ставших актуальными для людей этого времени: как правильно действовать в условиях стремительных научно-технических и культурных перемен? Кто должен контролировать новые биомедицинские технологии? Как людям воспользоваться выгодами от новых технологий и уберечь себя от связанных с ними угроз? Как должно распределять плоды, даруемые биомедицинским прогрессом? Какого рода нравственные добродетели требуются, чтобы мудро воспользоваться этим прогрессом? Какие законы, правила и учреждения необходимы, чтобы направлять этот прогресс верным путем?

Когда биоэтика постепенно вышла на сцену истории, стало ясно, что изначально поставленные вопросы не имеют простого решения. Точнее, для их решения необходимо было изменить саму культурную систему координат, которая сложилась к этому времени. Это предполагало решение двух связанных между собой задач.

В первую очередь, необходимо было четко определить логику отношений между наукой и нравственностью. Начиная с конца XIX в. и вплоть до 1960-х гг. господствующей философией на Западе был позитивизм, и это вело к тому, что в общественном сознании существовала грань между наукой и нравственностью, между научными фактами и моральными ценностями. Считалось, что факты незыблемы, а ценности способны к мягкой трансформации с течением времени. По этой причине вопросы нравственности не должны были включаться в поле научных дискуссий. Однако врачам в их деятельности часто приходилось принимать как научные (медицин-

ские), так и нравственные решения, но эти решения рассматривались как независимые друг от друга. Поэтому первая задача для биоэтики состояла в том, чтобы отказаться от старой позитивистской идеи о существовании якобы четкой линии между наукой и моралью. При этом предстояло оспорить мысль о том, что люди, которые хорошо подготовлены в науке и медицине, т.е. доктора, способны принимать верные нравственные решения.

Вторая задача состояла в том, чтобы развить такую методологию, которая бы позволила действовать в условиях исчезновения границы между наукой и нравственностью. С ее помощью появилась бы возможность ответить на вопрос о том, в чем состоит различие между медицинскими и нравственными решениями. Кроме того, требовалось выяснить, какие знания необходимы для принятия тех и других, кто вправе их принимать, и насколько надежными и объективными могут быть нравственные решения, если моральные ценности столь неустойчивы и подвижны.

В начале 1970-х гг. среди энтузиастов биоэтики сложилось мнение, что решение моральных проблем должно происходить посредством использования междисциплинарного подхода. Дэниел Каллахэн рассматривал биоэтику как область взаимодействия разных методологий, заимствованных из области права, социальных и политических наук, а также таких почтенных форм знания, как философия и теология. Он аргументировал это тем, что нравственный выбор может быть выражен различными способами: через судебное решение, законодательную формулировку, административную инструкцию. Он также обращал внимание на то, что одни нравственные решения, как правило, принимаются в частном порядке, а другие требуют широкого публичного обсуждения. Проблемы, касающиеся репродуктивных вопросов (аборт, контрацепция), обычно не

попадают в публичную сферу, напротив, проблемы, касающиеся окружающей среды, обычно решаются на уровне правительства и не входят в область частных решений¹.

Междисциплинарный характер биоэтики ни у кого из ее сторонников в 1970-е гг. не вызывал возражения. Гораздо более сложным был вопрос о том, каковы масштабы этой новой области знания. Так, Ван Ренсселер Поттер, который в 1971 г. впервые ввел термин «биоэтика», трактовал ее как науку о человеческом выживании и улучшении качества жизни². Поттер видел в биоэтике нечто вроде моста между биологическими знаниями и человеческими ценностями и отводил ей решение конкретных вопросов генетики, онкологии, экологии и т.д. Вскоре первоначальная трактовка Поттера подверглась переосмыслению, прежде всего для того, чтобы отделить биоэтику от более древней области знания – медицинской этики³. Последняя со времен Гиппократов была сосредоточена исключительно на двух вещах – нравственных обязанностях врача и отношениях между доктором и пациентом. Биоэтика должна была включать более широкую область моральных проблем, касающихся медицины и биологии, а также наук об окружающей среде, народонаселении и обществе. Переосмысление первоначального замысла Поттера заключалось в том, чтобы включить медицинскую этику в биоэтику наряду со многими другими темами и проблемами.

Поскольку предметная область биоэтики рассматривалась с тех пор как весьма обширная, то было ясно, что всякая отдельно взятая методология была недостаточна для ее целей. Творцам биоэтики

¹ Callahan D. Bioethics as a Discipline // Hastings Center Studies. 1973. Vol. 1 (1). P. 66-73.

² Potter V.R. Bioethics: Bridge to the Future. Englewood Cliffs, NJ: Prentice Hall, 1971. P. 1-5.

³ Whitehouse P.J. The Rebirth of Bioethics: Extending the Original Formulations of Van Rensselaer Potter // American Journal of Bioethics. 2003. Vol. 3 (4). P. W26-W31.

уже в 1970-е гг. пришлось задуматься над тем, как наилучшим образом использовать методологические возможности философии, права и других дисциплин, а также найти необходимый баланс между широтой предмета, сложностью вопросов и строгостью анализа.

Несмотря на то, что с самого начала 1970-х гг. американская биоэтика конструировалась ее создателями как междисциплинарная область знания, ее всегда беспокоили три главных вопроса. Что я должен делать, чтобы жить нравственной жизнью и быть способным принимать нравственные решения? В чем заключаются мои нравственные обязанности и обязательства по отношению к людям, на чью жизнь и благополучие я могу воздействовать? Что я должен делать для общего блага и в чем заключаются мои обязанности по отношению к обществу, если я являюсь членом этого общества? Эти три вопроса, уходящие корнями в традицию классической античной этики, ориентированы в трех направлениях – на самого субъекта, стремящего культивировать в себе нравственные добродетели, на другого человека, выступающего объектом приложения воздействий субъекта, и на общество, которому принадлежит субъект в качестве гражданина, соседа или члена нации.

Среди энтузиастов биоэтики относительно характера этих вопросов возникла дискуссия. В 1973 г. один из основоположников биоэтики в США Даннер Клаузер утверждал, что в представленном виде эти вопросы актуальны для любой ситуации, в том числе и для биомедицины. С его точки зрения, нравственные решения, принимаемые в медицине, есть не что иное как следствие применения правильного нравственного мышления вообще к области медици-

ны¹. Другую точку зрения высказали Эдмунд Пеллегрини и Дэвид Томазма, утверждавшие, что медицина располагает в своем арсенале собственными этическими решениями, поскольку исторически она развивалась на базе особых подходов и традиций. По их мнению, принципы «не навреди» и «заботься о благополучии другого человека» здесь представлены более явно, чем где бы то ни было еще, поскольку в профессии врача, лучше всех знающего и чувствующего боль другого человека, заложен конфликт между двумя стремлениями – помогать пациенту и заботиться о собственной выгоде². Некоторое время спустя Дэниел Каллахэн, считавший себя оппонентом Клаузера, пришел к выводу, что выяснить, из какого источника – медицины и биологии или общей этики – биоэтика черпает свои моральные основания, не представляется возможным: оба эти источника могут вносить ценный вклад в ее работу³.

Становление биоэтики в США с самого начала происходило в условиях острых общественных дискуссий, касающихся современной биомедицины. В июле 1972 г. американская пресса опубликовала сообщения о скандальных обстоятельствах изучения

¹Engelhardt Jr. H.T. Moral Knowledge, Moral Narrative, and K. Danner Clouser: The Search for Phronesis // Kopelman L.M. (ed.) Building Bioethics: Conversations with Clouser and Friends on Medical Ethics. Dordrecht: Kluwer Academic Publishers, 1991. P. 51. См. также: Clouser K.D. Biomedical Ethics: Some Reflections and Exhortations // The Monist: An International Quarterly Journal of General Philosophical Inquiry. 1977. Vol.60 (1). P. 47-61; Gert B., Culver C.M., Clouser K.D. Bioethics: A Systematic Approach. New York: Oxford University Press, 2006.

²Pellegrino E.D., Thomasma D.C. Virtues in Medical Practice. New York: Oxford University Press, 1993. P.31. См. также: Pellegrino E.D., Thomasma D.C. A Philosophical Basis of Medical Practice: Toward a Philosophy and Ethics of the Healing Profession. New York: Oxford University Press, 1981.

³Callahan D. Ethics from the Top Down: A View from the Well // Kopelman L.M. (ed.) Building Bioethics: Conversations with Clouser and Friends on Medical Ethics. Dordrecht: Kluwer Academic Publishers, 1991. P. 25-27; Callahan D. Bioethics // Post S.G. (ed.) Encyclopedia of Bioethics, 3rd ed. New York: Macmillan, 2004. Vol. 1. P. 282.

сифилиса, которые проводились под эгидой национальной системы здравоохранения США в местечке Таскиги (Tuskegee), штат Алабама. Как выяснилось, эти исследования начались еще в 1932 г., когда для лечения сифилиса не существовало эффективных препаратов. Объектом изучения стала большая группа местных жителей, среди которых преобладали плохо образованные чернокожие рабочие. У 400 из них сифилис существовал в хронической форме. Скандал заключался в том, что после Второй мировой войны медики уже получили в свое распоряжение антибиотики, позволяющие лечить сифилис. Но в Таскиги ничего не было сделано для облегчения страдания испытуемых. Наблюдая течение болезни в «чистой форме», ученые скрывали от них информацию о том, что их болезнь теперь можно лечить. Когда история Таскиги раскрылась, это вызвало скандал. Воедино сплелись обвинения в расовой дискриминации и жестокости медицинских экспериментов с участием людей, во многом повторяющие то, что делали нацистские врачи-преступники в концлагерях. Официальная реакция на разоблачения в Таскиги вылилась в признание со стороны Департамента здравоохранения США безнравственности этих исследований¹. Кроме того, этот случай привел к быстрому развитию биоэтики в США как особой формы экспертного знания.

В те же самые годы, когда в США была разоблачена история с бесчеловечными экспериментами над неграмотными чернокожими обитателями Таскиги, в поле зрения общественности попал еще один скандальный случай. Речь идет о школе для умственно отсталых детей Уиллоубрук, которая была открыта в 1947 г. в

¹Jones J.H. Bad Blood: The Tuskegee Syphilis Experiment. New York: Free Press, 1981.

Статен-Айленд в Нью-Йорке. По планам ее создателей в школе должны были жить и обучаться не более 4000 детей со всех концов страны, однако к 1965 г. в ней уже размещалось 6500 человек. Свою скандальную известность школа Уиллоубрук получила после того, когда стало известно, что с середины 1950-х и до начала 1970-х гг. в ней проводились исследования по гепатиту А, в которые вовлекали учащихся без их согласия. Как и в случае Таскиги, эти скандальные медицинские исследования вызвали общественный резонанс и не остались без последствий. Свою печальную репутацию школа приобрела еще в 1960-е гг., когда ее посетил сенатор Роберт Кеннеди, будущий кандидат в президенты США от демократической партии. Условия проживания для детей в Уиллоубруке произвели на него тягостные впечатления. В 1975 г. власти Нью-Йорка взялись за улучшение условий жизни юных обитателей Уиллоубрука, но это не привело к серьезным изменениям этих условий. В результате в 1983 г. было принято решение о закрытии школы (тогда уже Детского центра развития Статен-Айленд), и в течение следующих нескольких лет из нее были удалены все дети. Масштаб проблем, выявленных в Уиллоубруке, оказался столь значительным, что их пришлось рассматривать на уровне Федерального суда США. Важным итогом разоблачений в Уиллоубруке было развитие биоэтических рекомендаций о проведении исследований с участием лиц с психическими расстройствами¹.

Скандально известные случаи в Таскиги и Уиллоубруке совпали по времени с распространением бурных общественных дискуссий по вопросу об этичности биомедицинских исследований с участием социально незащищенных субъектов. Середина 1970-х гг. в

¹Rothman D.J., Rothman S.M. The Willowbrook Wars: Bringing the Mentally Disabled into the Community. New Brunswick, NJ: Aldine Transaction, 2005.

США была временем максимума пацифистских настроений, прекращения позорной войны во Вьетнаме и нового политического сближения с Советским Союзом. На волне этого общественного пацифизма и демократических настроений и появилась биоэтика.

Совсем иные настроения возобладали в американском обществе всего через пять лет. После того, как в декабре 1979 г. СССР ввел свои войска в Афганистан, и власти США приняли решение о бойкоте московской Олимпиады, в американском обществе усилились алармистские и даже милитаристские настроения. Росла обеспокоенность из-за возможного ядерного столкновения с Советским Союзом, а также в связи с начавшимся экономическим кризисом. На этом фоне еще одной страшной новостью стала новость о появлении новой смертельно опасной болезни – СПИД.

В 1981 г. в США, а затем в Западной Европе медики стали диагностировать случаи смерти от новой неизвестной болезни. В апреле 1983 г. в американской прессе новая болезнь была названа смертельно опасной эпидемией, против которой не существует лечения. В средствах массовой информации стало распространяться мнение о том, что основными распространителями болезни являются представители так называемых «групп риска» – геи, потребители героина, выходцы с острова Гаити и люди, больные гемофилией. Рост числа заболевших новой болезнью и умерших от нее вызвал сильную тревогу в США. Отдельные общественные деятели и политики стали требовать, чтобы традиционные стратегии эпидемического контроля были пересмотрены. В частности, прозвучали заявления, что права отдельных личностей должны быть ограничены, если речь идет об общественном благополучии и национальной безопасности. Некоторые

официальные лица были готовы включить в повестку дня вопрос о дискриминации и поражении в правах по медицинским показателям. Лишь после 1986 г., когда была разработана поддерживающая терапия, позволяющая продлевать жизнь людям, инфицированным вирусом ВИЧ, паника прошла. Однако в обществе возникли острые дискуссии о степени конфиденциальности медицинской информации, о гражданских правах и ответственности ВИЧ-инфицированных¹. Случай с началом распространения эпидемии СПИД в США выявил хрупкость общественной морали перед лицом новой смертельной опасности. Казалось, что в этот момент едва ли не все общество было готово поступиться своими демократическими ценностями во имя грядущего выживания, серьезно ограничив в правах тех, кого большинство считало опасным. Но все же этого не произошло. Представляется, что не только открытие нового препарата, купирующего опасное распространение болезни, но и первая биоэтическая волна сделали свое дело. К началу 1980-х гг. биоэтика в США уже оформилась как культурно значимое явление, способное воздействовать на процессы в сфере морального сознания общества. В 1980-е гг. американские специалисты по биоэтике активно выступили за соблюдение принципа автономии прав личности в отношении людей, заболевших СПИД, за оказание им социально-психологической и медицинской поддержки, а также за недопустимость каких-либо форм дискриминации в отношении носителей вируса ВИЧ и больных СПИД, оказавшихся в больницах.

¹Brandt A.M. Acquired Immune Deficiency Syndrome (AIDS) // Kiple K.F. (ed.) The Cambridge World History of Human Disease. Cambridge: Cambridge University Press, 1993. P. 547-551.

В исторической ретроспективе возникновение биоэтики в США кажется совершенно не случайным явлением. Источники первой биоэтической волны присутствовали и в американской медицине, и в американской культуре. Американская медицина после Второй мировой войны – это одна из тех сфер, где большое внимание уделялось всевозможным технологическим инновациям. Как и все прочие явления американской культуры, медицина несет на себе отпечаток той страсти к технологиям, которая сильно дала о себе знать, по крайней мере, с середины XIX в., когда в США начали стремительно строиться железные дороги, быстро внедрялись телеграф, телефон, а затем возникла колоссальная потребность в автомобилях, телевизорах и т.д. Но этот технологический вызов не только совершенно изменил американскую медицину, но и поставил самих врачей перед необходимостью отвечать на сложные нравственные вопросы, на которые у них не было ответов.

Оказавшись перед необходимостью принимать сложные, этически нагруженные, медицинские решения, американские доктора не могли апеллировать к прежней медицинской этике, поскольку она не была предназначена для регулирования их действий в столь сложных условиях. Не могли они апеллировать и к какой-то одной религиозно-этической системе, поскольку Америка – это страна религиозно-этического и культурного плюрализма. В результате им пришлось попытаться найти общий язык со всеми сторонами, которые были готовы обсуждать эти новые проблемы в медицине, вызванные быстрым развитием технологий. Это оказалось в известном смысле несложно, поскольку Америка – страна религиозных сект и бесконечного числа самых разных общественных организаций, представители которых всегда с готовностью включались в дискус-

сии по самым разным вопросам повседневной жизни, а также по фундаментальным моральным вопросам.

Биоэтика как форма знания и как особый экспертный язык во многом была рождена американским культурным плюрализмом, который побудил ее пионеров нащупывать свой собственный путь в условиях религиозно-этического релятивизма и все более утверждающей себя светскости. Во второй половине XX в. традиционный религиозный консерватизм американского общества стал уходить в прошлое, и сама социальная реальность изменилась. Задаваясь вопросами о том, что нужно делать для спасения или для продления человеческой жизни, вовлеченные в эти дискуссии врачи, пациенты, судьи, общественные деятели и другие их участники вынуждены были не столько обращаться к уже традиционным этическим моделям, сколько пытаться создать что-то новое, включающее элементы прошлых моделей. Этими элементами могли оказываться и философские концепции, и теологические идеи, и некоторые нормы старой медицинской этики.

4. БИОЭТИКА КАК ФОРМА ПУБЛИЧНОЙ ПОЛИТИКИ: КОМИССИИ, КОМИТЕТЫ, ДОКЛАДЫ

Формирование биоэтики как особой области знания и культурного явления было невозможно без участия в этом процессе государственных и политических деятелей. В наиболее ярко выраженной форме этот процесс шел в США, где уже с конца 1960-х гг. дебаты между медиками и университетскими философами и теологами были перенесены в стены высшего органа законодательной власти – Конгресса. В результате многолетних споров и переговоров между всеми сторонами, вовлеченными в этот процесс, к середине 1970-х гг. в США появились специально созданные правительственные инстанции, призванные обсуждать разнообразные вопросы биоэтического порядка, а также законодательство, регулирующее порядок биомедицинских исследований с участием человека и конкретную биомедицинскую практику. Созданные правительственные инстанции в последующем подверглись неоднократной реорганизации, и можно предположить, что этот процесс будет продолжаться и в дальнейшем, отвечая на все новые вызовы, которые бросает обществу прогресс биомедицинских технологий. Тем не менее в период с конца 1960-х и до середины 1980-х гг. в США был сделан целый ряд важных шагов, которые заложили институционально-правовые основания в здание современной биоэтики как одного из важнейших

проектов западной культуры второй половины XX в. Рассмотрим, как были сделаны самые важные из этих шагов.

Первый из них был сделан в 1968 г., когда были инициированы сенатские слушания, устроенные сенатором от Миннесоты Уолтером Мондейлом. Местом проведения слушаний стал Сенат, в частности Подкомитет по изучению деятельности правительства Сенатского комитета по делам правительства (Subcommittee on Government Research of the Senate Committee on Government Operations). Поводом для слушаний был вопрос об этических, юридических и социальных последствиях практики пересадки органов, прежде всего трансплантации сердца, которая уже постепенно входила в жизнь ведущих медицинских центров мира. Совсем незадолго до этого, в декабре 1967 г. в ЮАР была проведена первая в мире операция по пересадке сердца от донора, и этот случай вызвал бурную дискуссию во всем мире¹. Врач, выполнивший пересадку сердца, Кристиан Барнард, был приглашен на слушания Мондейла, как и целый ряд знаменитых ученых, медиков и интеллектуалов, компетентных в этом вопросе².

Председательствовал на слушаниях Мондейла сенатор от Оклахомы Фред Харрис, который открыл первое заседание примечательным вопросом: «Могут ли социальные институты, национальные ресурсы и политика идти в ногу с развитием медицины?» Поскольку на слушания были приглашены авторитетные специалисты из раз-

¹Мур Ф. История пересадок органов. М.: Мир, 1973. С. 251-253.

²О слушаниях Мондейла см.: Jonsen A.R. *The Birth of Bioethics*. New York: Oxford University Press, 1998. P. 90-94; Rothman D.J. *Strangers at the Bedside: A History of How Law and Bioethics Transformed Medical Decision Making*. New York: Basic Books, 2009. P. 68-176. Официальные отчеты о слушаниях Мондейла см.: U.S. Senate Subcommittee on Government Research, Committee on Government Operations // *Hearings on S.J. Resolution 145*. 90th Congress, 2nd Session, 1968. March 8-9, 21-22, 27-28; April 2.

ных отраслей, дело не ограничилось только обсуждением этических аспектов трансплантаций органов.

В своем первом выступлении 8 апреля 1968 г. Мондейл попытался рассмотреть вопрос всесторонне. Он заявил следующее: «Современное развитие медицины ставит перед нашим обществом важные этические и юридические вопросы. Кто должен жить и кто должен умереть? Как долго следует сохранять жизнь и как ее прекращать? Кто будет принимать решения об этом? К чему следует готовиться обществу?» Для решения этих вопросов Мондейл предложил создать специальную правительственную инстанцию - Президентскую комиссию по вопросам науки о здоровье и общества (President's Commission on Health Science and Society). Комиссия должна будет изучать вопросы трансплантации органов, генной инженерии, контроля над поведением, экспериментов на людях и финансирования этих исследований. Резюмируя, сенатор отметил, что многие ученые и широкая общественность согласны с его озабоченностью.

Значительная часть медицинского сообщества США, включая ученых-естествоиспытателей, вовлеченных в биомедицинские исследования, была настроена против того, чтобы допускать кого бы то ни было в сферу управления биомедицинскими исследованиями. Это касалось и вопросов об этических аспектах этих исследований. Поэтому, когда Мондейл организовал сенатские слушания, многие видные медики заняли оборонительную позицию, но были и те, кто был готов к конструктивному сотрудничеству, но при условии, что наиболее значимые решения все же должны принимать медицинские специалисты, а не политики и юристы.

Когда Мондейл внес свое предложение о создании Комиссии, медики поддержали его, но при этом заявили о том, что руководить работой Комиссии должны врачи. Часть выступавших на слушаниях

склонялась к тому, что характер этических вопросов, сформулированных Мондейлом, мало чем отличается от традиционных вопросов медицинской этики. Эту точку зрения артикулировал хирург-трансплантолог Эдриан Канторович, который, кроме того, утверждал, что занятия медициной теперь требуют смелости и решимости, которых нельзя ожидать от людей, не сведущих в медицине. Хирург-трансплантолог из Стэндфордского университета Норман Шамвэй считал, что предложенная Комиссия должна сосредоточиться на информационно-просветительских моментах, сообщая общественности о новых вехах в развитии биомедицины. Биохимик Артур Корнберг не видел каких-либо серьезных этических или юридических проблем с исследованиями структуры гена. Резюмируя данные высказывания, Мондейл отметил тот факт, что никто из медиков не хочет передоверить общественности контроль за их деятельностью в сфере биомедицины¹.

На слушаниях Мондейла дважды выступил Нобелевский лауреат биохимик Джошуа Ледерберг, сделавший примечательное замечание: «Подлинным предметом этих слушаний является не что иное как вопрос о том, как человеческий вид может предвидеть свое будущее, тогда как трансплантации и репликация ДНК являются всего лишь самыми заметными примерами потрясающей революции в биологии». Он также отметил, что по прошествии всего лишь одного года с момента исследований в этой области биомедицины трудно предлагать какие-либо надежные рекомендации. Близок по тону к нему был также известный анестезиолог и энтузиаст этики Генри Бичер, говоривший о том, что существуют такие границы, которые не может преступить даже медицина, но они должны быть установлены не с точки зрения неких кодексов, а с точки зрения духа. Бичер также

¹Jonsen A.R. The Birth of Bioethics. P.91.

утверждал, что простые люди должны внести в медицину собственные этические правила, поскольку наука не является высшей ценностью, которой должны быть подчинены все остальные. Наука должна быть встроена в существующий порядок ценностей¹.

В качестве свидетелей на слушания были привлечены три теолога – Дин Джералд Брауэр из Чикагского университета, Кеннет Во из университета Техаса и отец Алберт Моражевский. Брауэр говорил о пользе всякой публичной дискуссии и о том, что предлагаемая Комиссия должна быть способна выработать свежий взгляд на обсуждаемые вопросы, не замутненный никакими прежними исследовательскими процедурами. Во, перефразируя Библию, заявлял: «Если мы достигли власти над целым миром с помощью военной силы и технического господства над окружающей средой с помощью науки, то что хорошего будет в том, если в результате исчезнет сам человек». Председательствующий Харрис после этого заключил: «Сегодня мы услышали голос разума»².

С жесткой оппозицией Мондейлу выступила целая группа авторитетных трансплантологов во главе с Барнардом. Южноафриканский медик вел себя весьма дерзко, обращаясь к сенаторам: «Ваш комитет – это оскорбление вашим докторам... Кто платит за войну? – Общество. А кто решает, где генералу атаковать противника? Разве общество? Нет, сам генерал. Общество не компетентно в этом. Здесь только генерал принимает решения. Он компетентен в том, чтобы найти лучший способ потратить деньги общества». За Барнардом выступал его наставник и наставник многих других хирургов Оуэн Уонгенстин, почтенный профессор хирургии из университета Миннесоты, родного и для сенатора Мондейла. Он был настроен еще более скеп-

¹Rothman D.J. Strangers at the Bedside. P. 171.

²Jonsen A.R. The Birth of Bioethics. P. 92.

тически, чем Барнард. Уонгенстин напомнил собравшимся, что на пути развития новых научных направлений всегда было много препятствий, поэтому не следует создавать новых там, где этого можно избежать. Он заявил Мондейлу: «Если Вы думаете, что теологи, юристы и врачи способны предложить новое направление, то Вы ошибаетесь. Я не вижу, как они могут в этом помочь ученым»¹.

С ними был солидарен и доктор Джесси Эдвардс, представитель Американской ассоциации кардиологов. Эдвардс явился с только что состоявшейся в Сан-Франциско конференции кардиологов, где инициатива Мондейла встретила опасения. Эдвардс цитировал прозвучавшие в Сан-Франциско слова доктора Уолтона Лиллея, еще одного наставника Барнарда: «Решения, касающиеся трансплантации, лучше всего оставить тем, кто занят этой работой, чем новоявленным критикам, которые преуспели лишь в области критики и нигде более... Это люди, которые боятся того, что неспособны творить». Эдвардс заявил сенаторам, что законодательство может мешать прогрессу. По его словам, если в этой области будут возникать какие-либо этические проблемы, то ими будет заниматься Комитет по этике Американской ассоциации больниц. Он завершил свое выступление так: «Мы не верим, что пришло время для того, чтобы правительство погрязло в сложных технических вопросах»².

Выступления сторон на слушаниях Мондейла вскрыли противоречия в позициях между частью медицинского сообщества и некоторыми политическими кругами, представляющими общественность США. Слушания приоткрыли дверь в мир новых идей и эмоций, порожденных прогрессом биомедицины в 1960-е гг. Однако сами заседания в Сенате в 1968 г. не привели к каким-либо конкретным

¹Rothman D.J. Strangers at the Bedside. P. 170-173; Jonsen A.R. The Birth of Bioethics. P. 92-93.

²Jonsen A.R. The Birth of Bioethics. P. 93.

действиям или принятию законов. Мондейл был разочарован оппозицией со стороны врачей и ученых, которые отказывались видеть необходимость выработки новых средств для решения этических проблем, возникающих в медицине.

Слушания в марте и апреле 1968 г. были лишь первым шагом по формированию институционально-правовых оснований биоэтики в США. Мондейл спокойно отнесся к своей относительной неудаче и продолжил начатое дело, организовав в ноябре 1971 г. новые слушания. Темой для обсуждения стал вопрос о необходимости введения общественного контроля над исследованиями в генетике. От имени Сената вопросы задавали сенаторы Мондейл, Кеннеди и Доминик. В качестве ответчика был приглашен помощник Государственного секретаря по здравоохранению доктор Мерлин Дювал, который рекомендовал Департаменту здравоохранения самостоятельно контролировать работы по генетике. Отвечая на вопросы сенаторов, Дювал заявил, что не считает необходимым разрабатывать какое-либо законодательство по биомедицине, поскольку врачи сами способны контролировать эту область. Мондейл был раздражен такой позицией, отмечая, что американская медицинская элита упорно сопротивляется всякому общественному вмешательству в вопросы биомедицинских исследований, будто бы это неминуемо приведет к торжеству анти-науки¹.

Позиция сенатора Мондейла, занятая им в 1971 г., не изменилась и в последующем. В 1973 г. он высказался за создание Консультативной комиссии по наукам о здоровье и обществе, которая должна была заняться «изучением этических, социальных и юридических последствий развития биомедицинских исследований и техно-

¹Jonsen A.R. The Birth of Bioethics. P. 93-94.

логий». Именно данная формулировка, предложенная Мондейлом, в дальнейшем вошла в историю. Тезис о триединой совокупности – этических, социальных и юридических последствий развития биомедицины – был положен в текст принятого впоследствии закона.

Следующий важный шаг был сделан в феврале 1973 г., когда один из самых влиятельных американских политиков второй половины XX в. сенатор Эдвард Кеннеди инициировал очередные слушания в Конгрессе. Как и Мондейл, Кеннеди был членом демократической партии США, но в отличие от большинства демократов имел хорошие отношения с республиканцами, поэтому его участие существенно усилило вес тех политических групп, которые были заинтересованы в установлении общественного контроля над биомедициной. Местом слушаний стал Комитет по труду и общественному благополучию Палаты представителей. Для открытия слушаний имелось два повода – ситуация с биомедицинскими исследованиями на человеческих эмбрионах, тесно переплетенная с вопросом об отношении к искусственным абортам, и – в еще большей степени – вскрывшийся летом 1972 г. скандальный факт с дискриминационными по характеру исследованиями сифилиса в Таскиги (Tuskegee), штат Алабама. Как и в прошлом, на слушания были приглашены ведущие эксперты в области биомедицины и интеллектуалы-гуманитарии. От имени интеллектуалов выступали представители созданного в 1969 г. в Гаррисоне, штат Нью-Йорк, Центра Гастингса по биоэтике - Дэниел Каллахэн, Уиллард Гейлин и Роберт Вич¹.

¹О слушаниях Кеннеди см.: Jonsen A.R. The Birth of Bioethics. P. 94-98; Bullger R.E., Bobby E.M., Fineberg H.V. (eds.) Society's Choices: Social and Ethical Decision Making in Biomedicine. Washington, DC: National Academy Press, 2001. P. 90; Yesley M.S. Beginning Bioethics // Engelhardt H.T. (ed.) Bioethics Critically Reconsidered: Having Second Thoughts. Dordrecht: Springer, 2012. P. 32-33.

Кеннеди начал свое выступление словами о том, что ученые стоят на пороге того, чтобы заново создать человека. Он вспомнил об успехах науки в деле пересадок сердца и почек, расшифровки генетического кода и исследований мозга, а затем задал вопрос: «При каких условиях могут происходить генетические манипуляции с населением и могут ли предприниматься фармакологические или нейрологические модификации поведения? Как определить состояние смерти? Кому разрешено пользоваться оборудованием, продлевающим жизнь? Следует ли подвергать общество опасности в чьих-либо интересах?»

Соотношение сил на слушаниях 1973 г. несколько отличалось от того, что было у Мондейла. Выступавшие от имени научного сообщества эксперты уже были не склонны яростно отрицать необходимость усиления общественного контроля над биомедицинскими исследованиями. Луис Томас, Майкл Дебейки, Джеймс Уотсон и Б.Ф. Скиннер говорили, главным образом, о прогрессе науки в своих областях. Интеллектуалы-гуманитарии приводили примеры того, как отсутствие контроля может вести к негативным последствиям для пациентов. Вич, приведя целую серию примеров по обсуждаемому вопросу, высказался за необходимость введения более строгих процедур информированного согласия¹. Гейлин рассказал о проблемах принудительного хирургического вмешательства в психику (лоботомии). Каллахэн говорил о проблемах, сопутствующих генетическим и репродуктивным исследованиям, и высказался за публичное просвещение и дебаты по этим вопросам. Почти в то самое

¹Выступление Роберта Вича было вскоре опубликовано в форме статьи. См.: Veatch R., Sollitto S. Human Experimentation – Ethical Questions Persist // Hastings Center Report 3. 1973. No. 3. P. 1-3.

время, когда шли слушания, в США вышло в свет несколько публикаций, созвучных с обсуждаемыми в Конгрессе вопросами¹.

Большое влияние на общую атмосферу во время слушаний Кеннеди оказала история с унижительными экспериментами в Таскиги. Когда выяснилось, что они шли более тридцати лет и врачи не давали лекарств чернокожим пациентам с сифилисом, это вызвало скандал. Руководители американского здравоохранения, знавшие об этих тайных экспериментах, оказались под прицелом критики со стороны как борцов за права человека, так и сторонников большей гуманизации медицины. Уже осенью 1972 г. был подготовлен первый официальный отчет по итогам расследования в Таскиги, однако правительство США вяло прореагировало на содержащиеся в нем рекомендации. Поэтому, когда в марте 1973 г. Кеннеди организовал слушания в Конгрессе, он вновь вернулся к этому делу². Сенатору Кеннеди предстояло разобраться с причинами бездеятельности правительства по поводу исследований в Таскиги. Задавая вопросы вызванному в комитет представителю здравоохранения доктору Юджину Броунволду, Кеннеди вынудил того признать, что наличие какой-либо инструкции или руководства существенно изменило бы дело, и медицинские эксперименты шли бы тогда с большей безопасностью для здоровья людей.

Слушания Кеннеди были не единственным примером официального разбирательства в США по вопросу о биомедицинских ис-

¹Mitford J. Kind and Usual Punishment: The Prison Business. New York: Vintage Press, 1974; Barber B., Lally J., Makarushka J., Sullivan D. Research on Human Subjects: Problems of Social Control in Medical Expectation. New York: Sage, 1973.

²Final Report of the Tuskegee Syphilis Study ad hoc Advisory Panel // Jonsen A.L., Veatch R.M., Walters L. (eds.) Source Book of Bioethics: A Documentary History. Washington, DC: Georgetown University Press, 1998. P. 76-87. См. также: Reverby S.M. The Infamous Syphilis Study and Its Legacy: Examining Tuskegee. The University of North Carolina Press, 2009. P. 86-108.

следованиях с участием человека. Тогда же конгрессмен Пол Роджерс проводил еще одни слушания в Подкомитете по здоровью и окружающей среде Комитета по международным делам и внешней торговли Палаты представителей Конгресса. В ходе этой работы были подготовлены законопроекты об организации Национальной комиссии по трансплантации и искусственным органам (National Commission on Transplantation and Artificial Organs), Комиссии по медицинским технологиям и достоинству умирающих (Commission on Medical Technology and the Dignity of Dying), Комиссии по психохирургии (Psychosurgery Commission) и Национального совета по разработке стандартов в области экспериментов с участием человека (National Human Experimentation Standards Board). Ни один из этих законопроектов не был принят, но деятельность по их разработке ясно продемонстрировала широту общественной озабоченности вопросами биомедицины и биомедицинских исследований с участием человека¹.

В исторической перспективе итоги слушаний Кеннеди были наиболее плодотворными. По их окончании в Конгресс были внесены законопроекты, которые стали предметом дискуссий на самом высоком уровне. Так, в сентябре 1973 г. сенатор Глен Билл внес поправку о двухлетнем моратории на психохирургию, пока не будет принято более компетентное решение, а сенатор Джеймс Бакли предложил ввести окончательный запрет на финансовую поддержку исследований с использованием искусственно абортированных эмбрионов. Поправка Билла была принята в Сенате путем голосования, а поправка Бакли вызвала споры. Кеннеди попытался придать

¹Jonsen A.R. The Birth of Bioethics. P. 97; Bullger R.E., Bobby E.M., Fineberg H.V. (eds.) Society's Choices. P. 92.

предложению Бакли больше рациональности и поэтому предложил передать ее на доработку в специальную комиссию. Однако сенаторы большинством голосов высказались за поправку, предложенную Бакли, и тем самым эмоциональный подход взял верх.

С марта по июнь 1974 г. в Конгрессе шла работа по разработке законодательства в области биомедицинских исследований с участием человека. Вовлеченные в нее конгрессмены из обеих палат – Сената и Палаты представителей – никак не могли прийти к единым формулировкам, и поэтому итоговый документ предстояло принимать на уровне общей конференции Конгресса и ее комитета. Кое-кто сомневался, что это вообще возможно сделать. Сенатор Лэндон Хьюз не верил, что можно преобразовать весь комплекс противоречивых философских и теологических принципов в эффективные законодательные нормы. Но чиновники Департамента здравоохранения и работающие под их эгидой ученые, сознавая, что могут лишиться финансовой поддержки государства, высказывались за создание четких законодательных механизмов, регулирующих биомедицинские исследования. К лету 1974 г. сторонники научного прогресса из числа конгрессменов, как и сторонники защиты прав человека и борцы с абортами, - все признавали необходимость создания инстанции, способной принимать взвешенные решения по этим горячим вопросам.

Слушания Кеннеди и предшествующие им слушания Мондейла повлекли за собой разработку закона, который был одобрен Конгрессом и президентом. 12 июля 1974 г. президент Никсон поставил свою подпись под Национальным актом об исследованиях (National Research Act). Новый закон устанавливал ответственность государства за здоровье и благополучие людей, привлекаемых к участию в

биомедицинских исследованиях. Кроме того, закон устанавливал ответственность Государственного секретаря Департамента здравоохранения, образования и социального обеспечения перед специальной Комиссией в части принятия ее рекомендаций, касающихся биомедицинских исследований с участием людей. Эти рекомендации должны были определять этические обязательства по отношению к испытуемым со стороны всякого ученого, получающего государственное финансирование для проведения биомедицинских исследований, а позднее и учреждений, где выполняются такие исследования.

3 декабря 1974 г. Государственный секретарь по здравоохранению Каспер Уайнбергер привел к присяге 11 членов Национальной комиссии по защите субъектов в биомедицинских и поведенческих исследованиях (National Commission for the Protection of Human Subjects of Biomedical and Behavioral Research). Среди них было три врача, два биолога, трое юристов, два специалиста по этике и одно гражданское лицо. Выступая перед членами вновь образованной Комиссии в Палате представителей, сенатор Кеннеди сказал: «Комиссия призвана помочь нам находить критический баланс, необходимый, чтобы удовлетворять потребности общества в развитии знания и при этом защищать права отдельных членов общества». В тот же день члены Комиссии провели свое первое совещание, на котором избрали председателем Кеннета Райана, профессора кафедры акушерства и гинекологии Гарвардского университета. Свои заседания Комиссия решила проводить ежемесячно в течение двух дней¹.

¹Jonsen A.R. The Birth of Bioethics. P.99-100; Bullger R.E., Bobby E.M., Fineberg H.V. (eds.) Society's Choices. P. 91; Rothman D.J. Research, Human: Historical Aspect // Post S.G. (ed.) Encyclopedia of Bioethics, 3rd ed. New York: Macmillan, 2004. Vol. 4. P. 2323-2324.

Однако график работы Комиссии с самого начала оказался более плотным, поскольку вставший перед ней объем работы был гигантским. Комиссии предстояло подготовить рекомендации Государственному секретарю по здравоохранению в части защиты прав субъектов исследований, прежде всего, относительно соблюдения информированного согласия и контроля над исследованиями со стороны учреждения. Конгресс предложил Комиссии определить основные этические принципы, которые необходимо положить в основу биомедицинских и поведенческих исследований, и разработать специальное руководство, которого бы придерживались эти исследования. Комиссии также было поручено сфокусироваться на анализе поставленной Мондейлом задачи – изучить этические, социальные и юридические последствия развития биомедицины. С этой целью к своим заседаниям Комиссия стала привлекать новых экспертов.

Итоги деятельности Национальной комиссии отражены в ее ежегодных докладах, содержащих в себе конкретные биоэтические рекомендации. Каждый из них адресован конкретному вопросу. В 1975 г. Комиссия подготовила доклад «Об исследованиях на эмбрионах», за ним последовали доклады «Об исследованиях с участием заключенных» (1976), «Об исследованиях с участием детей» (1977), «О психохирургии» (1977), «О раскрытии информации об исследованиях» (1977), «Об исследованиях с участием лиц, признанных психически немощными» (1978), «О предоставлении медицинской помощи» (1978), «Специальное исследование» (1978), «Доклад Бельмонта» (1979). Каждый из этих докладов был результатом долгой и кропотливой работы, оживленных дискуссий друг с другом и с теми, кто включался в дискуссию со стороны. Фактически в каждом из них было заложено этическое ноу-хау, поскольку их авторам приходилось

решать задачи, с которыми нравственное сознание прежде не сталкивалось.

Подготовленные Комиссией доклады имели разную судьбу. Доклад «Об исследованиях на эмбрионах» получил поддержку руководства национального здравоохранения и сразу же получил статус нормативного документа. Напротив, доклад «Об исследованиях с участием лиц, признанных психически немощными», как и доклад «О психохирургии», остался без внимания¹. Но наибольший успех ждал «Доклад Бельмонта»².

Поскольку Конгресс поставил перед Комиссией задачу определить этические принципы, которые могли бы быть положены в основу биомедицинских исследований, членам Комиссии пришлось всерьез заняться этой работой. Чтобы решить эту задачу, в феврале 1976 г. члены Комиссии собрались в конференц-зале Смитсоновского института в Элкридже, штат Мериленд, известном также как Дом Бельмонта. В поле их зрения имелись уже некоторые примеры - принципы, зафиксированные в «Нюрнбергском кодексе» и «Хельсинкской декларации». Под рукой у них также были работы ведущих философов-моралистов их времени – Алистера Макинтайра, Джеймса Чайлдруса, Уго Тристрама Энгельгардта, Леруа Уолтерса и других. В ходе оживленной работы члены Комиссии предлагали различные по формулировкам и по числу принципы, но в конечном итоге сошлись на трех, которые были выделены из работ Тристрама Энгельгардта и Томаса Бичема: уважение к личности, благодеяние и справедливость. В таком виде они были сформулированы философом Стивеном Тулминым и направлены в Конгресс.

¹Bullger R.E., Bobby E.M., Fineberg H.V. (eds.) *Society's Choices*. P. 91-92.

²О «Докладе Бельмонта» см.: Beauchamp T. *The Belmont Report* // Emanuel E.J. et al. (eds.) *The Oxford Textbook of Clinical Ethics*. Oxford: Oxford University Press. 2008. P. 149-155.

Работа над текстом доклада, с учетом перерывов, шла три года. Финальная версия объемом в десять страниц была опубликована 18 апреля 1979 г. Авторами его числилось 11 человек, из которых двое к моменту публикации умерли. «Доклад» содержал в себе вводную часть, посвященную общим этическим принципам и руководствам по проведению исследований с участием человека и в которой была отмечена преемственность с идеями «Нюрнбергского кодекса», а также три части. В первой из них речь шла о границах между практикой и исследованиями, во второй – о трех главных этических принципах – уважении к личности, благодеянии и справедливости, в третьей, которая играла роль приложения, об информированном согласии, оценках рисков и выгод и подборе субъектов для исследований. Все положения доклада были сформулированы в предельно сжатой форме, как и примеры, которые использовались авторами для иллюстрации базовых принципов. Иллюстрацией к третьему принципу – справедливости – стал случай с Таскиги, где этот принцип был явно нарушен¹.

Помимо членов Комиссии, к подготовке финальной версии «Доклада Бельмонта» активно привлекался специалист по моральной философии из Джорджтаунского университета Томас Бичем. Активно участвуя в написании доклада, он параллельно готовил к публикации совместно с коллегой по университету Джеймсом Чайлдрисом книгу «Принципы биомедицинской этики» (1979), ставшую самым известным текстом по биоэтике на Западе².

Переоценить значение «Доклад Бельмонта» невозможно. Как только он был опубликован, его направили в офис Государственного

¹The Belmont Report: Ethical Principles and Guidelines for the Protection of Human Subjects of Research. Washington, DC: Government Printing Office, 1979.

²Beauchamp T.L., Childress J.F. Principles of Biomedical Ethics, 4th ed. New York: Oxford University Press, 1994.

секретаря по здравоохранению, образованию и социальному обеспечению. Доклад сразу же стал играть роль официального документа, имеющего силу социальной нормы, определяющей порядок всех биомедицинских исследований, финансируемых государством. Кроме того, он стал краеугольным камнем биоэтики как новой дисциплины появившейся в американских университетах¹.

В 1978 г. еще до публикации «Доклада Бельмонта» прекратила свою работу Национальная комиссия. В том же году ее преемником стала еще одна официальная инстанция – Этический консультативный совет (The Ethics Advisory Board) при Департаменте здравоохранения, образования и социального обеспечения. Инициатива по его созданию принадлежала членам Национальной комиссии, которые рекомендовали руководству национального здравоохранения, чтобы этические вопросы биомедицинских исследований на эмбрионах и с участием детей были переданы именно такому совету. Государственный секретарь по здравоохранению назначил своим решением состав совета во главе с юристом из Сан-Франциско Джеймсом Гейсером. Членами совета оказались два биохимика и шесть врачей, причем три из них были чернокожими американцами, а также несколько юристов и рядовых граждан. Функции Совета были довольно обширны – от оценки заявок на проведение биомедицинских исследований до консультаций по различным программам департамента².

Однако деятельность Совета была значительно менее эффективной, чем деятельность Комиссии. Его рекомендации не получили какого-либо ответа со стороны руководства национального здра-

¹Rothman D.J. Research, Human: Historical Aspect. P. 2324.

²О деятельности Совета см.: Jonsen A.R. The Birth of Bioethics. P. 106-107.

воохранения, несмотря на усилия, приложенные членами Совета при обсуждении отдельных вопросов. Так, в 1979 г. Совет подготовил для Департамента здравоохранения солидный доклад о поддержке эмбриологических исследований, но офис Секретаря Департамента оставил его без внимания. В 1980 г. Совет был распущен, но все же результаты его работы еще сказывались долгое время. В период правления президентов Рейгана и Буша-старшего (1981-1992) администрация избегала принимать сомнительных решений по финансированию исследований на эмбрионах¹.

Следующей важной инстанцией была Президентская комиссия по изучению этических проблем в медицине и биомедицинских и поведенческих исследованиях, которая существовала с 1980 по 1983 г. В ее состав вошли 12 человек, а председателем по решению президента Картера был назначен Морис Абрам, юрист из Нью-Йорка. Президентская комиссия во многом была наследницей Национальной комиссии и также подготовила серию докладов, некоторые из которых стали иметь силу официальных рекомендаций².

Наиболее значительным достижением Президентской комиссии стал ее доклад «Определение смерти: медицинские, юридические и этические проблемы при вынесении решения о смерти» (1981)³. При подготовке доклада члены комиссии собирались в раз-

¹Tauer C.A. Embryo Research // Post S.G. (ed.) Encyclopedia of Bioethics, 3rd edition. New York: Macmillan, 2004. Vol. 2. P. 713-714.

²О деятельности Президентской комиссии см.: Abram M.D., Wolf S.M. Public Involvement in Medical Ethics: A Model for Government Action // New England Journal of Medicine. 1984. Vol. 310 (10). P. 627-632; Callahan D. Morality and Contemporary Culture: The President's Commission and Beyond // Cardozo Law Review. 1984. Vol.6. P. 347-356; Jonsen A.R. The Birth of Bioethics. P. 107-115; Brock D.W. Public Policy and Bioethics // Post S.G. (ed.) Encyclopedia of Bioethics, 3rd edition. New York: Macmillan, 2004. Vol. 4. P. 2237-2238.

³Defining Death: A Report on the Medical, Legal and Ethical Issues in the Determination of Death. Washington, DC: Government Printing Office, 1981.

ных городах США, консультировались с другими экспертами, принимали участие в рассмотрении целого ряда клинических случаев, касающихся эвтаназии, а также привлекли разнообразную литературу по вопросам «мозговой смерти» и моральных противоречий, возникающих при вынесении решения о смерти¹. Доклад содержал пять глав и приложение и делал акцент на необходимости переосмысления представлений о смерти в общественном сознании.

Пафос доклада был выражен уже на первых страницах: «К принятым стандартам принятия решения о смерти относилось устойчивое отсутствие дыхания и сердцебиения... появление новой медицинской техники отныне позволяет врачам генерировать дыхание и сердцебиение тогда, когда способность спонтанно дышать была необратимо утрачена. До того, как появились современные технологии, прекращение дыхания и смерть были очевидными. Однако теперь некоторые органические процессы в телах могут сохраняться с помощью искусственных средств, хотя они уже никогда не смогут восстановить способность к спонтанному дыханию или устойчивой интеграции всех телесных функций... Такие искусственно сохраняемые тела представляют собой новую категорию для права (и для общества), и применение к ним традиционных способов определения смерти не представляется возможным»².

¹Примеры публикаций по данной проблематике, имевшихся к началу 1980-х гг., см.: Capron A.M., Kass L. A Statutory Definition of the Standards for Determining Human Death: An Appraisal and a Proposal // *University of Pennsylvania Law Review*. 1972. Vol. 121 (1). P. 87-118; Refinements for the Determination of Death: An Appraisal // *Journal of American Medical Association*. 1972. Vol. 221 (1). P. 48-53; Veith F.G., Fein J.M., Tandler M.D., Veatch R.M., Kleinmam N.A., Kalkines G. Brain Death: A Status Report of Medical and Ethical Considerations // *Journal of American Medical Association*. 1977. Vol. 238 (15). P. 1651-1655; Veatch R.M. Death, Dying and the Biological Revolution: Our Last Quest for Responsibility. New Haven: Yale University Press, 1977; Wikler D., Green M.B. Brain Death and Personal Identity // *Philosophy and Public Affairs*. 1980. Vol. 9 (2). P. 105-133 и др.

²Defining Death: A Report. P. 3.

Доклад «Определение смерти» повлиял на принятие новых единообразных стандартов в принятии решений о смерти и приобрел значение важнейшего регламентирующего документа в американской биомедицинской практике. Наряду с ним Президентская комиссия подготовила еще десять докладов, при этом значимость каждого из них оказалась различной. Наиболее влиятельным из всех стал доклад «Решение отказаться от сохранения жизни» (1983) - об эвтаназии¹.

Доклад об эвтаназии внес ясность в эту область дискуссий² и позволил судам и больницам получить надежное руководство относительно этически приемлемой практики прекращения жизни у некоторых категорий пациентов - полностью недееспособных, пациентов с полностью и давно отсутствующими признаками сознания, неизлечимо больных новорожденных и пациентов, в отношении которых необходимо предпринимать серьезные меры реанимации («запустить» сердце и легкие). Доклад об эвтаназии был в некотором роде продолжением доклада «Определение смерти», однако спектр вопросов, затронутых в нем, оказался шире.

Доклад 1983 г. был обусловлен необходимостью предложить приемлемые этические рекомендации для ситуаций, когда вопрос о жизни и смерти приходится принимать коллегиально, с учетом целого ряда факторов – моральных, религиозных, медицинских, технических и т.д. «Смерть теперь стала менее личным делом, чем прежде. Сегодня она все чаще происходит под присмотром медиков,

¹Deciding to Forego Life-Sustaining Treatment: A Report on the Ethical, Medical, and Legal Issues in Treatment Decisions. Washington, DC: Government Printing Office, 1983.

²Примеры публикаций по вопросу об эвтаназии, имевшихся к началу 1980-х гг., см.: Maguire D.C. Death by Choice. New York: Schocken Books, 1973; Behnke J.A., Bok S. (eds.) The Dilemmas of Euthanasia. Garden City, NY: Anchor Press, 1975; Kohl M. (ed.) Beneficent Euthanasia. Buffalo, NY: Prometheus Books, 1975.

в больнице или дома в присутствии сиделки. В это событие, разворачивающееся при таких обстоятельствах, вовлечено все больше людей, и их решение, обычно вытекающее из разногласий, с большей вероятностью требует формальных правил и грамотных способов суждения. Кроме того, у пациентов, сегодня умирающих в медицинских учреждениях, все меньше источников немедицинской помощи, таких, как семья и церковь, которые некогда помогали людям в их последние дни»¹.

Другие доклады, подготовленные Президентской комиссией, затрагивали широкий ряд вопросов. Доклад «Принятие решений о медицинской помощи» (1982) был посвящен проблеме информированного согласия², «Надежный доступ к медицинской помощи» (1983) обсуждал проблему гарантий на получении помощи в условиях господства рынка и страховой медицины³, «Сплетенная жизнь» (1983) был об исследованиях в геномной инженерии⁴, «Обследование и консультирование по поводу генетических заболеваний» (1983) – об этических и юридических последствиях внедрения генетической диагностики⁵.

Доклад «Надежный доступ к медицинской помощи» появился в самый разгар неолиберальных реформ, осуществляемых администрацией президента Рейгана, и нес на себе следы демократических убеждений членов Комиссии времен Форда и Картера. Авторы до-

¹Deciding to Forego Life-Sustaining Treatment. P. 1.

²Making Health Care Decisions: A Report on the Ethical and Legal Implications of Informed Consent in the Patient-Practitioner Relationship. Vol. 1: Report. Washington, DC: Government Printing Office, 1982.

³Securing Access to Health Care: A Report on the Ethical Implications of Differences in the Availability of Health Services. Vol. 1: Report. Washington, DC: Government Printing Office, 1983.

⁴Splicing Life: The Social and Ethical Issues of Genetic Engineering with Human Beings. Washington, DC: Government Printing Office, 1983.

⁵Screening and Counseling for Genetic Conditions: The Ethical, Social, and Legal Implications of Genetic Screening, Counseling, and Education Programs. Washington, DC: Government Printing Office, 1983.

клада высказывались за расширение числа людей, имеющих право пользоваться услугами здравоохранения, и обязанности государства по охране здоровья граждан, но окружающая реальность уже изменилась. Когда текст уже был почти полностью подготовлен, в составе Президентской комиссии произошли изменения. В связи с истечением сроков полномочий в отставку ушли десять членов Комиссии, и их сменили новые, которые уже разделяли взгляды республиканской администрации.

Вокруг окончательной версии доклада разгорелась нешуточная борьба между сторонниками разных подходов. В результате итоговый документ был результатом грубых компромиссов и содержал в себе много противоречий. Естественно, что он не получил поддержки правительства¹. Возможно, поэтому социально-ориентированные темы больше не получили развития в новых докладах, и очередные публикации Президентской комиссии были посвящены в основном сложным биомедицинским вопросам.

Работа Национальной и Президентской комиссий была первым в истории примером того, что биоэтика вышла в сферу публичной жизни и соединилась с политикой. Деятельность Национальной комиссии была пионерной в подлинном смысле слова. Члены Президентской комиссии взяли за образец работу своих предшественников. Представителям Национальной комиссии в своих действиях приходилось рассчитывать в основном на собственные силы, а члены Президентской комиссии опирались на помощь высококвалифицированного персонала, который обеспечивал их работу, а кроме того, использовали литературу по биоэтике, которая стала все более

¹Jonsen A.R. The Birth of Bioethics. P. 114-115.

обширной в 1970-е гг.¹ Национальная комиссия более была сосредоточена на узких задачах, разрабатывая процедуры и правила для принятия решений в конкретных ситуациях. Президентская комиссия активно бралась за вопросы, имеющие масштабный социально-экономический и культурный характер. Результатами работы обеих комиссий были доклады, часть которых получила одобрение правительства, а часть – нет. «Доклад Бельмонта», подготовленный Национальной комиссией, превратился в своего рода каркас теоретической биоэтики, а зафиксированные в нем этические принципы – в «биоэтическую мантру». Доклады об определении смерти и эвтаназии, выпущенные Президентской комиссией, оказали колоссальное влияние на всю современную западную культуру.

Срок деятельности обеих Комиссий, установленный Конгрессом и правительством, был непродолжительным, и поэтому членам Комиссий было некогда тратить время на пустые дискуссии. Они были склонны работать эффективно и добиваться максимально возможного результата при тех ресурсах, что были в их распоряжении. В обоих случаях им приходилось готовить такие решения и принимать такие рекомендации, которые были предназначены для использования в условиях очень сложного общества с богатыми традициями политического, религиозного и культурного плюрализма.

В 1983 г. Президентская комиссия закончила свое существование, и долгий период правления республиканской администрации в США был отмечен отсутствием федеральной инстанции, ответственной за принятие решений по биоэтике. В 1996 г. президент-

¹Gray B. Bioethics Commissions: What Can We Learn from Past Successes and Failures? // Bullger R.E., Bobby E.M., Fineberg H.V. (eds.) Society's Choices. P. 261-306.

демократ Билл Клинтон вернулся к опыту своих предшественников и учредил Национальную консультативную комиссию по биоэтике (National Bioethics Advisory Commission), поручив ее возглавить доктору Гарольду Шапиро¹. Как и в прошлые годы, создание Комиссии было обусловлено новыми достижениями в области биотехнологий, которые бросали вызов культуре и требовали адекватного реагирования на него.

В июле 1996 г. появилось сообщение о клонировании овечки Долли, и президент США поставил перед Комиссией задачу в девятистодневный срок определить, каковы могут быть этические и социальные последствия того, если ученые решатся клонировать человека. Ответом на этот запрос явился доклад «Клонирование человеческих существ» (1997), в котором члены Комиссии рекомендовали правительству наложить мораторий на деятельность, связанную с клонированием человека, пока не наступит время для принятия иных решений².

В 1999 г. Комиссия была поставлена перед необходимостью дать рекомендации об этически приемлемом решении вопроса о допустимости исследований со стволовыми клетками. Сложность этого вопроса вынудила Комиссию предложить компромиссный вариант доклада, в котором авторы предлагали оказывать государственную финансовую поддержку лишь тем проектам, которые используют стволовые клетки, полученные из тканей трупов или эмбрионов, оставшихся неиспользованными при проведении фертилизации *in vitro*. Все остальные источники получения стволовых клеток

¹О работе комиссии см.: Brock D.W. Public Policy and Bioethics // Post S.G. (ed.) Encyclopedia of Bioethics. P. 2238.

²Cloning Human Beings: Report and Recommendations of the National Bioethics Advisory Commission. Rockville, MD, 1997.

Комиссия предложила считать неприемлемыми¹. Но даже и такой компромиссный подход не позволил этим рекомендациям стать общепринятой нормой, поскольку в американском обществе, очень чувствительном к вопросам аборт и исследований на эмбрионах, многие стороны сочли необоснованными предложенные рекомендации.

Комиссия подготовила еще серию докладов, в том числе: «Исследование с использованием человеческих биологических материалов: руководство по этическим проблемам и вопросам политики» (1999-2000), «Исследования с участием лиц с психическими расстройствами, которые могут повлиять на способность принятия решений» (1999), «Этические и политические проблемы в международных исследованиях: клинические испытания в развивающихся странах» (2001); «Этические и политические проблемы при исследованиях с участием человека» (2001)².

Окончание правления президента-демократа Клинтона в 2001 г. вновь совпало с прекращением работы Комиссии, но пришедший к власти президент-республиканец Джордж Буш-младший уже не стал отказываться от создания собственной публичной инстанции

¹Ethical Issues in Human Stem Cell Research. Vol.1: Report and Recommendations of the National Bioethics Advisory Commission. Rockville, MD, 1999; Vol.2: Commissioned Papers. Rockville, MD, 2000; Vol.3: Religious Perspectives. Rockville, MD, 2000.

²Research Involving Human Biological Materials: Ethical Issues and Policy Guidance. Vol.1: Report and Recommendations of the National Bioethics Advisory Commission. Bethesda, MD, 1999; Vol. 2: Commissioned Papers. Bethesda, MD, 2000; Research Involving Persons with Mental Disorders That May Affect Decisionmaking Capacity. Vol.1: Report and Recommendations of the National Bioethics Advisory Commission. Rockville, MD, 1999; Vol. 2: Commissioned Papers by the National Bioethics Advisory Commission. Rockville, MD, 1999; Ethical and Political Issues in International Research: Clinical Trials in Developing Countries. Vol.1: Report and Recommendations of the National Bioethics Advisory Commission. Bethesda, MD, 2001; Vol. 2: Commissioned Papers and Staff Analysis, Bethesda, MD, 2001; Ethical and Policy Issues in Research Involving Human Participants: Summary. Bethesda, MD, 2001.

по вопросам биоэтики. В ноябре 2001 г. он назначил Президентский совет по биоэтике (President's Council on Bioethics). Спустя год Совет опубликовал доклад «Клонирование человека и достоинство человека: этическое исследование» (2002), в котором были развиты основные идеи, представленные в докладах Совета-предшественника¹.

Национальная консультативная комиссия по биоэтике и Президентский совет по биоэтике в США являются примерами официальных инстанций, возникших уже в другую эпоху. К моменту их появления биоэтика уже приобрела значение важного культурного явления в западном мире, и к тому моменту, когда президент Клинтон возобновил работу федеральных комиссий по биоэтике в своей стране, в целом ряде других стран уже действовали аналогичные правительственные и неправительственные инстанции подобного типа². В России появление биоэтики как культурного явления и как институционально-правового явления относится к первой половине 1990-х гг. В 1992 г. был сформирован Российский национальный комитет по биоэтике при Российской академии наук, в который вошли крупные ученые, философы и общественные деятели. Он стал играть роль координирующего центра по обсуждению биоэтических проблем в стране. Почти сразу вслед за этим был образован еще целый ряд таких же комитетов - при Президиуме Российской академии медицинских наук, при Российской медицинской ассоциации, при Ассоциации врачей и, наконец, при Министерстве здравоохранения Российской Федерации. В некоторых научно-исследовательских институтах и

¹Human Cloning and Human Dignity: An Ethical Inquiry. Washington, DC, 2002.

²Brock D.W. Public Policy and Bioethics // Post S.G. (ed.) Encyclopedia of Bioethics. P. 2239.

больницах были организованы местные комитеты (при Российском центре хирургии, НИИ акушерства и гинекологии, Институте скорой помощи и др.)¹

Решающим периодом для оформления институционально-правовых основ современной биоэтики стали 1970-е гг., когда в США появилась первая в мире правительственная инстанция – Национальная комиссия по защите субъектов в биомедицинских и поведенческих исследованиях (1974), и был издан первый в мире законодательный акт, устанавливающий ответственность государства за здоровье и благополучие людей, привлекаемых к участию в биомедицинских исследованиях. Годы, предшествующие этим событиям, как и период, наступивший в 1974 г., оказались временем, когда биоэтика сделала свои первые шаги из сферы университетских дискуссий в стены публичной политики. Включение американской биоэтики в национальную общественно-политическую жизнь стало важным историческим условием для последующего превращения биоэтики в явление национально-культурного порядка, а в последующем и в важный кросскультурный феномен.

¹Лопухин Ю.М. Биоэтика в России // Вестник Российской Академии наук. 2001. Т. 71. № 9. С. 771-774.

5. ТРЕТЬЯ ВОЛНА: БИОЭТИЧЕСКОЕ ДВИЖЕНИЕ В РОССИИ

Возникновение и распространение биоэтики в России уже имеет своих летописцев, а история биоэтического движения в нашей стране находится на грани того, чтобы принять канонический вид. Основные вехи этой истории намечены теми, кто внес личный вклад в появление у нас биоэтики, а также людьми, близко знавшими отечественных первопроходцев биоэтического знания. Такая история в значительной мере имеет характер простых описаний и еще далека от того, чтобы достигнуть уровня истории интеллектуальной или истории культурной. Наш взгляд на этот вопрос также не претендует на то, чтобы пересмотреть этот предмет, используя ту или иную современную модель гуманитарных исследований. Однако мы сознаем, что исследования такого рода в будущем обязательно появятся.

Придерживаясь мнения о том, что теории и целые области научного знания обладают способностью путешествовать и пересекать культурные границы, мы склонны утверждать, что биоэтика оказалась культурным продуктом, импортированным в Россию извне. Зародившись первоначально в США в начале 1970-х гг., биоэтика в 1980-е гг. нашла себе место в странах Западной Европы, т.е. странах «второй волны», и лишь затем проникла в Россию и страны Восточной Европы и Азии, которые стали странами «третьей волны» биоэтического движения. Приход биоэтики совпал с целым ря-

дом важных исторических событий, таких, как распад Советского Союза, падение официальной коммунистической идеологии и связанной с ней системы марксистско-ленинских общественных наук, что обеспечило возможность для свободного проникновения в страну различных западных инноваций, в том числе интеллектуальных и культурных. Однако только этими внешними факторами нельзя объяснить стремительное развитие биоэтики в постсоветской России. По этой причине некоторые исследователи истории биоэтики в нашей стране указывают на существование благодатной почвы.

Некоторые авторы резонно указывают на роль отдельных личностей, таких, как философ Иван Тимофеевич Фролов или исследователь в сфере биомедицины Юрий Михайлович Лопухин, чей личный вклад сыграл огромную роль в быстрой адаптации западной биоэтики на российской культурной почве¹. Другие пытаются усмотреть корни отечественной биоэтики в истории отечественной медицинской традиции, достигшей больших успехов в плане этического осмысления различных медицинских и медико-биологических проблем². Тем самым, во всех случаях речь идет о том, что появление биоэтики в России оказалось делом неслучайным и естественным. Кроме того, характер и тон этих публикаций намекают на то, что биоэтика в нашей стране до 1992 г. пребывала в зрелом эмбриональном состоянии, и ее рождение на свет было делом непродолжительного времени.

¹Белкина Г.Л., Корсаков С.Н. И.Т. Фролов и становление отечественной биоэтики // Биоэтика и гуманитарная экспертиза. Вып. 2. М.: ИФ РАН, 2008. С. 18-54; Лопухин Ю.М. Биоэтика в России // Вестник Российской академии наук. 2001. Т. 71 (9). С. 771-774; Юдин Б.Г. Ю.М. Лопухин и развитие биоэтики в России // Вестник Российской академии медицинских наук. 2009. № 10. С. 49-53.

²Кубарь О.И. Роль России в истории и современном развитии этической концепции в биологии и медицине // Биоэтика: Федеральный научно-практический журнал. 2011. №1 (7). С. 15-17.

Что препятствовало появлению биоэтики в нашей стране в 1970-е или хотя бы 1980-е гг.? По-видимому, речь здесь может идти о целом ряде причин. Прежде всего, следует вспомнить о том, что уровень развития биомедицины, а также всего комплекса наук о жизни, в СССР в эти десятилетия серьезно отставал от западного, где не было ни «разгрома генетики», ни расцвета «лысенковщины». И хотя все эти формы идеологического диктата над биологическими и медицинскими науками исчерпали себя уже к середине 1950-х гг., культурные и интеллектуальные последствия их сказывались еще почти целое десятилетие и даже больше. Отечественные биологи и особенно генетики в 1950-е и 1960-е гг. совсем не желали того, чтобы кто-либо другой, кроме них самих, пытался ставить философские вопросы о биологии или морализировать по поводу развития научного знания как такового. В начале 1970-х гг. ведущий советский философ И.Т. Фролов вынужден был организовывать специальный круглый стол под эгидой редакции журнала «Вопросы философии»¹, чтобы показать и коллегам-философам, и ученым-биологам, что дискуссия о философских и социально-этических аспектах генетики человека может носить вполне приемлемый характер, без каких-либо намеков на диктат и контроль.

Несмотря на то, что такие приверженцы этического осмысления проблем биологии, как И.Т. Фролов, уже в начале 1970-х гг. пытались идти в том же направлении, что и их коллеги на Западе, со стороны советского научного сообщества они не встречали никакой поддержки своим стремлениями поддержать дискуссии такого плана на каком бы то ни было уровне. Первая серьезная книга об этических проблемах науки, в первую очередь генетики, в СССР вышла в

¹Генетика человека: ее философские и социально-этические проблемы. Круглый стол «Вопросов философии» // Вопросы философии. 1970. № 7. С. 106-115; № 8. С. 125-134.

свет лишь в 1986 г., т.е. спустя более 15 лет с момента проведения памятного круглого стола в редакции журнала «Вопросы философии»¹. В свою очередь, руководство советского государства с середины 1950-х гг. и вплоть до середины 1980-х гг. было целиком и полностью ориентировано на военно-техническое и научно-техническое соревнование с Западом, тогда как сотрудничество и даже простые формы кооперации считались неприемлемыми. Следует признать, что в этом был свой большой геополитический смысл, но все же именно по этой причине биоэтика в СССР с самого начала оказалась жертвой этой гонки вооружений и практически не имела шансов на развитие. Партийно-государственные круги, как и научная элита, придерживались мысли о том, что Советский Союз не имеет морального права уступать Западу ни в какой области научно-технического развития или даже ограничивать себя. Всякого рода этические рассуждения о перспективах генетики, биологии и медицины в этом смысле рассматривались как искусственное самоограничение, противоречащее коренным интересам страны. Лишь с приходом к власти М.С. Горбачева и началом его политики прекращения холодной войны с Западом появился шанс сначала для этики науки, а потом и непосредственно для биоэтики.

Развитию биоэтики в нашей стране долгое время препятствовал и тот факт, что как медико-биологическое сообщество, так философско-гуманитарные круги рассматривали биомедицинское знание и этику как обособленные друг от друга явления, что регулярно возвращало и тех, и других к мысли, что этика для генетики и биомедицины в целом не может быть ничем, кроме искусственного препятствия, ограничивающего свободу научного творчества. Как

¹Фролов И.Т., Юдин Б.Г. Этика науки: Проблемы и дискуссии. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009.

известно, в 1975 г. в г. Асиломаре состоялась знаменитая конференция, на которой ведущие представители американской генетики и генной инженерии впервые в истории добровольно установили мораторий на проведение некоторых экспериментов с рекомбинантной ДНК, которые в перспективе могут стать опасными для человека¹. Группа советских ученых, которые присутствовали на этой конференции, была сильно шокирована этим решением и не приняла активного участия в научных дискуссиях в Асиломаре. Кстати, за это советские участники конференции получили от американских журналистов прозвище «молчаливых ученых»².

Перелом во взаимоотношениях биомедицинского и философско-этического сообществ начался тогда, когда всем стало понятно, что модель противостояния совершенно устарела. Важный толчок этому дал проект «Геном человека», который начал реализовываться в США в 1992 г., но при этом сразу же стал международным проектом, в который были вовлечены ученые из разных стран, в том числе из России. Но еще до того, как этот проект был запущен, всем его потенциальным участникам стали видны очертания того нового знания, которое должно было вырасти на его основе. Речь идет о геномике – новой форме развития медицинской генетики, которая должна была опираться не технологию секвенирования всего генома человека.

Разработчики программы «Геном человека», в том числе знаменитый Джеймс Уотсон – один из тех, кто расшифровал в начале 1950-х гг. структуру молекулы ДНК, с самого начала настаивали на том, что геномика должна включать не только естественно-научные аспекты, но и социальные, правовые и этические приложения. Ина-

¹Berg P., Singer M.F. The Recombinant DNA Controversy: Twenty Years Later // Proceedings of the National Academy of Science. 1995. Vol. 92. P. 9011-9013.

²Белкина Г.Л., Корсаков С.Н. И.Т. Фролов и становление отечественной биоэтики. С. 27.

че говоря, геномика позиционировалась как наука, где генетика и этика должны были существовать рука об руку, как единая форма знания. Отголоском этого подхода стало появление в российской философской культуре такого терминологического кентавра, как «ген-этика», появившегося с легкой руки П.Д. Тищенко в середине 1990-х гг.¹ Впрочем, когда на рубеже 1980-х и 1990-х гг. российские генетики включились в программу «Геном человека»², мысль о единстве биологического и этического знания уже вполне была ими усвоена, а биоэтика как особая дисциплина уже сделала свои первые шаги в нашей стране.

Возможно, наряду с вовлечением отечественных генетиков в международный проект «Геном человека» наиболее важным для становления биоэтического движения в России стало активное сотрудничество группы московских философов во главе с И.Т. Фроловым с различными биоэтическими организациями Америки и Европы. С 1987 г. И.Т. Фролов начал активно контактировать с различными научными и общественно-политическими кругами во Франции, а через них вскоре установил прочные связи с ЮНЕСКО. В качестве подразделения ООН, курирующего вопросы культуры, науки и образования ЮНЕСКО обладала большими возможностями и традиционно весьма положительно воспринималась официальными советскими кругами. Именно через ЮНЕСКО и его сектор прав человека и мира между отечественной философской общественностью и Западом был установлен тот контакт, который привел к возможности экспорта в нашу страну идей западной биоэтики. В те самые месяцы, когда вопрос о судьбах СССР уже начинал вставать в полный рост перед различными общественно-политическими

¹Тищенко П.Д. Ген-этика // Человек. 1996. № 6. С. 67-76.

²Баев А.А. Ключи от шифра. О программе «Геном человека» // Человек. 1990. № 1. С. 13-19.

силами в нашей стране, И.Т. Фролов и его коллеги отчаянно пытались использовать все шансы для реализации своего культурно-интеллектуального проекта.

13-15 мая 1991 г. по инициативе И.Т. Фролова и возглавляемого им Всесоюзного межведомственного Центра наук о человеке в Москве было организовано международное совещание «Биоэтика и социально-правовые последствия биомедицинских исследований». Благодаря этой встрече ведущие представители отечественной философии и биомедицины смогли открыть для себя новый взгляд на развитие проблем биомедицины и уяснить значение биоэтики для их осмысления. Одним из итогов этой встречи стал первый в истории нашей страны курс по биоэтике, который прочитали на философском факультете МГУ осенью 1991 г. коллеги И.Т. Фролова по Институту философии – Б.Г. Юдин и А.П. Огурцов¹.

В конце 1980-х гг. группой И.Т. Фролова также велась большая работа по продвижению идей биоэтики в системе Академии наук СССР. В 1988 г. И.Т. Фролов выступил на заседании Президиума АН СССР, где говорил об отставании нашей страны в изучении социально-этических проблем биомедицины и о том, что необходимо наладить сотрудничество с западными, прежде всего, американскими коллегами, которые занимаются этими проблемами. И.Т. Фролов настаивали на необходимости создания специальных организационных структур, которые бы позволили поддержать научное и интеллектуальное сотрудничество с американцами². Эта работа проводилась в то же самое время, когда различные группы зарубежных энтузиастов биоэтики развернули деятельность по созда-

¹Корсаков С.Н., Тищенко П.Д. Краткий очерк научной и научно-организационной деятельности // <http://www.bioethics.ru/rus/library/id/461/>

²Фролов И.Т. Философские и социальные проблемы науки и техники // Вестник Академии Наук СССР. 1988. № 8. С. 20.

нию Международной ассоциации биоэтики. Она была образована в 1990 г., и, возможно, этот факт повлиял на то, что и в нашей стране в скором времени появилась первая структура, представляющая интересы биоэтики. Весь 1990 и 1991 г. И.Т. Фролов вел переговоры с руководством Академии наук с целью скорейшего создания этой структуры, и результат был достигнут. После очередных переговоров в апреле 1991 г. решением Президиума АН СССР был образован Советский национальный комитет по биоэтике. Его председателем был назначен философ И.Т. Фролов, а заместителем – видный представитель отечественной биомедицины А.А. Баев.

Однако Советский национальный комитет по биоэтике не успел начать свою работу в связи с начавшимся летом 1991 г. общественно-политическим кризисом, который в августе вылился в государственный переворот, а затем фактический роспуск коммунистической партии и быстрый демонтаж всей системы власти. В результате этих процессов произошел также и демонтаж Академии наук СССР и всех созданных ею структур и организаций. Тем не менее первый отечественный комитет по биоэтике, созданный И.Т. Фроловым и его коллегами, сумел пережить этот кризис. Уже в 1992 г. АН СССР была преобразована в Российскую академию наук, а 25 марта 1992 г. решением Отделения философии, социологии и права РАН был учрежден новый Российский национальный комитет по биоэтике. Его сопредседателями стали академики И.Т. Фролов и А.А. Баев, а в состав вошли видные российские ученые, медики и философы. В частности, в бюро комитета вошел философ Б.Г. Юдин – наиболее близкий соратник И.Т. Фролова, его соавтор и, по сути дела, духовный преемник.

С самого начала своего существования Российский национальный комитет по биоэтике развернул бурную деятельность, как организационную, так и образовательно-просветительскую. В августе

1993 г. ученые, представлявшие комитет, приняли участие в очередном Всемирном философском конгрессе, который проходил в Москве, где они участвовали в работе секции биоэтики. Спустя всего несколько дней после окончания Конгресса Российский национальный комитет по биоэтике получил статус комитета по биоэтике Комиссии Российской Федерации по делам ЮНЕСКО. Этим решением российское биоэтическое движение получило международное признание и новый статус.

Сразу вслед за этими событиями биоэтическое движение в России шагнуло в сферу публичного и научно-образовательного дискурса. В стране стали проводиться конференции по проблемам биоэтики, а члены Российского национального комитета стали регулярно выступать в российских и зарубежных масс-медиа с сообщениями о вопросах биоэтики. В июле 1993 г. Министерство здравоохранения Российской Федерации поручило ученым Комитета разработать учебную программу курса «Биомедицинская этика», а совещание проректоров медицинских вузов России пришло к выводу о необходимости начала преподавания этого курса в качестве гуманитарной дисциплины для студентов-медиков.

Эти события дали бурный толчок публикационной деятельности. С 1993 г. стали появляться многочисленные лекционные курсы, учебные пособия и учебники, а также журнальные публикации. Важную роль стал играть издаваемый Б.Г. Юдиным журнал «Человек», который появился еще в 1990 г. На его страницах с самого начала стали выходить важные статьи по проблемам биоэтики. Примечательно, что в самом первом номере журнала вышла статья академика А.А. Баева о проекте «Геном человека»¹. Между тем, хотя

¹Баев А.А. Ключи от шифра. О программе «Геном человека» // Человек. 1990. № 1. С. 13-19.

число публикаций по биоэтике в России с начала 1990-х гг. росло постоянно, специализированный журнал по биоэтике появился довольно поздно. Примером такого издания следует назвать журнал «Биоэтика», который стал печататься в 2007 г. на базе Волгоградского государственного медицинского университета.

После смерти И.Т. Фролова в 1999 г. его наследником в философских кругах России, бесспорно, стал Б.Г. Юдин, который к этому моменту занимался не только журналом «Человек», но и делами созданного И.Т. Фроловым Института человека РАН, базирующегося в стенах Института философии РАН, работой по линии ЮНЕСКО, а также чтением лекционных курсов в ряде московских университетов и работой в многочисленных конференциях. Свой путь в биоэтику Б.Г. Юдин недавно поведал сам¹, а его 70-летний юбилей в 2013 г. дал повод коллегам и ученикам Б.Г. Юдина заново осмыслить роль Бориса Григорьевича в истории биоэтического движения в нашей стране².

Работая многие годы с И.Т. Фроловым, Б.Г. Юдин и после ухода из жизни своего старшего товарища традиционно большое внимание уделял биоэтическому просвещению. С его легкой руки на русский язык были переведены многочисленные документы международных организаций по проблемам биоэтики, декларации, аналитические отчеты и т.п.³.

Особенно важным, на наш взгляд, стал выход в свет в 1996 г. учебника «Введение в биоэтику», где Б.Г. Юдин со своим коллегой

¹Юдин Б.Г. «К биоэтике я шел непростым путем» // Знание, понимание, умение. 2006. № 1. С. 92-100.

²Гуманитарные ориентиры научного познания: сб. статей. К 70-летию Бориса Григорьевича Юдина / отв. ред. П.Д. Тищенко. М.: Навигатор, 2014.

³См.: Аналитические материалы по проекту Анализ нормативно-правовой базы в области прав человека в контексте биомедицинских исследований и выработка рекомендаций по ее усовершенствованию» / гл. ред. Б.Г. Юдин. М.: Изд-во Моск. гуманит. ун-та, 2007.

по Институту философии и соавтором П.Д. Тищенко выступили в роли редакторов¹.

Работа творческой связки Б.Г. Юдин – П.Д. Тищенко, как представляется, стала одним из ключевых эпизодов в истории биоэтического движения в России. Два этих московских философа сумели вместе сделать едва ли не больше, чем все остальные представители российской биоэтики за последние двадцать лет. Разумеется, это некоторое преувеличение, однако вклад каждого из них, как и плоды их совместной работы, еще долгое время будут сказываться на работе тех российских исследователей, которые пришли в биоэтику уже в XXI в. Совместная работа Б.Г. Юдина и П.Д. Тищенко – это новый этап биоэтического движения в России, начавшийся приблизительно с середины 1990-х гг., когда были решены основные организационные задачи начала 1990-х.

Павел Дмитриевич Тищенко, медик по образованию и философ по роду профессиональной деятельности, при поддержке Б.Г. Юдина возглавил сектор биоэтики в стенах Института философии РАН – основного центра философской жизни нашей страны на протяжении многих десятилетий. В 2002 г. им была защищена одна из первых в России докторских диссертаций по философским проблемам биоэтического характера, а сама диссертация стала развитием его идей, впервые изложенных в монографии «Биовласть в эпоху биотехнологий»². В этой работе П.Д. Тищенко фактически сформулировал философский взгляд на биоэтику *из России*, взгляд, отличающийся своеобразием и стремлением толковать биоэтику именно философски, а не с иных позиций. Дальнейшим развитием этого

¹Введение в биоэтику: учеб. пособие / отв. ред. Б.Г. Юдин, П.Д. Тищенко. М.: Прогресс-Традиция, 1998.

²Тищенко П.Д. Биовласть в эпоху биотехнологий. М.: ИФ РАН, 2001.

взгляда стала его книга 2011 г., где автор продолжил свои философские исследования оснований биоэтики¹.

Философская позиция П.Д. Тищенко во многом выросла из усвоения и переосмысления им идей немецкого философа и социолога Ю. Хабермаса, от которого П.Д. Тищенко усвоил мысль о постметафизической ситуации, в которой находится современная философия². Философия больше не говорит от имени истины и не способна занимать позицию судьи. У Хабермаса такая постметафизическая философия называется «непритязательной». Современная философия ищет и находит свои основания не в глубине явлений, а на границе с другими формами опыта, в том числе такими, как опыт страдания, жизни, смерти, медицинского вмешательства и т.д. Для П.Д. Тищенко философия с неизбежностью предполагает философский взгляд на все те проблемы, которыми сегодня занимается биоэтика. Философия, по его мнению, пребывает в ситуации «другого модерна», т.е. особой культурной ситуации, где наука и новые технологии порождают все новые риски, наука все больше коммерциализируется, а решения этического порядка не способна принять ни одна из инстанций в отдельности, и поэтому этическую рефлексию призваны осуществлять этические комитеты, состоящие не только из профессионалов, но и обычных людей – профанов.

Определив особенность современного стиля философствования, П.Д. Тищенко много внимания уделяет философскому исследованию биоэтики как особому культурному проекту. По его мысли, биоэтика – это продукт эпохи развития биотехнологий, но при этом

¹Тищенко П.Д. На гранях жизни и смерти: философские исследования оснований биоэтики. СПб.: Мир, 2011.

²Тищенко П.Д. Новейшие биомедицинские технологии: философско-антропологический анализ (Анализ идей либеральной евгеники Ю. Хабермасом) // Вызов познанию: Стратегии развития науки в современном мире. М.: Наука, 2004. С.309-332.

это одно из важнейших средств защиты человеческой индивидуальности. Дело в том, что вопрос о сущности человека, о природе человека, по мысли П.Д. Тищенко, больше не является чисто умозрительным и философским. С момента появления трансплантологии, технологий реанимации и продления жизни, искусственного зачатия в пробирке и т.д. человеческая природа становится открытой самым разным техническим манипуляциям. Целостность человеческого организма, начало и конец человеческой жизни, границы между своим и чужим - все это становится проблемой в самом прямом смысле слова. Технологии позволяют изменять человеческую природу почти любым образом, и это становится источником растущей взволнованности в обществе, побуждает людей искать ответы на вопросы о себе и своей жизни в условиях растущей мощи биотехнологий.

По этой причине П.Д. Тищенко рассматривает биоэтику как своеобразный культурный ответ на вызов биотехнологий, как форму культурной реакции на растущую мощь био-власти. Но при этом биоэтика есть также и составная часть биовласти. Через систему биоэтических комитетов философско-этическая мысль входит в само тело современной науки, является частью общего хора, или, по П.Д. Тищенко, частью «анатомического театра республики»¹. Как и в анатомическом театре эпохи Возрождения, ученые заинтересованы в том, чтобы продемонстрировать публике результаты своих исследований. Но на этот раз речь идет не о вскрытии мертвых тел, а о демонстрации продуктов биотехнологических разработок. Современные ученые – генетики, биоинженеры и прочие – обращаются к публике так же, как это делают актеры. Они используют театрализованные приемы, пиар, психологический шарм. Но поскольку пло-

¹Тищенко П.Д. Биовласть в эпоху биотехнологий. С. 167.

ды их экспериментов могут оказаться опасными для жизни и здоровья людей, то им сразу же дается и моральная оценка, проводится этический анализ. Наука и этика соединяются в одно целое. Морализация по поводу биотехнологий важна, и ей занимаются как сами ученые, так и публика. Все связано. Такова ситуация в науке и неотделимой от нее биоэтике на Западе.

П.Д. Тищенко в своих работах сумел поставить диагноз биоэтическому движению в России на его современном этапе. По его мнению, оно продолжает еще находиться в зачаточном состоянии, хотя уже проделана большая работа. «Трудности экологического и биоэтического движений в России парадоксальным образом сочетаются с практическим отсутствием оппонированных аргументаций. Все согласны с рациональными доводами о необходимости защиты природы и прав пациентов. При этом большинство граждан, промышленников и политиков в реальной жизни поступают так, как если бы все это их не касалось... В жизни доминирует технократический настрой предшествующей эпохи». Продолжая свою мысль, Тищенко также пишет: «Ни в царской России, ни в СССР моральная философия интересом не пользовалась, а следовательно, отсутствовал опыт рационального анализа и обсуждения жизненных ситуаций. Поэтому когда врач или профан (например, журналист) нуждается в публичной аргументации своей позиции, он чисто ритуально ссылается либо на Гиппократов, хотя большая часть вообще не знает, о чем в Клятве идет речь, или на Библию, опять же будучи весьма далеким от любой формы христианской жизни. Ритуалы моральной аргументации, к примеру, с использованием доктрины прав человека, в наших публичных дискуссиях практически отсутствуют – исторически еще не сформированы. Поэтому, когда эксперт «биоэтик» свидетельствует, ссылаясь на принцип уважения ав-

тономии пациента или правило добровольного информированного согласия, его свидетельства слишком часто «неслышны» отечественной публикой»¹.

С наступлением второго десятилетия XXI в. история биоэтического движения в России продолжается. Как академическое явление биоэтика ограничена в основном стенами медицинских вузов и, очень редко, университетскими аудиториями философских факультетов. Как форма социальной практики биоэтика находится почти на том же самом месте, на каком оно было в самом начале 1990-х гг. Это позволяет считать, что направление, в котором движется биоэтика в России, все еще не определено. Возможно, новые инициативы в области развития новых моделей медицины, а также появление новых форм биомедицинских технологий будут способствовать тому, что биоэтическая мысль обретет у нас большую значимость, и дело все же сдвинется с мертвой точки.

¹Тищенко П.Д. Биовласть в эпоху биотехнологий. С. 173-174.

6. ТРАНСГУМАНИЗМ: НОВАЯ ПОВЕСТКА ДНЯ ДЛЯ БИОЭТИКИ

В январе 2001 г. очередным президентом США стал Джордж Буш-младший, который сменил президента от демократической партии Билла Клинтона. Как представитель от республиканской партии, Буш-младший провозгласил курс на укрепление консервативной линии во внутренней жизни страны, а во внешней политике повел себя как политик, ориентированный на агрессивные действия и повсеместное продвижение национальных интересов Америки. После серии террористических актов 11 сентября 2001 г. президент Буш объявил «крестовый поход» против международного терроризма и бросил все свои силы на афганскую, а затем и иракскую авантюру.

Несмотря на формальный разрыв с линией, проводимой предыдущей президентской администрацией, Буш развил многие инициативы, которые были связаны с именем Клинтона. В том числе он высказался за то, чтобы при администрации президента существовал некий консультативный орган по вопросам биоэтики, способный давать оценку новейшим тенденциям в развитии биомедицины и биотехнологий. В ноябре 2001 г. Буш своим решением назначил Президентский совет по биоэтике (President's Council on Bioethics). В состав Совета были введены 18 человек из числа докторов медицины, юристов, биологов, философов и журналистов. Все они представляли круги, идейно близкие президенту-республиканцу. Председателем Совета

был назначен профессор Чикагского университета Леон Красс, имевший две докторские степени – по медицине и философии.

Вряд ли стоит считать, что политика Буша оказала какое-либо влияние на работу его Совета по биоэтике. Однако именно в период первого президентского срока Буша-младшего, когда был провозглашен курс на безусловное утверждение американской всемирной гегемонии, Советом были опубликованы доклады по наиболее драматическим вопросам биоэтической мысли. В июле 2002 г. Совет опубликовал свой первый доклад, который был посвящен проблеме клонирования человека – «Клонирование человека и человеческое достоинство: этическое исследование»¹. В октябре 2003 г. был подготовлен к печати доклад об использовании биотехнологий для улучшения человеческой природы «По ту сторону терапии: биотехнологии и погоня за счастьем»². В январе 2004 г. появился доклад о текущем положении дел в области исследований стволовых клеток «Мониторинг исследований стволовых клеток»³, а в марте того же года был опубликован доклад о новых репродуктивных технологиях «Репродукция и ответственность: контроль над новыми биотехнологиями»⁴. В мае 2005 г. был напечатан доклад «Альтернативные источники плюрипотентных стволовых клеток человека», давший оценку новейших направлений в клеточной медицине⁵. В сентябре 2006 г. вышел в свет доклад по проблемам помощи пожилым людям «Предоставляя заботу: этический уход в нашем стареющем обществе»⁶.

¹Human Cloning and Human Dignity: An Ethical Inquiry. Washington, DC, 2002.

²Beyond Therapy: Biotechnology and the Pursuit of Happiness. Washington, DC, 2003.

³Monitoring Stem Cell Research. Washington, DC, 2004.

⁴Reproduction and Responsibility: The Regulation of New Biotechnologies. Washington, DC, 2004.

⁵Alternative Sources of Human Pluripotent Stem Cells: A White Paper. Washington, DC, 2005.

⁶Taking Care: Ethical Caregiving in Our Aging Society. Washington, DC, 2005.

Обрисованные в этих шести докладах вопросы касались наиболее интенсивно развивавшихся на рубеже веков направлений биомедицины – генной инженерии, клеточной медицины, вспомогательных репродуктивных технологий, нейрофармакологии, но в целом их объединял один главный вопрос – об этических проблемах, возникающих в связи растущими возможностями управления человеческой природой посредством биомедицинских технологий. Возможно, в наиболее сконцентрированном виде этот вопрос был представлен во втором докладе «По ту сторону терапии».

Доклад «По ту сторону терапии», объемом свыше 350 страниц, включал 6 разделов. В первом из них обозначался общий круг вопросов, касающийся возможностей современных биотехнологий по улучшению человеческой жизни и самой человеческой природы. Центральным из таких вопросов оказывался вопрос о тонкостях смыслового различия между двумя возможными способами использования новых технологий - терапией (лечением) и улучшением человека.

Второй раздел доклада был посвящен вопросу об улучшении детей и по своему содержанию распадался на три подраздела. В первом из них авторы вели речь о том, как генетика и генные технологии позволяют улучшать действующие природные силы. В частности, указывалось, что к началу XXI в. развитие современных методов генетики позволило добиваться появления улучшенных детей тремя способами – через пренатальную диагностику и скрининг, позволяющие выявлять у зародышей в материнской утробе те или иные наследственные заболевания и на основе этого принимать решения о последующих вмешательствах – прерывании беременности или будущем лечении детей; через генную инженерию и конструирование желаемых генетических черт у будущих детей на этапе за-

чатия в пробирке; через отбор эмбрионов с желаемыми чертами на этапе предимплантационной диагностики эмбрионов. Далее речь шла об этическом аспекте применения технологий, позволяющих устанавливать пол будущего ребенка на этапе его эмбрионального развития. Наконец, авторы переходили к вопросу об использовании психотропных препаратов для улучшения поведения детей и медиализации нравственного воспитания в целом.

В третьем разделе доклада обсуждался вопрос об этике применения технологий, позволяющих улучшать производительность человеческого тела. В связи с этим основное внимание обращалось на целесообразность и оправданность применения различных технических средств, методик и химических препаратов для подготовки более совершенных спортсменов, в особенности развития мышечных способностей, обеспечивающих силу, быстроту и другие атлетические показатели. Особое внимание уделялось тому, как следует воспринимать успехи этих атлетов в свете приверженности общества идеалам равенства и справедливости, а также различным побочным эффектам от применения «спортивной химии» и т.п.

Четвертый раздел доклада был сосредоточен на технологиях, обеспечивающих замедление процессов старения, связанных с улучшением как мышечных способностей, так и способностей памяти. Специальное внимание уделялось таким способам замедления старения, как ограничение калорий, генетические манипуляции, профилактика вредного воздействия оксидантов, а также гормональной терапии и исследованиям теломеров.

В пятом разделе доклада речь шла о технологиях, обеспечивающих «душевное счастье». С одной стороны, это фармакологические технологии для улучшения памяти, с другой – технологии для

улучшения настроения, возникшие в рамках работы по избавлению от депрессивных состояний.

Шестой раздел доклада вновь возвращался к общему кругу вопросов, связанных с технологиями улучшения человеческой природы, возникшими в результате выхода «за пределы» их терапевтического применения. Здесь авторы обращались к трем основным вопросам. Во-первых, о том, как их применение может повлиять на наши представления о здоровье и безопасности тела, о справедливости, о равенстве в доступе к этим технологиям, о применении их ради освобождения человека и ради принуждения. Во-вторых, о том, как их использование способно изменить наши представления о гордыне и смирении, о человеческом достоинстве, об идентичности и индивидуальности, о целях существования и нашем процветании. В-третьих, о том, как эти биотехнологии будут вероятнее всего «встроены» в американское общество, став объектом коммерции, контроля и производства, повлияв на цели медицины завтрашнего дня и оказав радикальное воздействие на сами американские идеалы.

Публикация доклада оказала большое влияние на содержание биоэтических исследований в первое десятилетие XXI в., как в самих США, так и за их пределами. Одним из примеров влияния доклада «По ту сторону терапии» стало появление книги профессора политической экономики университета имени Джонса Хопкинса Френсиса Фукуямы «Наше постчеловеческое будущее»¹, которая впервые вышла в свет в 2002 г., когда Фукуяма участвовал в его подготовке к публикации в составе Президентского совета по биоэтике, в котором он работал с 2001 по 2004 г.

¹Фукуяма Ф. Наше постчеловеческое будущее: Последствия биотехнологической революции. М.: Аст, 2004.

Френсис Фукуяма – американец японского происхождения (в третьем поколении), который вырос вне рамок японской культуры и никогда не знал японского языка. С самого детства это был прилежный ученик, впитавший в себя все прелести американского социально-гуманитарного образования. По окончании университета он связал свою жизнь с политическими науками, а свои политические пристрастия – с американскими консерваторами. Его головокружительный успех был связан с появлением небольшой статьи «Конец истории?» (1989), которая вышла в свет за пять месяцев до падения Берлинской стены и последующего за этим распада Восточного блока и краха Советского Союза. Желая развить высказанные в ней мысли, Фукуяма вскоре опубликовал свою первую большую книгу «Конец истории и последний человек», в которой он с философских позиций объяснил причины исторического триумфа Запада и объявил о торжестве либеральной демократии, вслед за которым большая часть человечества должна была перейти из исторического состояния в постисторическое¹. В 1999 г. Фукуяма опубликовал «Великий разрыв» - книгу, в которой он попытался осмыслить вопрос о драматическом переходе из истории в постисторию, о роли семьи, государства и общественных институтов, расположившихся между ними, о том, насколько велика роль доверия для утверждения капитализма и либеральных политических режимов, а также о том, как отношения доверия вписаны в культуры стран Запада и Востока².

После выхода в свет книги «Великий разрыв» Фукуяма еще больше сблизился с американской политической элитой, и это привело его в лагерь пришедшего к власти президента-республиканца Буша-младшего. Именно при Буше Фукуяма был назначен для рабо-

¹Фукуяма Ф. Конец истории и последний человек. М.: Аст, 2004.

²Фукуяма Ф. Великий разлом. М.: Аст, 2008.

ты в Президентском совете по биоэтике и оставался в нем до 2004 г., когда порвал с Бушем и республиканцами и разочаровался в американской внешней политике в Ираке. Уйдя от республиканцев, Фукуяма как политический мыслитель, активно обсуждающий вопросы культурного развития, серьезно пересмотрел свои взгляды, касающиеся «конца истории» и всемирного торжества либерализма. Возможно, некоторые перемены в его мышлении произошли тогда, когда он работал над своей книгой о постчеловеческом будущем, которая стала итогом его личных размышлений над тем, что нас еще может ожидать после окончания традиционной истории. Отчасти об этом можно судить по его словам, которыми заканчивается эта книга.

«Мы не обязаны принимать любое будущее ради фальшивого знамени свободы, будь то свобода ничем не ограниченного размножения или свобода беспрепятственного научного исследования». Мы не обязаны считать себя рабами неизбежного технологического прогресса, если этот прогресс не служит человеческим целям. Истинная свобода означает свободу политической общественности защищать ценности, которые ей всего дороже, и именно этой свободой мы должны воспользоваться сегодня по отношению к биотехнологической революции»¹.

Как политический философ Фукуяма сосредоточил свое внимание не на этических проблемах, связанных с распространением современных биотехнологий, а на политических последствиях их распространения. По его мысли, новейшие биотехнологии потенциально несут в себе целый букет угроз, но эти угрозы малозаметны для неспециалистов. В этом отличие биотехнологий от технологий военных, от ядерного оружия и оружия биологического. Опасность биотехнологий заключается в том, что они могут серьезно изменить

¹Фукуяма Ф. Наше постчеловеческое будущее. С. 308.

образ жизни людей и даже саму человеческую природу. Чтобы этого не произошло, человечеству в самое ближайшее время придется решать вопрос о том, как поставить биотехнологии под контроль. Между тем, как напоминает Фукуяма, в развитых странах с их либерально-демократическими режимами подавляющее большинство людей не согласны с тем, чтобы государство регулировало их жизнь и вмешивалось в частные сферы. Тем самым существует опасность того, что биотехнологии вырвутся из-под контроля и радикально повлияют на наше будущее.

В своей книге он сфокусировался на четырех основных биотехнологических инновациях – геномике, предоставившей новые знания о генетических основаниях человеческого поведения, нейрофармакологии, связанной с разработкой нового поколения лекарств, способных модифицировать поведение человека, клеточной медицине, опирающейся на исследования со стволовыми клетками и несущей в себе серьезные возможности для продления человеческой жизни, и генной инженерии, во многом ориентированной на то, чтобы производить «младенцев на заказ». Внимательно анализируя каждую из этих биотехнологий, Фукуяма обозначил широкий комплекс этических, социальных и политических проблем, которые принесет их применение в перспективе ближайших 30-50 лет. По его мнению, мир к 2050 году может радикально перемениться, если уже сегодня не начать создавать новые политические институты на национальном и международном уровне, регламентирующие использование биотехнологий.

Согласно Фукуяме, все современные моральные и политические представления людей исходят из старого аристотелевского тезиса о единстве человеческой природы. Единство человеческой природы – это не иллюзия, а реальный факт, подтвержденный ис-

следованиями биологов в XX веке. С представлениями о единстве и универсальности природы людей связаны и все наши идеалы – представления о естественном равенстве, естественной справедливости и т.п. Однако что произойдет, если биотехнологии позволят изменить человеческую природу? Если одни люди станут рождаться «с седлом на спине», а другие «со шпорами на ногах»¹, чтобы поведовать первыми? Какие еще формы неравенства смогут появиться в самом ближайшем будущем, если технологии станут способны по чьему-то произволу вмешиваться в генетический код человека или менять его поведение с помощью новых препаратов?

Вопросы, поставленные Фукуямой в его книге, превратились в предостережения. Будущий «дивный новый мир», в котором человеческая природа сможет оказаться иной по сравнению с тем, чем она была многие тысячелетия до этого, показался Фукуяме очень опасным. Этот «дивный новый мир», предсказанный когда-то Олдосом Хаксли, легко может оказаться постчеловеческим миром без традиционных людей, миром «моральной пропасти, которую подобное будущее перед нами откроет»².

В те годы, когда Фукуяма еще только подступался к своему алармистскому исследованию о роли биотехнологий в возможной трансформации человеческой природы, на его родине в США и отчасти за их пределами уже начала набирать силу новая идеология, получившая название трансгуманизма. В организационном плане идеология трансгуманизма была связана с трансгуманистическим движением, которое сформировалось как раз на рубеже двух тысячелетий. В 1998 г. по инициативе британского философа шведского

¹ Фукуяма Ф. Наше постчеловеческое будущее. С.22.

² Там же.

происхождения Ника Бострома группа энтузиастов объявила о создании Всемирной Трансгуманистической Ассоциации (WTA, после 2008 г. – общественная неправительственная организация Humanity Plus), которая провозгласила своей главной целью поддержку всех исследований, связанных с усилением интеллекта человека, развитием его тела и улучшением качества жизни. WTA была создана как типичная сетевая организация Интернет-пользователей, которые были подписаны на рассылку новостей сайта «Трансгуманизм». Члены WTA периодически собирались на различных конференциях, в которых тон задавала группа Бострома, включающая Дэвида Пирса, Джеймса Хьюза и Джеймса Мартина. К 2003 г. ядро WTA включало 547 человек, идентифицирующих себя как трансгуманисты. Первоначально большую часть из них составляли граждане США, но уже к 2005 г. 56% представителей WTA были представителями других стран. Согласно данным опросов, проведенных дирекцией WTA, наиболее важными темами для трансгуманистов были улучшение человека, гуманизм, технооптимизм, человеческая личность и репродуктивные права. Члены WTA нередко являлись участниками других общественных организаций или Интернет-групп, таких, как, например, Институт экстропии, Институт бессмертия, Фонд продления жизни, Организации защиты прав женщин, Трансгуманистическая студенческая сеть и др. Суть трансгуманистической идеологии лучше всего выражалась с помощью лозунгов, которые получили широкую известность благодаря усилиям активистов WTA: «Лучший способ предсказать будущее – помочь создать его», «Эволюционируй!», «Человек по рождению, Трансчеловек по личному выбору», «Улучшать жизнь с помощью науки и технологий», «Тело – всего лишь один из черновиков»¹.

¹Hughes J.J. Report on the 2005 Interests and Beliefs Survey of the Members of the World Transhumanist Association. WTA, 2005.

В то время как Фукуяма представил свой политико-философский текст об опасностях биотехнологий ввиду возможностей соскальзывания человечества в «моральную пропасть» транс-человеческого мира, активисты ВТА связывали свои надежды на лучшее будущее именно с транслюдьюми и трансгуманизмом. Важную роль в этом Ник Бостром и его единомышленники в этом процессе отводили не только все новым и новым технологиям (emerging technologies), но различным общественным организациям, партиям и институтам. В 2004 г. Бостром вместе с философом-биоэтиком Хьюзом создали Институт этики и новых технологий (Institute for Ethics and Emerging Technologies), который был ассоциирован как с ВТА, так и с философскими кругами Оксфордского университета, где на постоянной основе работал Бостром. В 2005 г. при поддержке Мартина Бостром организовал Институт будущего человечества в Оксфорде, поставив перед институтом в качестве его директора задачу изучения влияния технологий на жизнь человека и возможности глобальной катастрофы в будущем. Как один из идейных лидеров трансгуманизма Бостром сосредоточился на пропаганде новой идеологии и, широко используя университетскую кафедру и другие возможности, сосредоточился на выступлениях по таким темам, как клонирование, искусственный интеллект, загрузка сознания в компьютерную сеть, крионика, нанотехнологии и моделируемая реальность. Основным рупором трансгуманизма стал электронный «Журнал эволюции и технологии», который стал издаваться Бостромом в 1998 г. под эгидой ВТА. В 2004 г. журнал перебрался под зонтик Института этики и новых технологий, где его главным редактором после Бострома стал Хьюз.

Всякая философская концепция и тем более идеология обычно обращается к поиску своих идейных истоков. Не стал исключением

и трансгуманизм. В 2005 г. Ник Бостром опубликовал статью об истории трансгуманистической мысли, в которой указал, что ее культурные и философские предшественники восходят еще к временам шумерского «Эпоса о Гильгамеше», а также древнекитайским и древнегреческим философским размышлениям о людях, искавших эликсир вечной юности и осмелившихся бросить вызов богам. Более поздними предшественниками трансгуманизма Бостром назвал литературно-философские сочинения британских ученых первой половины XX в., таких как биохимик Джон Холдейн и физик Джон Демонд Бернал, а также научную фантастику в лице Олдоса Хаксли и тоталитаризм XX века. Основными предшественниками современного трансгуманизма, по мысли Бострома, следует считать тех технологических гениев второй половины и конца XX в., которые прорабатывали философские проблемы, касающиеся искусственного интеллекта, сингулярности, нанотехнологий и загрузки сознания. Важный импульс развитию трансгуманистического мышления придали интеллектуалы, не связанные напрямую с академическими кругами. Среди них – американский писатель Роберт Эттингер, автор книги «Перспективы бессмертия» (1962) и основатель первого в мире Института крионики (1976), предназначенного для глубокой заморозки человеческих тел с целью ожидания того момента, пока наука сможет найти более эффективные средства для борьбы с болезнями и достижения долгожительства. Кроме того, американский писатель-фантаст иранского происхождения Ферейдун Эсфендиари, взявший себе псевдоним FM-2030, описавший в своих работах процессы перехода от человеческого состояния к постчеловеческому через трансчеловеческую стадию. По мнению Бострома, основными трансгуманистическими работами FM-2030 являются «Вставшие на крыло: футуристический манифест» (1973) и «Трансчеловек ли

Вы?» (1989). В число важных предтеч новейшего трансгуманизма Бостром также включил Макса Мора и Томаса Морроу, начавших в 1988 г. издавать «Журнал экстропии» и создавших в 1992 г. Институт экстропии. Сюда же были отнесены многочисленные писатели-футурологи, обсуждавшие последние несколько десятилетий проблемы освоения космоса, робототехники, компьютерных сетей и т.д., и, разумеется, созданная при участии самого Бострома ВТА.

Академическое крыло современной трансгуманистической мысли Бостром связал с некоторыми философскими течениями и отдельными авторами, анализирующими проблемы этики научных исследований, инженерной этики, компьютерной этики, экологической этики и биоэтики. Предлагаемый им обзор, хотя и отличается несомненной тенденциозностью, тем не менее позволяет усмотреть действительно существующую связь между трансгуманистической философией, представленной самими Бостромом и его единомышленниками, и отдельными представителями биоэтики, которые обсуждают вопрос о приемлемости использования биомедицинских технологий не только для лечения, но и для улучшения человека. Особый интерес в предлагаемой Бостромом реконструкции истории трансгуманистической мысли занимают его рассуждения о новой форме политике – трансгуманистической биополитике, которую он считает дополнением социал-демократической экономической политики и либеральной культурной политики. Трансгуманистическая биополитика, по его мысли, уже формируется и станет подлинно успешной, когда мы достигнем того уровня, когда новые технологии улучшения человека станут абсолютно безопасными. Размышляя о такой биополитике, Бостром вступает в спор с Фукуямой, которого называет одним из самых влиятельных современных кон-

сервативных биополитиков, «биоконсерватором», и заявляет, что его страхи по поводу трансчеловеческого будущего необоснованны¹.

Обзор истории трансгуманистической мысли у Бострома завершается «Трансгуманистической декларацией», включающей семь пунктов. В первом из них утверждается, что в будущем человеческая природа изменится благодаря технологиям. «Мы предвидим возможность переделки человеческого состояния, имея в виду такие параметры, как неизбежность старения, пределы человеческого и искусственного интеллекта, неизбираемость нашей психологии, страдания и нашу привязанность к планете Земля». Во втором говорится о важности осмысления надвигающихся перемен и их долгосрочных последствий. В третьем идет речь об открытости трансгуманистической мысли новым технологиям и необходимости их использования ради нашей пользы, а не запрещения их развития. Далее утверждается, что трансгуманистическая мысль призвана защищать моральное право тех, кто желает использовать новые технологии для улучшения своих психических и физических, в том числе репродуктивных, возможностей, что позволяет «выйти за наши нынешние биологические пределы». В пятом пункте Декларации говорится о важности продуманного планирования будущего, позволяющего использовать новые технологии в интересах человека, но не для разрушительных целей и не для войны. Кроме того, «нам необходимо создать переговорные площадки, где люди смогут рационально обсуждать, что же необходимо делать, и такой социальный порядок, где могли бы приниматься ответственные решения». Наконец, утверждается, что «трансгуманизм защищает все то, что наделено чувствительностью (будь то искусственный интеллект,

¹Bostrom N. A History of Transhumanist Thought // Journal of Evolution and Technology. 2005. Vol. 14 (1). P. 1-25.

человек, постчеловек или нечеловекообразные животные) и включает много принципов современного гуманизма. Трансгуманизм не поддерживает никакие партии, политиков или политические платформы»¹.

Идеология трансгуманизма на рубеже двух тысячелетий стала быстро распространяться за пределы англоязычных стран и проникла в Россию. В 2000 г. в нашей стране появилось собственное Российское трансгуманистическое движение (РТД), которое было связано с именем Дмитрия Рязанова, создавшего сайт «Бессмертие», который стал Интернет-ресурсом по проблемам иммортализма. В 2002 г. Данила Медведев начал активно переводить и выкладывать в российском сегменте Интернета материалы, публикуемые Всемирной Трансгуманистической Ассоциации. В 2005 г. в Москве был проведен первый междисциплинарный семинар по трансгуманизму и иммортализму, инициаторы которого настаивали на существовании у российских трансгуманистов собственных идейных предшественников в лице Николая Федорова, Константина Циолковского и других русских философов-космистов. В том же году этот семинар был зарегистрирован как первичная ячейка Российского Философского Общества при Российской Академии Наук. В 2004 г. на VII Международном философско-культурологическом конгрессе, состоявшемся в Санкт-Петербурге, биофизик Игорь Артюхов, один из ведущих российских трансгуманистов и одновременно научный директор компании «КриоРус», сделал доклад об истории трансгуманизма в России, подготовленный в те же самые времена, который стал своеобразным аналогом статьи Бострома. Через несколько лет доклад Артюхова был опубликован в качестве отдельной статьи в

¹Bostrom N. A History of Transhumanist Thought. P. 20.

сборнике «Новые технологии и продолжение эволюции человека?», который стал одной из первых влиятельных книг российских трансгуманистов¹.

Образование РТД включало также принятие собственного Манифеста и Устава. В Манифесте российских трансгуманистов зафиксированы следующее определение: «Трансгуманизм – это новое гуманистическое мировоззрение, которое утверждает не только ценность отдельной человеческой жизни, но и возможность и желательность – с помощью науки и современных технологий – безграничного развития личности, выхода за считающиеся сейчас «естественными» пределы человеческих возможностей». Цели российских трансгуманистов, зафиксированные в Манифесте, просты – распространение трансгуманистических идей, содействие развитию новых безопасных технологий, касающихся «трансгуманистических и имморталистских аспектов человеческого бытия», консолидация усилий своих сторонников. Весьма патетически звучит финальная часть Манифеста: «Мы, члены Российского Трансгуманистического Движения, считаем, что скорость изменений в мире и потенциальная опасность неуправляемого развития сверхтехнологий таковы, что каждый должен дать себе отчет: или мы будем бездействовать – и человечество погибнет, или мы вместе построим прекрасное будущее. В том числе и для себя»².

Как и в случае с англо-американским трансгуманизмом, российское движение энтузиастов трансгуманизма сплотилось вокруг небольшого ядра активистов. В рамках РТД таковым стал Коорди-

¹Новые технологии и продолжение эволюции человека? Трансгуманистический проект будущего / ред. В. Прайд и В.А. Кортаев. М.: ЛКИ, 2008.

²Манифест Российского Трансгуманистического Движения // <http://transhumanism-russia.ru/content/view/10/8/>

национальный совет¹ в составе Валерии Прайд (Удаловой) и Данилы Медведева – писателей-футурологов и успешных предпринимателей в одном лице. Тандем Прайд и Медведев смог вложить в российский трансгуманизм не только идейные, но и материальные ресурсы, в том числе от деятельности кампании «КриоРус» (создана в мае 2005 г.) с целью предоставления услуг для всех желающих подвергнуть свое тело заморозке и в таком состоянии ожидать более счастливого будущего, когда их смогут разморозить и использовать для продления жизни новые технологии и новые лекарства. Иначе говоря, Прайд и Медведева внесли в российский трансгуманизм подход, связанный с фигурой Эттингера в США.

Как и на Западе, в составе российских трансгуманистов с самого начала оказалось немало ученых, в особенности биологов и биофизиков, видных исследователей-гуманитариев из ведущих академических институтов и столичных университетов, а также группа предпринимателей, инвестирующих средства, как в криогенный бизнес, так и в поддержку развития «конвергентных технологий»², способных, как принято думать, существенно повлиять на будущее человечества. Присутствие в рядах российских трансгуманистов молодых и решительных предпринимателей придало РТД новый импульс к развитию, а также вылилось в поиск более эффективных способов самореализации. Важнейшим событием на этом пути стало появление в 2011 г. Стратегического общественного движения «Рос-

¹Координационный Совет // <http://transhumanism-russia.ru/content/view/426/216/>

²Конвергентными технологиями первоначально считались четыре типа технологий – нанотехнологии, биотехнологии, информационные технологии и нейро- (когно-) технологии; отсюда принятая аббревиатура – НБИК-технологии. В самое последнее время к ним добавились социальные технологии; отсюда появление нового термина – НБИКС-технологии.

сия 2045»¹, которое было создано при активном участии успешного российского предпринимателя Дмитрия Ицкова.

Сплотив вокруг себя большую группу энтузиастов, в особенности из числа представителей РТД, Ицков предпринял новые неординарные шаги политического характера. Прежде всего, как и обычно, появился Манифест, в котором были сформулированы шесть задач для Движения. Они включали создание в России мирового идеологического центра для разработки сценариев технологического прорыва, создание международного научно-исследовательского центра киборгизации с целью практического воплощения главного технопроекта – создания искусственного тела и подготовки человека к переходу в него, экспертизу проектов, работающих на осуществление этого технологического прорыва, поддержку инновационных отраслей российской науки и создание новых учебных программ для школ и вузов, создание информационных программ для телевидения и Интернет-вещания, формирование культуры, связанной с идеологией будущего, искусственным интеллектом, мультителесностью, бессмертием, киборгизацией и т.п.²

Далее был разработан и с большой помпой представлен медийный проект поэтапного создания новых технологизированных типов человеческого тела, получивший название «Аватар». По идеи его разработчиков, в 2015-2020 гг. должна быть создана первая искусственная копия тела человека, управляемая мыслью с помощью нейроинтерфейса (Аватар А). На период 2020-2025 гг. запланировано создание искусственной копии тела человека, в которую в конце жизни пересаживается мозг (Аватар Б). В 2030-2035 гг. должна

¹О задачах движения, его участниках и текущих проектах, представленных на сайте Движения, см.: <http://www.2045.ru/>

²Манифест стратегического общественного движения «Россия 2045» // <http://www.2045.ru/manifest/>

быть изготовлена искусственная копия тела человека, в которую в конце жизни переносится сознание (Аватар В). В 2040-2045 гг. планируется создать тело-голограмму (Аватар Г)¹.

В мае 2012 г. Ицков опубликовал открытое письмо Президенту России В.В. Путину с предложением взять на вооружение его программу, предусматривающую осуществление в России в 2025 г. робототехнической революции, которая должна стать основой стремительного технологического рывка всей российской экономики, а вслед за этим и полного изменения всей жизни. Вслед за этим письмом появилось окрашенное в яркие патриотические тона эссе Ицкова «Эволюция 2045: футуризм, космизм и русская экспансия». В этом эссе Ицков изложил свое видение беспрецедентного развития всей российской цивилизации вплоть до 2045 г., которое включает массовое появление бытовых роботов, роботов-рабочих, роботов-военных, городов будущего (футурополисов), а также фантастически быстрый рост рождаемости, очевидно, за счет использования достижений генной инженерии². Отдельные фрагменты этого текста весьма напоминали картины из «Дивного нового мира» Хаксли, но еще больше – из различных фантастических кинофильмов нашего времени.

Нам неизвестна реакция президента России на открытое письмо Ицкова, однако можно предположить, что оно не осталось незамеченным, судя по тому пиару, который сопровождал все публичные шаги российского бизнесмена-трансгуманиста. Следующим закономерным шагом было объявление Ицкова о готовности совершить еще один эффектный политический шаг – основать собствен-

¹Например, см.: «Россия 2045» - видео из презентации на конференции в Нижнем Новгороде, весна 2011 // <http://2045.ru/news/29150.html> и др.

²Ицков Д. «Эволюция 2045»: футуризм, космизм и русская экспансия // <http://www.2045.ru/articles/30693.html>

ную партию. Она получила название «Эволюция 2045». На партию возлагалась задача взять на себя ответственность за подготовку грядущего технологического прорыва, предполагающего создание роботов-аватаров. Политическая программа партии была изложена Ицковым в специальной статье¹.

Несомненно, планы российских трансгуманистов во главе с Ицковым с самого начала не замыкались только в пределах российского трансгуманизма. Идея достижения бессмертия, значимая во всех обществах во все времена, как только в нее начал инвестировать молодой российский предприниматель Ицков, нашла отклик и в других развитых странах, особенно в США. Российские трансгуманисты во главе с Ицковым быстро нашли взаимопонимание с американскими идеологами трансгуманизма и связанными с ними бизнес-кругами. Ицков через Интернет обратился к большой группе иностранных миллиардеров с предложением финансово поддержать его проект «Глобальное будущее 2045», предусматривающий создание тел-аватаров. Важную функцию в осуществление этого проекта должна была сыграть созданная Ицковым корпорация «Бессмертие». Отрытое письмо о ее планах Ицков опубликовал на своем сайте².

Международная активность Ицкова привела его к необходимости тесного сотрудничества с американскими и другими трансгуманистами, в том числе Рэймондом Курцвелом, известным американским футурологом, популярным писателем и директором по техническим разработкам корпорации «Google». В мае 2013 г. в преддверии Международного конгресса «Глобальное будущее 2045» в Нью-Йорке Ицков вместе с группой отечественных и зарубежных

¹Ицков Д. Путь к неочеловечеству как основа идеологии партии «Эволюция 2045» // <http://www.2045.ru/articles/30840.html>

²Ицков Д. План работ корпорации «Бессмертие» // <http://2045.ru/plan>

трансгуманистов обратился к Генеральному Секретарю ООН Пан Ги Муну с изложением новой глобальной модели человеческого развития на основе трансгуманистической программы создания Неочеловечества. Основное предложение Ицкова и его соратников к Пан Ги Муну заключалось в том, чтобы поддержать их план создания антропоморфных роботов-аватаров (искусственных тел), которые могли бы стать материальной основой для бессмертного человеческого сознания. Весьма заманчиво были представлены соображения о возможном использовании тел-аватаров: реабилитация инвалидов, замещение живых людей на вредном производстве, в том числе во время миротворческих миссий, персональная бизнес-коммуникация и туризм с помощью технологий телеприсутствия¹.

Еще одним политическим шагом Ицкова стал его личный контакт с духовным главой буддистов Далай-ламой XIV в индийском Дхарамсале. После общения с Далай-ламой Ицков получил моральную поддержку на реализацию своего проекта у духовного лидера буддистов, весьма известного терпимостью своих взглядов и склонностью к политическому пиару².

Недолгая история современного российского трансгуманизма, хотя она еще далеко не закончена, все же позволяет сделать некоторые выводы. Прежде всего, совершенно очевидна его связь с аналогичным движением, возникшим на Западе почти в те же самые годы. При этом весьма характерны попытки российских теоретиков трансгуманизма найти собственные идейные истоки. Подобно тому, как британский философ Бостром увидел таковые в британской же научно-философской среде первой половины XX в., российские эн-

¹Открытое письмо Генеральному Секретарю ООН Пан Ги Муну // <http://www.2045.ru/articles/31278.html>

²Далай-лама поддержал движение «Россия 2045» // <http://www.2045.ru/news/29773.html>

тузиасты трансгуманизма усмотрели их в российской культуре, прежде всего, в русском космизме Федорова и Циолковского. Очевиден и общественно-политический характер российского трансгуманистического движения, как собственно РТД, так и проекта «Россия 2045», инициированного Дмитрием Ицковым. В обоих случаях и российский трансгуманизм, и его западный аналог, позиционировали и позиционируют себя до сих пор как серьезную социально-политическую силу, способную взять на себя основной груз задач по реорганизации общества, его экономики, науки, техники и культуры. Основа этой уверенности – вера в предлагаемый план технологического прорыва на основе робототехники и сопутствующих ей НБИКС-технологий. Наконец, следует сказать и о том, что судьба трансгуманизма в России, как и за ее пределами, до сих пор окончательно не определена. Ни общественность, ни власти, ни интеллектуалы до сих пор не выработали окончательного мнения о том, как относиться к самому движению и предлагаемой им философии. Не ясно, считать ли все это чудачеством, грандиозным по замыслу шарлатанством или все-таки перспективной идеей. Ввиду этой сохраняющейся неоднозначности и постоянных дебатов о трансгуманизме важно обратить внимание на мнение тех немногих весьма компетентных мыслителей, которые предлагают взвешенные аналитические суждения о трансгуманизме.

Лидер российского биоэтического движения Борис Григорьевич Юдин одним из первых осознал необходимость отреагировать на вызов трансгуманизма, брошенный интеллектуалам всего мира. С его легкой руки в повестке дня российской биоэтики появилась новая тема – трансгуманизм и трансгуманистические проекты биотехнологического улучшения человека. В одной из своих статей о

трансгуманизме Юдин заметил, что по Европе и за ее пределами уже более полувека бродит призрак трансгуманизма¹, и, следовательно, к нему, наконец, стоит присмотреться повнимательнее. Указав на эту полувековую уже историю трансгуманизма, Юдин, тем самым, логически заключил, что данное движение не следует воспринимать как нечто внезапно возникшее: у него уже есть собственное прошлое, а значит, есть шанс, что слишком плохого может и не случиться.

Коллега Юдина Павел Дмитриевич Тищенко сделал такой же вывод, когда принялся анализировать вызовы трансгуманизма, нагляднее всего представленные в рамках проекта «Россия 2045». По мысли Тищенко, истоки современного трансгуманизма восходят даже не к известному термину Джулиана Хаксли, впервые озвученному в 1957 г., а к новоевропейской метафизике. «Может ли человек воспроизвести себя в качестве машины? Мне кажется, что вопрос этот запоздал. Человек давно уже начал работу над собой как машиной. В этом специфика исторической эпохи Нового времени»².

В фокусе внимания и Юдина, и Тищенко находится, прежде всего, известный уже трансгуманистический замысел Ицкова создать бессмертного нео-(пост-)человека путем пересадки мозга на материальную основу кибернетической машины-аватара. Оставляя в стороне всю политическую и медийную подоплеку это проекта, ведущие российские философы-биоэтики обращают свое внимание, главным образом, на то, что речь идет об *очередном* уже проекте сращивания машины и человека. Так, Тищенко, анализируя работы

¹Юдин Б.Г. Трансгуманизм – наше будущее? // Человек. 2013. №4. С.5. См. также: Юдин Б.Г. На пути к трансчеловеку // Гуманитарные ориентиры научного познания: сборник статей. К 70-летию Бориса Григорьевича Юдина / отв. ред. П.Д. Тищенко. М.: Навигатор, 2014. С. 341-351.

²Тищенко П.Д. Человек-машина: модель и идея проекции в философии Л. Нуаре // Рабочие тетради по биоэтике. Вып. 15: Человек-машина: сб. науч. ст. / под ред. П.Д. Тищенко. М.: Изд-во Моск. гуманит. ун-та, 2013. С. 8.

немецких философов техники конца XIX в., указывает на то, что вся история человечества – это история такого сращивания: создавая каменные орудия, первобытные люди не просто подчиняли себе окружающий природный мир, но в известном смысле уже фабриковали себя как машину; в еще большей мере это относится к временам промышленной революции XVIII-XIX вв., которая полностью превратила человека в машинообразное существо, «винтик» в системе механизированного производства. По мысли Тищенко, человек и машина в некотором роде совместно эволюционируют уже очень давно: в той мере как люди все больше машинизируются, машины все больше очеловечиваются и становятся похожи на нас (таковы роботы-андроиды начала XXI в.) Но сближение человека и машины проявляется не только в этом. Начиная с Нового времени для европейского человека, а теперь и не только для европейского, машина – это такая вещь, которая все время вынуждает человека разделять себя на субъект и объект, т.е. воспринимать себя как своевольное сознание и как инертное и безвольное тело, требующее внешнего воздействия чужой воли. Ни одна из созданных руками человека машин еще не смогла продемонстрировать наличия у себя своевольного сознания, но всегда нуждалась в управлении со стороны мастера – своеобразного «Бога машин»¹.

По наблюдениям Тищенко, трансгуманисты продолжают попытки Эразма Дарвина и Мери Шелли, написавшую роман о докторе Франкенштейне, собрать искусственного человека из фрагментов, заимствованных из окружающего мира, - будь то органы человеческих трупов или какие-то механические агрегаты. Но искусственный человек, который создается на основе научных знаний, не может быть тем же, чем и естественный человек, сочетающий в себе субъ-

¹Тищенко П.Д. Человек-машина. С. 31.

ектно-объектные начала. Он может быть только хуже или лучше, но не тем же самым. Искусственный человек Франкенштейна оказался лучше обычных людей, но это и стало причиной его гибели. Ему было не свойственно ошибаться, как существу, обладающему своеволием, и он мог действовать только в соответствии с той программой, что заложил в него мастер¹.

Юдин, анализируя возможные угрозы, связанные с появлением и реализацией трансгуманистических проектов, обращает внимание на два рода ценностей, которые способны направлять наш человеческий выбор. Ценность сохранения предполагает стремление сохранить ту человеческую природу, которой мы обладаем с незапамятных времен. Именно об этой ценности, согласно Юдину, упорно говорит Фукуяма в своей работе. Ценность изменения допускает стремление изменить эту природу по своему усмотрению ради, например, долголетия, здоровья или каких-то особых качеств. Такой ценности придерживался Маркс в «Тезисах о Фейербахе», когда призывал философов изменять мир. «Возможно ли примирение этих двух ценностей между собой?», – спрашивает Юдин. Ответ московского философа весьма поучителен: «Даже учитывая все многочисленные несовершенства рода человеческого, мы, тем не менее, должны с чрезвычайной осторожностью относиться к проектам его биотехнологической переделки... Технологическое могущество современного человека столь велико, что к его возможностям радикально воздействовать на собственное будущее стоит относиться со всей серьезностью. Но вовсе не обязательно эту серьезность доводить до уровня безоглядной паники либо, напротив, не при-

¹Тищенко П.Д. Человек-NBICS-машина: истолкование смысла // Рабочие тетради по биоэтике. Вып.13: Человек-NBICS-машина: исследование метафизических оснований инновационных антропотехнических проектов: сб. науч. ст. / под ред. П.Д. Тищенко. М.: Изд-во Моск. гуманит. ун-та, 2012. С. 23-24.

знающего никаких границ всеислия. Разумной альтернативой тому и другому были бы заинтересованные и основательные дискуссии, которые могли бы способствовать выработке согласованных (хотя и не обязательно совпадающих!) воззрений по поводу возможных и желательных сценариев будущего человека и человечества, нашего будущего»¹.

Спокойно-внимательная позиция по отношению к трансгуманистическим проектам улучшения человека, которую заняли Юдин и Тищенко, - не просто отличительная черта философского созерцания, привычно дистанцирующегося от проблем «этого мира». Напротив, оба ведущих представителя российского биоэтического движения чужды философского эскапизма и склоняются в пользу того, чтобы квалифицированно и основательно обсуждать феномен трансгуманизма, укоренившись на почве философской традиции. Начав с традиционных для ранней биоэтики вопросов об этике биомедицинских исследований и этических аспектах оказания медицинской помощи (лечения), Юдин и Тищенко формулируют для отечественной (и не только) биоэтики новую повестку дня, касающуюся вопроса об использовании биомедицины и вообще современных технологий для преодоления границ (улучшения) человеческой природы.

Свой вклад в подготовку этой повестки дня внесли и члены Президентского совета по биоэтике в США в начале 2000-х гг., когда попытались информировать главу американского государства о плюсах и минусах, которые несут с собой новые биомедицинские технологии. Чтобы более основательно разобраться в сути этих новых возможностей, одному из членов Совета философу Фукуяме по-

¹Юдин Б.Г. Трансгуманизм – наше будущее? С.16.

требовалось сформулировать собственную точку зрения на этот вопрос. С этой целью он написал свою знаменитую книгу, а затем еще опубликовал специальную статью о трансгуманизме, в которой прямо высказался о той опасности, что несет трансгуманизм для естественного равенства между людьми¹.

Философская реакция на вызов трансгуманизма, продемонстрированная некоторыми западными и отечественными мыслителями, означает, на наш взгляд, продолжение все той же работы, что уже велась в интеллектуальных кругах по поводу воздействия научно-технического прогресса на судьбы людей. Нам в заключение своих рассуждений хотелось бы обратить внимание еще на один сюжет, который позволяет связать современный трансгуманизм не только с его идейными и культурными основаниями в прошлом, но и с политическими основаниями в настоящем.

Трансгуманистическое движение и различные трансгуманистические инициативы, такие, как проекты «Россия 2045» и «Глобальное будущее 2045», представляют собой весьма своеобразные феномены нашего времени. Нам представляется, что трансгуманизм созвучен не только стремительно ускоряющемуся прогрессу в сфере научно-технического и особенно биомедицинского знания, но и всей наступившей эре современного глобализма. Трансгуманизм символизирует собой стремление вырваться за пределы не просто скромных возможностей человеческой природы, но и существующих геоэкономических, геополитических и геокультурных границ, сложившихся в рамках современного мирового порядка. После распада Советского Союза, когда изменился баланс мировых сил, и Соединенные Штаты Америки начали строить однополярный глобальный мир, американской финансовой и политической элите по-

¹Fukuyama F. Transhumanism // Foreign Policy. 2009. October, 23.

требовался новый стимул для утверждения своей мировой гегемонии, и в качестве такого стимула была использована старинная идея об улучшении человека с помощью технологий. Во времена президентов Клинтона и особенно Буша США предприняли целую серию шагов по утверждению своего военного, финансового и технического превосходства над всеми своими соперниками, в том числе и мнимыми. Предпринимая все эти шаги, американская элита, безусловно, испытывала колоссальное напряжение физических, психологических и нравственных сил, не говоря уже о том, что такое перенапряжение во многом испытывало и все западное общество. Для мобилизации новых усилий уже недостаточным, видимо, оказалось такое испытанное средство как искусственное конструирование образа врага в лице какого-либо политического режима или страны. Потребовалась какая-то совершенно новая перспектива. Возможно, ее и попытался предложить трансгуманизм, провозгласивший необходимость создания с помощью науки, техники и финансов новой породы людей – нео-людей-суперменов.

Когда российские трансгуманисты во главе с Дмитрием Ицковым начали разрабатывать собственные проекты улучшения человека, они также были поданы как средство для совершения технологического рывка из «кризиса» в «светлое будущее». Их проекты появились на волне быстрого экономического роста начала XXI в. и возвращения России в число мировых лидеров и участников глобального соревнования. Следовательно, хотя российские трансгуманисты находят свои истоки в утопических трудах Федорова и Циолковского, они тоже всматриваются не в прошлое, а в будущее, которое представляется им как «новый дивный мир», созданный с помощью технологий.

Таким образом, трансгуманизм оказывается еще одним средством, которое предполагается использовать для реализации непомерных амбиций на превосходство в глобальном масштабе или, по крайней мере, для соревнования с такими амбициями. В определенном роде трансгуманизм – это такое идеологическое оружие, которым могут воспользоваться все стороны. Его с завидным упорством изобретают те общественные круги, которые близки к самым высшим эшелонам власти и в силу этого хорошо чувствуют ее запрос на идейно-теоретическую поддержку. Предлагая свою философию могущества и бессмертия, трансгуманистические идеологи взывают не столько к фантазиям простых обывателей, сколько к стратегическим планам мировых лидеров, стремясь занять место их основных консультантов и душеприказчиков. В этих условиях современная биоэтика не должна упускать из виду данные обстоятельства.

7. СТАНОВЛЕНИЕ ГЛОБАЛЬНОЙ БИОЭТИКИ: ОТ ГЕНРИ ТОРО ДО ВАНА ПОТТЕРА

С самого начала своего существования биоэтика представляла собой нечто большее, чем особую форму знания, возникшую для осмысления и решения проблем, порожденных прогрессом в области биомедицины. По замыслу одного из ее творцов американского врача и энтузиаста гуманитарных исследований Вана Ренсселера Поттера биоэтика должна была стать знанием, связующим весь комплекс наук о живом – биологию, медицину и экологию – с гуманитарным мышлением¹. Поттер оказался той ключевой фигурой для истории биоэтики, с которой связано не только само появление термина «биоэтика», но и примечательный парадигмальный сдвиг в направлении так называемой «глобальной биоэтики», ставшей воплощением нового взгляда на весь корпус проблем, связанных с жизнью как биологическим явлением.

Прослеживая историю биоэтической мысли, можно обнаружить, что ее истоки восходят не только к дискуссиям о биомедицине, но и к философским размышлениям об охране природы, экологических проблемах и этическом отношении к живым существам. Такого рода дискурс принято называть «экологической этикой». Название это указывает на то, что этика здесь выступает особым приложением к экологии, ее вспомогательным компонентом. В западной философской традиции ее связывают также с

¹Potter V.R. Bioethics: Bridge to the Future. Englewood Cliffs, NJ: Prentice-Hall, 1971.

«глубинной экологией», «экософией», «экофеминизмом» и «инвайренментализмом»¹. Однако выделение экологической этики в качестве особой области знания закрепляет разделение между этикой философской, медицинской (врачебной) этикой и иными формами этики, которое как раз и пыталась преодолеть современная биоэтика.

Вводя термин «глобальная биоэтика», Поттер исходил из того, что в истории этической мысли уже наступил новый этап, связанный с тем, что все прежние формы этики в известном смысле исчерпали себя. Биоэтику он мыслил как междисциплинарный, гуманитарно-биологический подход к феномену выживания, как фокус на проблемах живой материи, а ее «глобальное» измерение видел в том, чтобы фокусироваться не на каком-то одном уровне организации живого, а, по меньшей мере, на трех – организменном, популяционном и биосферном. Тем самым глобальная этика в духе Поттера замышлялась как широкий этический подход к проблемам существования не только человеческих индивидов, но и других живых существ.

Сегодня глобальная биоэтика существует как одно из зримых проявлений современного биоэтического движения, зародившегося в начале последней трети XX в. Она обладает всеми основными атрибутами самостоятельности: по проблемам глобальной биоэтики проводятся конференции², издается журнал³, публикуются

¹Callicott J.B. Environmental Ethics // // Post S.G. (ed.) Encyclopedia of Bioethics, 3rd ed. New York: Macmillan, 2004. Vol. 2. P. 757-776.

²Календарь конференций на сайте Всемирной Организации Здравоохранения см.: <http://www.who.int/ethics/events/en/>

³Журнал Global Bioethics издается с 1988 г. Международным институтом изучения человечества (The International Institute for Humankind Studies) во Флоренции.

монографии¹ и учебники². Не все из того, что замыслил о глобальной биоэтике Поттер, было реализовано. Некоторые современные исследователи истории глобальной биоэтики предпочитают интерпретировать глобальную биоэтику не в поттерианском духе, а иначе – как этику эпохи глобализации, стремясь этически отразить весь комплекс проблем современной глобализации³. Но даже и при таком понимании глобальной биоэтики она все равно выглядит более широко, чем всякая иная модель этики. Глобальной биоэтике неизменно присущ особый, ни с чем несравнимый масштаб.

Ниже нам хотелось бы сказать несколько слов о становлении глобальной биоэтики, как ее понимал Поттер. Для этого нам предстоит обратить внимание на ее собственные истоки и попытаться объяснить, в связи с какими обстоятельствами она стала возможной как особый интеллектуальный проект.

Поттерианская глобальная биоэтика выросла на почве литературно-философских исканий о связи между благополучием человека и благополучием окружающего природного мира. Вопрос о том, как понимать эту связь, был самым принципиальным. Существует ли она только на уровне духовно-эстетических переживаний или имеется какая-то иная форма ее воплощения? Зависит ли человеческое благополучие от благополучия природного мира? Биоэтическая мысль была призвана разъяснить эту проблему. Если воспользо-

¹Tristram Engelhardt Jr. H. (ed.) *Global Bioethics: The Collapse of Consensus*. Salem, Ma: M & M Scrivener Press, 2006; Green R.M., Donovan A., Jauss S.A. (eds.) *Global Bioethics: Issues of Conscience for the Twenty-First Century*. Oxford: Oxford University Press, 2008; Chiarelli B. (ed.) *Global Bioethics – Perspective for Human Survival*. Rijeka: In Tech, 2011 и др.

²Ten Have H.A.M.J., Gordijn B. (eds.) *Handbook of Global Bioethics*. 4 vols. Dordrecht: Springer, 2014.

³Gracia D. *History of Global Bioethics* // Ten Have H.A.M.J., Gordijn B. (eds.) *Handbook of Global Bioethics*. Vol. 1. Dordrecht: Springer, 2014. P. 19-34.

зоваться современной терминологией, то в фокусе этой мысли оказались такие предметы, как человек, естественная среда, биосфера и биоразнообразие.

На раннем этапе ее становления в этой форме мышления преобладал описательный компонент, тогда как анализ и объяснения пришли позже. Во многом это объясняется тем, что первые шаги в этой области были сделаны писателями, и лишь затем их поддержали ученые. Главной ареной ее формирования стала Северная Америка – континент, где в середине XIX в. для этого сложились все необходимые предпосылки такого рода.

Европа не могла стать родиной экологически ориентированного биоэтического мышления, поскольку Старый Свет не мог предоставить подходящей духовной пищи европейским интеллектуалам. Еще до начала промышленной революции практически по всему европейскому континенту и на Британских островах были уничтожены леса, а вместе с ними исчезли и дикие животные. Старая Европа была полностью подчинена человеческой воле, ее пространства были покрыты лесами, дорогами и возделанными полями. Напротив, североамериканский континент предстал сознанию белых переселенцев как бескрайний мир дикой природы, бесконечных прерий и величественных лесов. Когда в 1840-е гг. евроамериканцы впервые попали на американский Дикий Запад, они, должно быть, испытали настоящий шок. Продвигаясь все дальше на запад, переселенцы повсюду могли наблюдать грандиозные пейзажи, целые тучи диких птиц и огромные стада бизонов. Бескрайние просторы вновь открытой «земли обетованной» рождали в их сознании смешанные чувства. Безусловно, они испытывали настоящее восхищение от увиденного. Но еще больше, пожалуй, их вдохновляли

те перспективы, которые открывались перед ними на этой никем, кроме горстки индейцев, незаселенной земле.

Вся последующая история освоения американского Дикого Запада, начиная с 1840-х гг., это история его покорения – героического и безжалостного. Англоговорящие американцы и канадцы – это нации, чье благополучие возникло вследствие этого покорения. Всего за каких-то несколько десятилетий переселенцами были захвачены тысячи квадратных километров земли. Были уничтожены и загнаны в резервации племена индейцев. Бесчисленные стада бизонов совершенно исчезли. На смену всему этому пришли железные дороги, города, рудники, фермерские хозяйства.

Однако эту несгибаемую уверенность в том, что власть над этой «землей обетованной» дана им свыше, выражали не все. Некоторые американцы с настороженностью относились к процессу колонизации Дикого Запада и задумывались о цене, которую придется им заплатить за этот прогресс. Уже в середине XIX в. среди некоторых мыслителей стало рождаться мнение о том, что дикий мир американской природы обладает собственной ценностью и благотворно влияет на жизнь человека.

Первым из них, несомненно, был Генри Дэвид Торо, которому удалось обнаружить и полюбить этот дикий мир, сделав свое открытие достоянием современников. Это случилось в самом сердце Белой Америки – в Массачусетсе, землях, откуда началось покорение североамериканского континента.

Торо был поклонником идеи возврата к природе в духе Жан-Жака Руссо. Ему не было необходимости воспринимать ее символически, поскольку даже на северо-востоке тогдашних США существовала возможность вернуться к природе буквально. С этой целью Торо решил осуществить свой собственный эксперимент жизни в

уединении. Он построил себе хижину на берегу Уолденского пруда и провел в ней целых два года, с 1845 по 1847 г., самостоятельно обеспечивая себя всем необходимым. После этого им была написана книга «Уолден, или Жизнь в лесу», в которой он трогательно описал свои наблюдения за дикой природой, размеренную жизнь птиц, муравьев и сурков. Большинство современников не восприняли всерьез этого произведения¹, но позднее именно книга Торо привела к развитию биоэтических идей в американской культуре.

Открытие дикого мира природы для Торо состоялось исподволь. Это не было его главной целью. В книге о своей жизни на берегу Уолденского пруда Торо размышлял в первую очередь о возможности освободиться от плена цивилизации, о том, что можно жить, довольствуясь малым, избегая бессмысленной гонки за материальным благополучием. Однако это счастье в уединении Торо-отшельник смог обрести, только сроднившись с дикостью окружающего мира, в условиях, когда его жизнь стала столько же простой и естественной, как жизнь первобытного дикаря, не помышляющего о хлебе насущном.

По его мысли, «любое творение Природы может быть источником нежных и невинных радостей и приятным обществом даже для унылого мизантропа и самого заядлого меланхолика. Тот, кто живет среди Природы и сохранил способность чувствовать, не может впасть совсем уж в черную меланхолию. Нет такой бури, которая не могла бы звучать Эоловой арфой для здорового и невинного уха. Простого и мужественного человека ничто не должно повергать в пошное уныние, Пока я дружу с временами года, я не представляю себе, чтобы жизнь могла стать мне в тягость»².

¹Покровский Н.Е. Генри Торо. М.: Мысль, 1983.

²Торо Г.Д. Уолден, или Жизнь в лесу. М.: Изд-во АН СССР, 1962. С. 85-86.

Книга Торо о жизни в лесу – это сплошной гимн счастливому уединению. В ней много примеров, демонстрирующих связь между чувством и мыслью. Свое двухлетнее счастье на берегу Уолдена, свое благополучие он напрямую связал с обретением новой свободы, которую дал ему дикий мир. «Зрелище дикой природы стало удивительно привычным. Я ощущал и доныне ощущаю, как и большинство людей, стремление к высшей или, как ее называют, духовной жизни и одновременно тягу к первобытному, и я чту оба эти стремления. Я люблю дикое начало не менее чем нравственное»¹.

Природа, которую обнаружил Торо, на берегу Уолденского пруда в Массачусетсе, была еще совершенно свежа и не подвержена человеческому вмешательству. Этот дикий мир подарил американскому писателю душевный восторг, спокойствие и, прежде всего, психологическое благополучие. Но все же, когда эксперимент с уединением был закончен, Торо вернулся в свою цивилизованную и, как он считал, временную жизнь в городе. Романтическое бегство в природу так и осталось экспериментом.

Вслед за Торо необходимо упомянуть еще целый ряд фигур североамериканских мыслителей, которые смогли в той или иной форме повторить его опыт. Поездки по диким местам, периодические пребывания наедине с лесами, горами и прериями также были частью их личного опыта. Но не только радость открытия дикой природы им пришлось испытать, но и тревожное ощущение того, что этот дикий мир становится уже слишком беззащитным перед вмешательством человека.

¹Торо Г.Д. Уолден. С. 135.

Очевидно, впервые осознание этого пришло в голову бывшего американского дипломата Джорджа Перкинса Марша¹. Будучи высокообразованным человеком, разделявшим страсть многих представителей своего класса к литературе и ученым изысканиям, Марш опубликовал сочинение, в котором проследил историю воздействия человека на природный мир. В поле его зрения оказались такие вопросы, как упадок Римской империи вследствие истощения сельскохозяйственных земель и механического воздействия на почву, уничтожение растений и животных, а также одомашнивание некоторых из них и перенос с одного континента на другой, экологическое предназначение лесов, водоемов, песчаных почв и, наконец, возможные последствия реализации великих проектов, касающихся строительства дорог, каналов, рудников и т.д. Его книга «Человек и природа» вышла в свет в 1864 г., в самый разгар покорения Дикого Запада и Золотой лихорадки².

Марш стремился к тому, чтобы избавить своих читателей от стереотипов. Его мысль двигалась по простой траектории. Не человек создает пастбища и поля, а земля создает человека, как и других ее обитателей. Однако из всех живых существ человек по праву заслужил себе имя разрушителя, за что и был, согласно Библии, изгнан из Эдемского сада. Все, что человек творил на земле и с землей, до сих пор восстанавливалось могучими природными силами. Однако с каждым столетием ущерб, наносимый человеком дикой природе, становится все значительнее, и недалек тот день, когда его уже невозможно будет предотвратить. В своей книге он писал: «Земля все быстрее превращается в непригодное для ее обитателей жили-

¹О значении творчества Марша для американской культуры см.: Lowenthal D. Nature and Morality from George Perkins Marsh to the Millennium // Journal of Historical Geography. 2000. Vol. 26 (1). P. 3-27.

²Marsh J.P. Man and Nature, or Physical Geography as Modified by Human Action. Cambridge, Mass: Harvard University Press, 1965.

ще, и наступает новая эра, когда преступления и расточительность людей доведут ее до состояния полной бесплодности, разорения, климатических потрясений, всему будут угрожать одичание, варварство и истребление целых видов»¹.

Несмотря на серьезные опасения, которые Марш высказал по поводу будущего благополучия природы и человека, он остался экологическим оптимистом. Он не предлагал остановить вмешательство человека в дикую природу. Ему представлялось, что необходимо лишь организовать разумное управление природной средой, что позволило бы ей восстановить свои силы. Марш выступал за то, чтобы сохранить дикий природный мир в разумных пределах.

Этот подход нашел поддержку среди американской элиты и в правительственных кругах. Идея консервации дикой природы вылилась в основание одного из первых национальных парков в Северной Америке – Парка Адирондак, на северо-восточном побережье штата Нью-Йорк. Призывы Марша прекратить варварскую вырубку лесов привели также к созданию правительством США Национальной комиссии по охране лесов, которая сыграла важную роль в организации природоохранной деятельности в этой стране. В истории раннего глобального биоэтического мышления Марш символизирует собой вывод о том, что общество разумных промышленников и предпринимателей должно исполнить свой долг по отношению к дикой природе, сохранив ту ее малую часть, которая может быть полезна для благополучия человека.

Подобно Торо и Маршу американец Джон Мьюр тоже заслуживает права считаться первопроходцем в области глобальной биоэтики. Как писатель-натуралист он прославился своими сочинения-

¹Marsh J.P. Man and Nature. P. 43.

ми о путешествиях по Калифорнии, описаниями горной системы Сьерра-Невада. Написанные им книги вдохновляли многочисленных читателей, включая американских президентов и конгрессменов, на защиту дикой природы этого края. Благодаря его стараниям в самом конце XIX в. американские власти приняли решение сохранить в качестве Национального парка одно из природных чудес света – долину Йосемити, а также был создан Национальный парк секвойя, где растут самые древние в мире кипарисовые деревья. В 1892 г. по инициативе Мьюра была создана «Сьерра-клуб» - одна из самых авторитетных в Америке экологических организаций¹.

Младшим современником Мьюра был Эрнст Сетон-Томпсон, чья жизнь была неразрывно связана и США, и с Канадой. В самом конце XIX в. он прославился как талантливый художник-анималист и писатель, создавший всемирно известные книги о животных. Он был страстно влюблен в жизнь в диком лесу, а также подолгу жил в прериях. Сетон-Томпсон написал увлекательные сочинения о своем пребывании среди американских индейцев и эскимосов, которых справедливо считал народами, живущими в гармонии с дикой природой. В самом начале XX в. он увлекся созданием скаутского движения, пропагандируя новую теорию о пользе воспитания молодого поколения в условиях жизни в лесу, в скаутских лагерях. Однако после того как скаутское движение стало милитаризироваться, Сетон-Томпсон порвал со своим начинанием и вернулся к уединенной жизни интеллектуала-отшельника².

Торо, Марш, Мьюр, Сетон-Томпсон – это лишь самые яркие имена североамериканских писателей-натуралистов, оказавших у истоков биоэтической мысли XIX – начала XX вв. В их сочинениях,

¹Worster D. A Passion for Nature: The Life of John Muir. Oxford: Oxford University Press, 2008.

²Сетон-Томпсон Э. Моя жизнь. Маленькие дикари. М.: Политиздат, 1991.

повлиявших на жизнь нескольких поколений американцев, а также народов других стран, шла речь о важности дикой природы в человеческой жизни, о ее воспитательном воздействии на человека, о том, что необходимо учиться общению с диким миром природы во имя собственного духовного благополучия, а также о том, что по этой же причине необходимо сохранить оставшиеся ее островки для будущих поколений.

Первая мировая война радикально повлияла как на процессы хозяйственного воздействия человечества на природу североамериканского континента, так и на характер формирующегося биоэтического мышления. Приезд миллионов мигрантов из Старого Света, ускоренное развитие промышленности, вовлечение в сельское хозяйство все новых земель и строительство автомобильных дорог в корне изменили ситуацию. Несмотря на сохраняющуюся веру в бесконечную щедрость рек, лесов и полей, былой экологический оптимизм был поколеблен. Особенно сильно он пошатнулся с наступлением Великой депрессии. Именно в эти годы на территории США разразился серьезный экологический кризис. Речь идет о песчаных бурях, которые накрыли всю территорию США после того, как фермеры безжалостно распахали целинные земли Великих американских равнин. По некоторым наблюдениям, это было бедствие грандиозных масштабов, последствия которого наблюдались даже в Европе. Катастрофа, вызванная хищническим хозяйствованием на Великих равнинах, дала один из самых сильных импульсов для развития природоохранного движения и экологически ориентированной биоэтической мысли в США¹.

¹Bowler P.J., Morus I.R. Making Modern Science: A Historical Survey. Chicago: University of Chicago Press, 2005. P. 219-220.

Ее самым ярким выразителем стал Олдо Леопольд – ученый и писатель, чьи воззрения привели к возникновению так называемой «этики земли» – несомненной предшественницы глобальной биоэтики. Взгляды Леопольда начали формироваться еще в начале XX в., когда он учился в стенах престижного Йельского университета на факультете лесного хозяйства. После его окончания он поступил в службу лесного хозяйства, управляющую территориями штатов Айовы и Нью-Мехико. Работая там, он занимался организацией природоохранной деятельности в регионе Большого Каньона. Добившись первой известности, он был избран в местную природоохранную организацию – Клуб памяти охотников Буна и Крокета, основанный еще президентом Теодором Рузвельтом. Одна из задач организации состояла в том, чтобы охранять диких животных, на которых ведется охота. В 1924 г. Леопольд переехал в штат Висконсин, на берега Великих американских озер – Верхнего и Мичиган, где началась его университетская карьера. Из лесничего он превратился в университетского профессора, работающего на кафедре экономики сельского хозяйства и учившего студентов бережно относиться к земле. Купив для своей семьи небольшой участок песчаной земли, на которой когда-то рос дикий лес, Леопольд начал писать свои книги о важности сохранения дикой природы¹.

Центральная идея Леопольда состояла в том, что настало время утвердить новый тип этики – этику земли. «Этика в философском смысле – это различие общественного и антиобщественного поведения»². Во времена древних греков этические идеи уже были хорошо развиты, но сама этика распространялась только на свободных людей; рабы, скот и земля считались бездушными существами,

¹Callicott J.B. Companion to a Sand County Almanac: Interpretive and Critical Essays. Madison, Wis.: University of Wisconsin Press, 1987.

²Леопольд О. Календарь песчаного графства. М.: Мир, 1980. С. 176.

не достойными этического отношения к ним. Расширение этики, по мысли Леопольда, – это следствие экологической эволюции. Подобно рабыням царя Одиссея земля теперь должна стать равноценным объектом этического отношения, хотя общество еще и не приняло в полной мере эту точку зрения.

Леопольд внес в свою этическую концепцию важное для большинства ученых-экологов представление о природном (биотическом) сообществе. По его мысли, этика всегда сосредотачивала свои представления на индивидах. Но человеческий индивид – это часть сообщества живых организмов. Когда американские поселенцы стали заселять земли к югу от Висконсина, двигаясь на Дикий Запад, они со своим скотом преднамеренно и непреднамеренно уничтожали дерновинные травы, что привело в итоге к полному изменению ландшафта. Вместе с травянистым покровом земли исчезли и обитавшие на ней прежде индейцы и бизоны. «Изменения растительного покрова воздействовали на ход истории».

К середине XX в., по наблюдениям Леопольда, охрана природы в Америке велась уже около ста лет, однако реальные успехи в этой области так и не были достигнуты. Все свелось в основном к экологическому просвещению и лирическому восприятию природы. Настало время конкретных шагов, т.е. введения сурового экологического законодательства и практических мер, связанных, например, с запретом на вырубку лесов в интересах дорожного строительства. Кроме того, настало время отказаться от экономических расчетов в организации природоохранной деятельности. Тот факт, что конкретные природные виды обладают или не обладают самостоятельной экономической ценностью для человека, еще не значит, что их можно безжалостно истреблять. Таков, например, случай с дикими волками и другими хищниками, которых отстреливают фермеры.

Волки являются частью природного сообщества, и их истребление означает нанесение непоправимого ущерба всей экосистеме.

В своей знаменитой книге «Календарь песчаного графства» Леопольд пишет, что «в подходе американцев к сохранению дикой природы существует явная тенденция перекладывать на государство исполнение обязанностей, о которых не желают думать частные владельцы». Однако, спрашивает он, до какой степени может увеличивать роль государства в охране природы? Хватит ли для этого у государства сил? По этой причине решение, предлагаемое Леопольдом, следующее: «Выходом, если тут вообще есть выход, может стать этика природы или аналогичная ей моральная категория, которая побудит частных землевладельцев выполнять лежащие на них обязательства»¹. Система охраны природы, опирающаяся только на экономические интересы, бессмысленна и неэффективна. Фермеры должны сами признать свои экологические обязанности.

Согласно Леопольду, становлению этики земли препятствует много факторов – и мироощущение фермера, для которого земля – это источник будущего урожая, и мироощущение любого из современных горожан, для которых земля – пространство между местами, где он проводит время или работает. Чтобы этика земли развилась и стала возможной, необходимо изменить отношение к дикой природе. Эти изменения могут произойти только в сознании «отдыхающего труженика, у которого есть минута, чтобы философски обозреть свой мир». Для всех остальных состояний человеческого сознания дикая природа существует как препятствие, как сырье для построения цивилизации.

Как и другие американские биоэтически мыслящие авторы, Леопольд связывал сохранение остатков дикой природы с создани-

¹Леопольд О. Календарь песчаного графства. С. 180, 185.

ем национальных парков. Но даже и там ей угрожает строительство дорог, ведущих к берегам рек и озер, по которым туда прибывают туристы и отдыхающие. «Взгляните на любое утиное болото. Вокруг него бампер в бампер стоит застава из автомашин. На каждой кочке в прибрежном тростнике какой-нибудь столп общества держит палец на спусковом крючке автоматического ружья, готовый нарушить любые законы общества и общественного блага, лишь бы убить утку. Тот факт, что он уже перекормлен, нисколько не умеряет жадного желания вырвать кус мяса и у природы».

Основу для успешного становления этики земли Леопольд усматривал в том, что сам он называл «деятельным соприкосновением с природой». Оно возникает только тогда, когда человек, наделенный восприятием природы, применяет свои умения и знания для блага земли. Чаще всего оно доступно бедным землевладельцам, у которых попросту нет средств, чтобы покупать себе отдых на лоне природы, а также некоторому количеству профессиональных ученых – лесничим и охотоведам, которые обладают острым зрением и экологическим мышлением¹.

Выводы, сделанные Леопольдом, если рассматривать их в исторической ретроспективе, оказались верными. Но провозглашенная им этика земли оказалась мало востребованной за пределами узкого круга профессиональных лесничих и писателей-натуралистов. Типичный американский землевладелец оказался чужд ее идеалов, продолжая воспринимать землю как источник своих материальных благ и не более.

Другой важной фигурой, бесспорно, повлиявшей на зарождение глобальной биоэтики, стала Рейчел Карсон, опубликовавшая в

¹Леопольд О. Календарь песчаного графства. С. 196, 207, 215.

1962 г. книгу «Безмолвная весна». С этого времени ее книга выдержала уже, по меньшей мере, сорок переизданий¹, став культовым явлением в американской культуре. Как и «Календарь песчаного графства», «Безмолвная весна» Карсон продолжает удерживать внимание современных исследователей биоэтической литературы².

Карсон по роду своих занятий была морским биологом, начав работать в американской Службе рыбных ресурсов и дикой природы еще в середине 1930-х гг. Находясь на этом месте, она написала несколько работ по морской биологии, которые сделали ее имя известным в узком кругу специалистов. В начале 1950-х гг. она покинула государственную службу и поселилась в штате Мэн, избрав себе карьеру натуралиста, пишущего о природе. Когда она начала писать свою новую книгу, ей уже было известно о ее неизлечимой болезни – раке груди³. Возможно, поэтому она вложила в свою книгу все свои силы, и ее «Безмолвная весна» вышла столь проникновенной.

Считается, что непосредственно взяться за «Безмолвную весну» ее побудил случай, имевший место где-то в 1958 г., когда ее друзья принесли ей несколько певчих дроздов, погибших в результате применения ДДТ. Это заставило Карсон использовать свои знания в качестве ученого для экологического просвещения общественности. Она пришла к пониманию, что общество мало осведомлено о вреде от использования химикатов в сельском хозяйстве, а многие люди вообще считают, что без химического уничтожения насекомых-вредителей невозможно повысить продуктивность фермерских хозяйств.

¹Carson R.L. *Silent Spring*. 40th ed. Boston: Houghton Mifflin, 2002.

²Garb Y. Rachel Carson's *Silent Spring* // *Dissent*. 1995. Fall. P. 539-546; Allchin D. *Rachel Carson & Silent Spring* // Hagen J., Allchin D., Singer F. (eds.) *Doing Biology*. Glenview, Il.: Harper Collins, 1996. P. 185-196; Paul J. *The Rachel Carson Letters and the Making Silent Spring* // *Sage Open*. 2013. July-September. P. 1-12 и др.

³Allchin D. *Rachel Carson & Silent Spring*. P. 191.

Собирая материалы о том, как пестициды влияют на загрязнение водоемов, почв и животных, Карсон вступила в контакт с представителями тех общественных движений, которые выступали за ограничение технологического вмешательства в природу. На этом пути она получила поддержку от группы активистов, защищающих идеалы органического фермерства. Некоторые из этих фермеров-органиков в те же самые годы были вовлечены в судебные процессы против компаний, производивших ДДТ. Посредством своей книги Карсон помогла громче зазвучать их голосам.

Призывая фермеров отказаться от использования пестицидов, Карсон взывала не только к их чувству сострадания, но и к здравому смыслу. С одной стороны, она приводила примеры того, как применение ДДТ и альдрина вело к массовой гибели пчел и уменьшению популяций птиц, вынужденных питаться отравленной пищей, способствовало появлению раковых опухолей у животных и человека¹. С другой стороны, она предлагала альтернативные методы, указывая, что химические способы борьбы с вредными насекомыми следует заменить биологическими, используя для этих целей специальные растения, насекомых-хищников или заражая насекомых-вредителей особыми болезнями.

Как и Леопольд, Карсон исходила из холистического представления об окружающем природном мире. Она рассматривала человека как часть природного сообщества, которому присуща внутренняя связность. Использование химикатов и иных разрушительных средств наносит этому сообществу непоправимый ущерб, нарушает баланс, оставляет леса и реки пустыми, безмолвными. По мысли Карсон, природа лучше справляется с обеспечением контроля над всеми видами, чем это делает человек. При этом использование хи-

¹Carson R.L. Silent Spring. P. 225, 237.

микатов никогда еще не достигало задуманной цели. Борьба с помощью ДДТ против малярийных комаров, например, привела к тому, что со временем появились новые разновидности mosquitos, обладающие повышенной резистентностью в отношении применяемых против них ядов.

Публикация книги Карсон оказала серьезное влияние на развитие экологического движения в Америке, хотя первоначально ее появление было встречено неоднозначно. Газета «Тайм» назвала ее «однобокой и истеричной». В условиях холодной войны и глобального противостояния США и Советского Союза некоторые посчитали, что книга Карсон льет воду на мельницу коммунизма. Тем не менее многие влиятельные силы в США прислушались к тому, что было сказано в «Безмолвной весне». Президент Джон Кеннеди поручил ученым высказать свое мнение о выводах исследовательницы. Когда эксперты высказались в поддержку Карсон, Кеннеди принял решение ввести законодательные ограничения на использование ДДТ в сельском хозяйстве. Вслед за этим в США были приняты новые государственные нормативы, регулирующие чистоту воздуха и воды, было принято законодательство, защищающее виды, подвергнутые опасности исчезновения. Кроме того, было создано Федеральное агентство защиты окружающей среды – правительственный орган, которому было поручено обеспечивать защиту биологического разнообразия¹.

Ван Ренсселер Поттер стал человеком, который смог придать зарождающейся биоэтике новый вектор развития. В известном смысле он был обречен это сделать, поскольку по роду своей деятельности он находился дальше всех от природоохранной деятель-

¹Allchin D. Rachel Carson & Silent Spring. P.192-194.

ности, и пришел к биоэтической проблематике совершенно с другой стороны. По своему образованию он был биохимиком и, следовательно, больше был ориентирован на то, чтобы работать в лаборатории, а не в полевых условиях, как Леопольд и Карсон. Как биохимик, Поттер всю свою жизнь был связан с биомедицинскими учреждениями, прежде всего, с онкологическими, занимаясь проблемой рака и связанными с ней вопросами человеческой физиологии. Однако, по-видимому, проблема рака так сильно его увлекла, что он стал размышлять о ней с философских позиций. Что такое рак? Откуда он возникает? Как распространяется в человеческом организме? Можно ли его остановить?

К середине XX в. рак стал одной из самых сложных проблем для медицинского знания, и поэтому над ней бились многие выдающиеся умы человечества. Многие ученые и врачи были настолько ей увлечены, что воспринимали сквозь призму этой проблемы и многие другие вопросы. Похоже, Поттеру тоже пришло в голову взглянуть сквозь свою «онкологическую призму» на окружающий мир. Следуя идеям Нормана Берилла, Поттер связал свои мысли о стремительно размножающихся раковых клетках с вопросом о будущем человечества. «Неужели предназначение человечества в том, чтобы стать для земного шара тем же, что и рак для человека»?¹

Человечество в качестве раковой опухоли на земном шаре – эта мысль всерьез поглотила Поттера. По его словам, в 1950-е гг. он стал постоянно размышлять о будущем нашей планеты и о будущем всего человечества. Так, феномен губительного роста раковых клеток стал для него поводом задуматься о Земле и людях, об экологических вопросах.

¹Potter V.R. Bioethics: Bridge to the Future. P. 3.

В те же самые годы Поттер решился пересмотреть и вопрос о науке. Он пришел к выводу, что наука - это не способ производить «больше и лучше». Прозрение для него наступило с прочтением «Безмолвной весны» Рейчел Карсон, в которой наука и научно-техническое вмешательство в природу были показаны как орудия уничтожения окружающего природного мира. Как ученый с серьезным стажем работы в условиях лаборатории, Поттер пришел к выводу, что миру нужна другая наука – более гуманная по отношению, как к человеку, так и к живой природе. В поисках такой новой науки он задался целью соединить все лучшее, что существовало в биологии, медицине, экологии, а также гуманитарном знании. Для обозначения такой формы научной мысли он долго искал подходящее название и в самом начале 1970-х гг. остановился на термине «биоэтика»¹. «Нам необходимо соединить биологию с гуманистическим знанием из различных источников и выковать науку выживания, которая будет способна установить систему приоритетов. Нам необходимо начать активно действовать в сферах, где такое знание уже доступно, а также переориентировать научный поиск на достижение тех необходимых знаний, которые пока нам недоступны»².

Используя новый термин, Поттер стал всячески продвигать свою мысль о необходимости новой науки. Он воспринимал ее философски – как инструмент, а потому часто прибегал к метафорам. Он считал, что биоэтика – это наука о выживании и для выживания нас как биологического вида, являющегося частью более глобального сообщества живых существ, с которыми мы связаны и перед которыми несем ответственность. По этой же причине биоэтика – это

¹Whitehouse P.J. The Rebirth of Bioethics: Extending the Original Formulations of Van Rensselaer Potter // The American Journal of Bioethics. 2003. Vol. 3 (4). P. 2.

²Potter V.R. Bioethics: Bridge to the Future. P. 4.

«мост в будущее». Биоэтика, наконец, это набор самых разных знаний – естественнонаучных и гуманитарных.

Будучи представителем биомедицинского сообщества, Поттер не рассматривал свою биоэтику как этику биомедицинскую. Он считал, что биомедицинская (медицинская) этика – это что-то вроде дисциплины, ориентированной на решение узкого круга биомедицинских проблем, тогда как биоэтика – это этика нового типа, род философского знания, связывающего интересы людей с тем, что можно было бы назвать «интересами» всей природы. Свою биоэтику Поттер прямо выводил из философских идей Леопольда и считал его этику земли основой всей будущей биоэтики. При этом терминологически он связывал этику земли с целым рядом других форм этики – «этикой животного мира», «популяционной этикой», «этикой потребления», «урбанистической этикой», «международной этикой» и т.д.¹. Отметим, что на протяжении многих лет вопрос об отношениях между биоэтикой и биомедицинской этикой для Поттера стоял очень остро. Похоже, он был готов считать биомедицинскую этику частью своего «моста в будущее». Однако с учетом того, что начиная с 1970-х гг. биомедицинская этика в США стала быстро развиваться и смогла добиться широкого общественного признания в качестве самостоятельной области знания, Поттер вынужден был признать ее обособленность. При этом он настаивал на необходимости «построить мост» между двумя новыми формами этики – экологической и медицинской².

Поттер полагал, что биоэтика как этически ориентированная наука нового типа может быть применена для решения разных вопросов, касающихся жизни как биологического явления. Отсюда характерный стиль его мышления и письма. Книги Поттера – это

¹Potter V.R. Bioethics: Bridge to the Future. P. VIII.

²Potter V.R. Bridging the Gap between Medical Ethics and Environmental Ethics // Global Bioethics. 1993. Vol.6 (3). P. 161-164.

очерки, в которых он пишет о достаточно разных вопросах. Книга «Биоэтика. Мост в будущее» - это сумма размышлений о таких вещах, как будущее, беспорядок, адаптация, индивидуальность, знание и мудрость. Другая его книга, в которой он вместо «биоэтики» пишет уже о «глобальной этике» - это тоже сумма очерков: о выживании, репродукции, экологии¹.

В качестве одного из примеров, иллюстрирующих мысль Поттера, можно привести его рассуждения о «мудрости тела». Здесь имеются в виду его размышления о заложенной в природе каждого организма способности адаптироваться к постоянно изменяющейся среде. «Мудростью» обладает не только тело как таковое, но и каждая его клетка. Вырабатывая различные ферменты, организм способен адаптироваться к условиям высокогорья, периодического голодания или пребывания на улице, загрязненной выхлопными газами. По мысли Поттера, этой «мудрости тела» человеческим существам хватало для выживания на протяжении многих тысячелетий. Однако с возникновением современной цивилизации ситуация изменилась: агрессивные техногенные воздействия на организм возросли, а выживание с опорой на былую «мудрость» уже не гарантировано. «Разве наши адаптивные способности не будут и далее совершенствоваться, и разве мы не сможем продолжать курить сигареты, дышать выхлопными газами двигателей и применять транквилизаторы?», - вопрошает он риторически. Похоже, нет. Даже активное использование лекарств, которое является основой медицинского подхода к решению всех наших проблем, не дает уверенности в их решении. «Мы слишком мало знаем обо всех возможных продуктах метаболизма лекарств». Кроме того, некоторые химические соедине-

¹Potter V.R. Global Bioethics: Building on the Leopold Legacy. East Lansing, Michigan: Michigan State University Press, 1988.

ния, которые сами по себе не являются канцерогенными, при попадании в организм могут трансформироваться в соединения, вызывающие развитие рака. Поэтому, заключает Поттер, «любой вид адаптации следует рассматривать с точки зрения всеобщего равновесия, подразумевающего оценку всех ресурсов организма»¹.

Примечательны также размышления Поттера об «оптимальной среде». В них он развивает суть своего биоэтического подхода к экологической проблематике. Как ученый, долгие годы проведенный в лабораториях, где рост раковых опухолей изучался на материале лабораторных крыс, Поттер в своих философских рассуждениях вынужден был опираться на этот опыт. Например, группа подопытных крыс, которой предлагалось регулярное кормление, демонстрировала большую частоту заболеваемости раком по сравнению с той группой, которая существовала в более «трудных» условиях (нерегулярность поступления пищи и т.п.)². Следовательно, заключает Поттер, комфортное существование в условиях лабораторного аквариума чревато ослаблением адаптивных способностей организма и риском ракового заболевания. Но разве не то же происходит и с современными людьми, для которых цивилизация является почти тем же самым, что и аквариум для лабораторных крыс? «Оптимальная среда» должна содержать в качестве необходимого элемента беспорядок, некое пространство свободы, требующее того, чтобы организм к нему приспосабливался. «Мы должны придерживаться нашего идеализма и понимать, что несовершенство и беспорядок - это естественные составляющие биологического и физического миров»³. Достигнутое современной цивилизацией изобилие не обеспечивает оптимальной для жизнедеятельности среды, но минималь-

¹ Potter V.R. Bioethics: Bridge to the Future. P. 130.

²Ibid. P. 125-129.

³Potter V.R. Bioethics: Bridge to the Future. P. 194.

ные требования к ней вполне могут быть сформулированы. Согласно Поттеру, они включают основные потребности, которые могут удовлетворить сами люди (пища, кров, одежда, пространство жизни, уединение, досуг, образование), освобождение жизни от токсических загрязнений и травм, сохранение культуры, сохранение и совершенствование своих адаптивных способностей, достижение личного счастья, осуществление репродуктивной функции¹.

Итак, новизна подхода Вана Поттера к экологически ориентированной этике заключалась в том, что он внес в нее взгляд биолога-экспериментатора, хорошо знакомого с проблемами человеческого организма. Ему удалось придать новый импульс традиционной природоохранной проблематике. Для мыслителей XIX в. природа была предметом, которым они могли любоваться и который они пытались сберечь, создавая национальные парки и заповедники. Они пеклись о благополучии природы, но не могли по-настоящему объяснить, как оно связано с благополучием человека. В условиях быстрого экономического роста и технического прогресса природное благополучие, скорее, было препятствием для человеческого благополучия. В середине XX в., когда экономическое благополучие общества в основном было достигнуто, вопрос о достижении благополучия природы встал с новой силой. Это привело к идее о необходимости сохранения биоразнообразия, отчетливо заявленной у Леопольда и Карсон. Кроме того, в критическом исследовании о последствиях применения пестицидов в сельском хозяйстве содержалось свидетельство об их вреде и для человеческого здоровья. Эту идею в полной мере и развил Поттер, показав, что забота о природном благополучии является необходимым условием заботы о нашем собственном благополучии, и в конечном итоге, о выживании.

¹Ibid. P. 144-145.

В своей работе 1988 г. Поттер поставил вопрос о человеческом благополучии в центр своих биоэтических размышлений. Он резюмировал, что человеческое здоровье – это глобальная биоэтическая ценность. Мерой здоровья является детская смертность: чем она ниже в разных обществах, тем выше уровень их здоровья. Напротив, продление жизни с помощью новых медицинских технологий, доступное очень немногим, здоровья не прибавляет¹. Прогресс биомедицинских технологий для Поттера – это всего лишь еще одна форма технического прогресса, который нацелен на покорение природы и на отказ от ее внутренней мудрости. Как гуманист, идеалист и сторонник равенства, Поттер до конца оставался верным мысли о том, что людям необходимо искать гармонию с природой, мирясь с существующим в ней беспорядком как внутри человеческого организма, так и вовне его.

¹Potter V.R. Global Bioethics. P. 154-155.

8. БИОЭТИКА КАК НАУКА О ВЫЖИВАНИИ: АЛЬТЕР-ГЛОБАЛИЗМ ВАНДАНЫ ШИВЫ

В качестве особой области академического знания и формы публичной политики биоэтика появилась в США на рубеже 1960-х и 1970-х гг. Десятилетие спустя страны Западной Европы предложили собственную версию биоэтики, адаптированную для культурных интересов индустриально развитых наций Старого Света. Падение Берлинской стены и развал Советского Союза положили начало третьему этапу распространения биоэтического движения, в результате которого биоэтика распространилась в странах Восточной Европы и постсоветской России. В 1980-е гг. состоялся приход биоэтики в страны Азии и другие части третьего мира. Там биоэтика первоначально была воспринята как один из продуктов глобализации, как интеллектуальное дополнение к современным биотехнологиям и западной биомедицине, однако почти с самого начала некоторыми азиатскими мыслителями была предпринята попытка придать биоэтике новое содержание и развивать ее с иных позиций. Таков, прежде всего, случай Индии, где попытку развивать биоэтику «слева» предприняла Вандана Шива (род. 5 ноября 1952 г.) – видный ученый, философ и общественно-политический деятель международного уровня. Ниже нам хотелось бы изложить основные биоэтические идеи этой женщины, а также обрисовать тот культурный, политический и международный контекст, в котором они появились.

Согласно господствующим в либеральной западной философии представлениям, появление биоэтики в Индии следует отнести к 1980 г., когда Индийский совет по медицинским исследованиям разработал первые этические руководства, касающиеся биоэтических комитетов, информированного согласия, клинических испытаний и медицинских практик с участием слабозащищенных групп населения¹. Тогда же в некоторых индийских научных центрах стали проводиться исследования по биоэтической проблематике, повторяющие выводы, уже сделанные ранее западными специалистами. Ведущую роль в них играли интеллектуалы, получившие образование на Западе, а также местные философы, усвоившие дискурс американской и европейской биоэтики. Одной из площадок, где этот дискурс обрел свое место, стал «Индийский журнал медицинской этики», который начал издаваться в Мумбаи в 1993 г.

Рассматривая индийский случай, западное биоэтическое сообщество акцентировало свое внимание на той модели биоэтики, которая была порождением новых биомедицинских центров и крупных кампаний, распространяющих биотехнологии. Предполагалось даже, что такая биоэтика могла бы опираться на некоторые традиции индуистской философии, позволяя индийцам адаптироваться к моральным последствиям биомедицинского вмешательства в биологические процессы, связанные с началом и концом жизни². Но при этом западные комментаторы совершенно упустили из виду тот факт, что наряду с такой искусственно создаваемой биоэтикой, призванной обслуживать потребности биомедицинских центров и биотехнологических кампаний, в те же самые годы в Индии появи-

¹Papmplanay A. India // Ten Have H.A.M.J., Gordijn B. (eds.) Handbook of Global Bioethics. Vol. 3. Dordrecht: Springer, 2014. P. 1167-1168.

²Crawford S.C. Hindu Bioethics for the Twenty-first Century. Albany, NY: State University of New York Press, 2003.

лась другая модель биоэтики – биоэтика, вырастающая из потребностей низовых социальных движений и выражающая их интересы. На шкале политического спектра она заняла левый фланг, на котором в развивающихся странах традиционно сосредоточены антиглобалистские силы, экологические, крестьянские и женские движения.

Основной импульс к появлению этой «левой» индийской биоэтики дали женские экологические движения, во всеуслышание заявившие о себе в 1970-е гг., в первую очередь, Чипко – движение «обхватывателей деревьев». Чипко возникло на волне растущего народного беспокойства по поводу вырубке лесов в индийских Гималаях, санкционированной местными властями. Свою первую публичную акцию движение провело 26 марта 1974 г. в округе Чамоли штата Уттар-Прадеш. Группа крестьянок из деревни Рени привязала себя к деревьям с тем, чтобы не позволить нанятым властями рабочим вырубать лес, к которому примыкала деревня. Женщины из Рени также потребовали от властей возвращения им традиционных прав на леса, которые в прошлом были предметом общинной собственности. Очень быстро подобные акции состоялись по всему региону, и к началу 1980-х гг. движение Чипко распространилось по всей Индии, что привело к выработке четкого списка требований к правительству и позволило прекратить вырубку лесов во многих частях страны. Примечательно, что хотя движение Чипко первоначально защищало не столько природу, сколько средства существования сельских жителей, именно оно заложило основу народных природоохранных идеологий и создало прецедент успешных ненасильственных форм протеста в духе Махатмы Ганди. Движение Чипко способствовало быстрому росту национального самосознания миллионов индийцев и достигло мировой известности.

Успехи движения Чипко повлияли на многих неравнодушных людей во всем мире, в том числе на Вандану Шиву, которая в 1970-е гг. изучала физику в Канаде и готовилась к карьере академического исследователя. Однако вместо работы в качестве физика она занялась междисциплинарными исследованиями в академических центрах Бангалора, сосредоточившись на вопросах экологической политики, сохранения биоразнообразия, генной инженерии и биотехнологиях. В 1980-е гг. она опубликовала серию работ, в которых подчеркивалось значение общественных экологических движений для судеб Индии¹, а их итогом стала ее книга «Остаться в живых: женщины, экология и выживание в Индии»². В этой книге Шива проанализировала культурно-исторический опыт индийского народа, связанный с защитой лесов, вод и почв, и впервые определила главный объект своих биоэтических размышлений – *выживание*.

Трактовка Шивой биоэтики как науки о выживании роднит ее с американским отцом биоэтики Ваном Ренсселером Поттером, который также рассматривал биоэтику как науку о выживании и на этой основе решил поставить перед ней более масштабные, «глобальные», задачи, не ограничиваясь только биомедицинской проблематикой³. Однако по вполне понятным причинам Поттер так и не смог преодолеть узких академических рамок, и его биоэтика в качестве науки о выживании во многом осталась всего лишь декларацией о намерениях. Напротив, Шива смогла придать своей биоэтике более динамичный, живой характер, связав ее с общественно-

¹Shiva V., Sharatchandra H.C., Bandopadhyay J. Social Economic and Ecological Impact of Social Forestry in Kolar. Bangalore: Indian Institute of Management, 1981; Bandopadhyay J., Shiva V. Chipko: India's Civilisational Response to the Forest Crisis. New Delhi: Indian National Trust for Art and Cultural Heritage, 1986.

²Shiva V. Staying Alive: Women, Ecology and Survival in India. New Delhi: Zed Press, 1988.

³Potter V.R. Bioethics: Bridge to the Future. Englewood Cliffs, NJ: Prentice-Hall, 1971.

политической практикой и вполне реальной борьбой за выживание миллионов простых людей.

В своем восприятии биоэтики Шива столкнулась с тем, что часть индийских интеллектуалов оказалась не способной увидеть практический аспект биоэтики и ее политический потенциал. Показателен в этом смысле ее ответ на публикацию Суман Сахай, в которой эта защитница биотехнологий и ГМО-продукции, оказавшаяся в 2013 г. в центре скандала, связанного с плагиатом в ее работах, заявила о бесполезности биоэтики для современной Индии. По словам Шивы, биоэтика не является для Индии излишней роскошью, напротив, она ей жизненно необходима. Однако ей необходима именно та биоэтика, которая будет выражать волю народа, а не корпоративные интересы транснациональных биотехнологических кампаний¹.

Предложенная Шивой биоэтика со временем стала философской основой движения за глобальную солидарность, известного как альтер-глобализм. Шива придерживается широко принятого мнения о том, что современная глобализация, навязанная развивающимся странам со стороны Запада, несправедлива и преступна, но вместо того, чтобы ее просто отрицать, необходим другой подход, основанный на справедливости и учете мнения всех наций и всех сообществ. Альтер-глобализм Шивы подчеркивает значимость не столько современной науки и технологий, сколько традиционных культурных практик, в которых аккумулирован опыт сотен поколений людей по всему миру. Эта «другая глобализация» также фокусирует внимание на роли тех знаний и мудрости, которые простые люди всегда использовали для своего выживания на Земле.

¹Sahai S. The Bogus Debate on Bioethics // *Biotechnology and Development Monitor*. 1999. No 30. March; Shiva V. Bioethics: A Third World Issue // <http://www.nativeweb.org/pages/legal/shiva.html> ; Visvanathan S., Parmar C. A Biotechnology Story: Notes from India // *Economic and Political Weekly*. 2002. Vol. 37 (27). P. 2714-2724.

Философским источником альтер-глобализма Шивы являются идеи Ганди. Одной из ключевых для Шивы выступает следующая мысль великого индийского мыслителя и общественного деятеля: «Я хочу, чтобы ветер культуры всех стран как можно свободнее веял у моего дома. Но я не хочу, чтобы он сбил меня с ног». Глобализация – это пример такого ветра чужой культуры, который, как свидетельствует Шива, способен сбить с ног все индийское общество. «Глобализация – это не кросс-культурное взаимодействие разных обществ; это вторжение одной культуры во все остальные»¹.

На протяжении более чем тридцатилетнего периода своей интеллектуальной и общественно-политической деятельности Шива уточняла и продолжает уточнять свои представления как о глобализации, так и о том, какие альтернативы ей следует предложить. Согласно ее представлениям, глобализация продолжается уже пять столетий и на протяжении всего этого времени западный мир, а теперь и его наследник – Глобальный Север – несет нищету и разорение остальной части человечества. На первом этапе, когда Колумб открыл Новый Свет, глобализация приняла форму колониализма – насильственного покорения «диких» и «варварских» народов с целью захвата их земли и овладения принадлежащих им природных богатств. Приблизительно с 1950 г., когда рухнула мировая система колониализма, бывшие колониальные державы предложили новую форму глобализации – «развитие», посредством которого весь мир был расчленен на «развитый» и «развивающийся». С этого времени Запад/Север стал осуществлять свое мировое господство через навязывание развивающемуся миру/Глобальному Югу различных программ развития, прославляемых как средство освобождения от нищеты и зависимости, но

¹Shiva V. Biopiracy: The Plunder of Nature and Knowledge. Cambridge, Mass: South End Press, 1997. P. 2.

фактически продолжающие эксплуатировать его новым способом. Развитый мир стал продавать свои «развитые» технологии в обмен на все те же природные богатства. Наконец, в настоящее время, после того как в 1995 г. была создана Всемирная торговая организация, начался третий этап глобализации, и Запад/Север стал навязывать остальному миру режим «свободной торговли», используя систему торговых норм и патентов. Кроме того, были разработаны еще более изощренные технологии - биотехнологии, позволяющие продолжать грабеж природных богатств третьего мира на фундаментальном биологическом уровне¹.

Шива показывает, что глобализация во все времена была и продолжает оставаться покорением и грабежом. Она ведет к ограблению и разорению природы, а через это к вымиранию традиционных культур по всему миру. Отказаться от глобализации уже невозможно, поскольку мир уже давно стал глобальным, и все культуры давно связаны между собой. Но нынешней, западной версии глобализации все же можно оказать сопротивление – в форме альтер-глобализма. Сопротивление должно происходить как в сфере практических действий, так и в области духовно-философской работы. Последнее особенно важно, поскольку позволяет освободиться от наследия колониализма нравственно и ментально. Претендующей на мировое господство философии глобализации Шива предлагает противопоставить альтернативную философию – философию выживания, или биоэтику. Она должна показать, что для выживания подавляющего большинства человечества важны не столько развитые технологии, сколько сохранение имеющихся природных богатств и тех знаний, которые позволяют людям уважительно ими пользоваться.

¹Shiva V. Biopiracy. P. 1-5.

В фокусе большинства работ Шивы всегда находились несколько взаимосвязанных тем – последствия глобализации для Индии и других стран третьего мира, проблемы в сфере экологии и здоровья, выживание, этическое отношение к природе, деятельность женских экологических движений (экофеминизм). Анализируя вопрос о последствиях глобализации, Шива вплоть до середины 1990-х гг. делала акцент на критике программ развития в сфере управления лесными, земельными и водными богатствами страны. С середины 1990-х гг. ей пришлось расширить круг своих критических исследований, связав проблематику глобализации с вопросами о последствиях распространения биотехнологий, биопиратстве и навязывании западных, прежде всего американских, правовых норм странам третьего мира, в частности системы патентов на объекты интеллектуальной собственности. Как и до этого, Шива усмотрела возможность для сопротивления глобализации в практике народных природоохранных движений, в использовании знаний о выживании, в обращении к идеалам социальной справедливости и гармоничного сосуществования с природой. Чтобы более обстоятельно ознакомиться с идеями Шивы, нам необходимо начать с ее ранних работ, в которых она размышляет о роли индийской национальной культуры и женских экологических движений в обеспечении выживания.

Главная из работ Шивы, позволяющая охватить весь круг ее исходных идей, – ее первая книга «Остаться в живых». В ней Шива выдвигает тезис о том, что программы развития, которые были внедрены в Индии почти сразу после освобождения страны от колониальной зависимости, оказались еще одной формой навязывания западного господства, «новым проектом западного патриархата». Развитие оказалось сопряжено с уничтожением «женского подхода» к природе, а также с вытеснением женщин из всех тех сфер жизни,

которые традиционно обеспечивали выживание семьи, - ухаживание за лесом, землей, домашними животными, водой. Идеология развития заключалась в том, чтобы в кратчайшие сроки повысить производительность лесного, сельского и водного хозяйства, но в итоге дело закончилось уничтожением природы, обнищанием сельского населения, принижением женщин, суицидами. По словам Шивы, западный образ мышления наделяет сакральным смыслом современное научное знание и экономическое развитие, но при этом жизнь и процессы, поддерживающие жизнь, лишаются своей святости. Для народов Индии свет западного Просвещения обернулся тьмой истребления жизни¹.

Одним из самых драматичных последствий программ развития стало уничтожение тропических лесов по всему миру. Начиная с 1950 г. их количество повсеместно сокращалось, сопровождаясь исчезновением тысяч видов растений и животных, а также ставя на грань вымирания миллионы людей, чье выживание было непосредственно связано с дарами леса. Индийский случай – один из самых трагических, поскольку население индийского субконтинента традиционно выживало за счет произрастающих в лесах плодов, лекарственных растений, коры и волокон, используемых для изготовления одежды и строительства жилищ. Истребление лесов горными, строительными и дорожными кампаниями является прямой угрозой выживанию миллионов индийских крестьян. Согласно Шиве, практика уничтожения лесов в современной Индии является продолжением прежней колониальной политики лесоводства, которая утвердилась в период британского правления. Чтобы ее прекратить, необходимы не только законодательные и судебные меры, но и более основательные действия, направленные на избавление от колониального наследия на

¹Shiva V. *Staying Alive*. P. XIV.

уровне нравственности и сознания. Помочь в этом может обращение к национальной культурной традиции, в том числе к ведической философии и идеям великих индийских мыслителей.

Одной из ключевых фигур на пути возрождения нравственности, с точки зрения Шивы, выступает великий Рабиндранат Тагор. В самом начале XX в. в своем «Таповане» он изложил основное кредо индийской цивилизации как цивилизации, рожденной в лесу. «Современная западная цивилизация строится из дерева и кирпича. Она укоренена в городе. Индийская же цивилизация отлична от нее и ведет свою родословную, духовную и материальную, не из города, а из леса. Главные идеи Индии берут начало в том, что человек был в единстве с деревьями, реками и озерами, избегал толпы. Тишина лесов помогала интеллектуальной эволюции человека. Культура лесов подпитывала культуру индийского общества. На эту культуру, выросшую в лесу, влияли различные процессы обновления жизни, которые всегда разыгрывались в лесу, от одного вида к другому, от сезона к сезону, различаясь цветом, звуком и запахом. Принцип единства жизни в ее разнообразии, демократический плюрализм стал принципом индийской цивилизации. Не будучи заключены в кирпич, дерево и железо, индийские мыслители всегда были окружены и связаны с жизнью леса. Живой лес был их убежищем, их источником пищи. Интимная связь между жизнью человека и живой природой стала источником знания. В этой системе знания природа не является мертвой и инертной силой. Опыт жизни в лесу делает в полной мере ясным, что живая природа – это источник света и воздуха, воды и пищи»¹.

¹Shiva V. Staying Alive. P. 55-56. См. также: Shiva V. Women in the Forest // James G.A. (ed.) Ethical Perspectives on Environmental Issues in India. New Delhi: S.B. Nangia, 1999. P. 73-74.

На протяжении, по меньшей мере, последних трех тысячелетий истории индийцам было присуще одушевлять всю окружающую их природу. Эта особенность национального мышления была отражена в древней ведической литературе, в том числе в так называемых «лесных книгах» - «Араньяках». Для индийцев лес всегда был живым, его населяли не просто животные и деревья, но Араньи – божества леса. Лес как таковой был высшим воплощением жизненных сил Ваны Дурги, матери Земли – древнейшего божества индуистского пантеона, считавшейся прародительницей всех живых существ, включая людей и богов. Индийские мыслители продолжали описывать лес как живое существо и в постведической литературе. Деревья леса по их функциональному статусу разделялись на восемь категорий, а процесс вегетации – на четыре категории. До британского завоевания Индии подавляющее большинство индусов постоянно или значительную часть года проводили в лесной чаще. Индийские женщины находили в лесу пропитание для своих семей. Вырубка деревьев, особенно имеющих статус священных, была строжайше запрещена, а если крестьянам приходилось рубить лес, то на место срубленных деревьев обязательно высаживались новые¹.

С приходом британцев начала утверждаться колониальная модель обращения с лесом. Шива называет ее в равной мере и «колониаторской», и «маскулинной». Колонизаторы не только занялись грабежом природных богатств Индии, но и попытались навязать индийцам свой одномерный экономический взгляд на лес как всего лишь строительный материал. В годы британского колониализма по всей Индии началось массовое уничтожение лесов. Самые крупные деревья вырубались для нужд британского флота. С середины XIX в. лес вырубался в интересах железнодорожных компаний, нуждав-

¹Shiva V. *Staying Alive*. P.56-61.

шихся в миллионах шпал. Вырубка лесов также сопровождала насильственное прикрепление индийцев к земле с тем, чтобы они занимались оседлым земледелием и регулярно платили налоги. Колонизаторы приняли специальные законы о лесе, регулирующие порядок вырубки и продажи ценных древесных пород. Эти законы всегда вызывали возмущение индийцев, а также постоянное сопротивление колонизаторским методам обращения с живой природой. Как утверждает Шива, движение Чипко было всего лишь одним из примеров такой борьбы индийцев против бездушно-коммерческого обращения с лесом¹.

Согласно Шиве, индийские женщины не только сделали возможным движение Чипко, но и способствовали распространению экологических и биоэтических идей в период, когда Индия боролась за свою независимость и сразу после ее обретения. Шива перечисляет много имен, останавливаясь особо на некоторых. В их числе ученица Ганди англичанка Мира Бен, которая в начале 1950-х гг. основала Ашрам Гопал в индийских Гималаях, где сначала ухаживала за коровами, а затем по совету Ганди переключилась на лесные исследования. Наблюдая, какие губительные последствия для крестьян вызывает обезлесивание их края, она стала писать книги о том, что только возрождение лесов способно избавить Индию от потоков, а народ – от голода.

Еще одно важное имя – Сарала Бен, также уроженка Англии, основательница Ашрама Лакшми в Каусани, где она учила людей о необходимости вернуться к нравственной жизни. Она участвовала в антиалкогольных кампаниях, а затем возглавила Чипко². В 1978 г. она написала книгу «Основные мысли о выживании в горах», в которой

¹Shiva V. *Staying Alive*. P. 61-67.

²Haberman D.L. *River of Love in Age of Pollution: The Yamuna River of Northern India*. Berkeley: University of California Press, 2006. P. 69-70.

прозвучали следующие слова: «Мы должны помнить, что главная роль горных лесов не в том, чтобы приносить доход, но сохранять климатический баланс всей северной Индии и плодородие долины Ганга. Если мы проигнорируем их экологическое значение ради кратковременной экономической выгоды, это будет пагубно для климата северной Индии и ужасным образом повлияет на циклы повторяющихся потопов и засух»¹.

Третье имя в этом ряду – Хима Деви. Она была участницей антиалкогольных кампаний 1965 г., а в середине 1970-х гг. участвовала в акциях Чипко. Кроме того, она лично прошла через десятки деревень, призывая индийских женщин организовывать все новые протесты против вырубки леса. Она проповедовала, что исчезновение лесов ведет к гибели животных, истреблению птицами посевов на полях и голоду в деревнях. В январе 1975 г. сестры Химы Деви начали 75-дневный поход из Уттар-каши в Каусани, чтобы мобилизовать там общественное мнение против вырубки лесов, а затем организовали еще один, 50-дневный поход в Наугон. Несколько лет подряд Хима Деви и ее сестры поднимали индийских крестьян на защиту своих лесов. Женщин из десятков деревень шли в леса и изгоняли оттуда лесозаготовителей. Они выстраивали живые цепи вокруг лесов, защищая их своими телами от лесорубов с их техникой, а также от полиции, сопровождавшей рабочих.

Оценивая борьбу женщин за сохранение лесов в Индии, Шива приходит к выводу, что они нашли в себе силы противостоять сразу двум типам мрачного колониального наследия. Им удалось бросить вызов колонизаторской модели лесного хозяйства, редуцирующей лес до уровня коммерческой стоимости, а также психологии местных мужчин, которые оказались колонизированы когнитивно, эко-

¹Цит. по: Shiva V. *Staying Alive*. P.72.

номически и политически. Используя гандистскую философию «сатьяграха», женщины Чипко смогли дать высокий урок нравственности своим мужьям и братьям, а также повлиять на государственную политику в сфере охраны природы¹.

Как показывает Шива, борьба индийских женщин за сохранение природы далеко не закончена. В последние десятилетия XX в. она отмечена новыми схватками, провокациями и откровениями. Анализируя трагический конфликт в долине Дуна, развернувшийся в марте 1987 г., Шива указала на то, что столь же ужасные последствия наряду с вырубкой лесов представляет собой добыча горными компаниями известняка и других пород, из которых сложены горы. Многолетняя добыча известняка в районе Най-кала привела к разрушению водоносных горизонтов в верховьях Дуна и последующему нарушению циклов разливов и засух в его среднем и нижнем течении. Начавшаяся экологическая катастрофа заставила местных активистов Чипко сплотиться в борьбе с владельцем горнодобывающей кампании, но ненасильственные формы протеста натолкнулись на вооруженное насилие, учиненное нанятыми компанией бандами².

Далекой от окончательного завершения оказалась и борьба за сохранение лесов. Столкнувшись с общественным сопротивлением массовым вырубкам, власти в качестве компромисса с общинами нередко прибегают к непопулярным действиям. Так, вместо ценных для населения плодовых тропических деревьев они предлагают высаживать «коммерчески» ценные эвкалипты. Кроме того, власти пытаются навязать сельским общинам свои программы «социального лесоводства» и «развития пустошей». Эти бесполезные и откровенно вредные для населения программы сталкиваются с упор-

¹Shiva V. *Staying Alive*. P. 77.

²Shiva V. *The Chipko Movement Against Limestone Quarrying in Doon Valley // Lokayan Bulletin*. 1987. Vol. 5 (3). P. 18-25.

ством женских общественных организаций, таких как Махила Мандал, занимающихся охраной остатков лесных чащ, высадкой продуктивных тропических деревьев и общественно-пропагандистской работой. Махила Мандал и другие женские группы самопомощи – это новая стадия развития идеологии Чипко, которая, по мысли Шивы, успешно борется за возрождение культуры ненасильственного лесоводства и возвращение человека к единству с природой¹.

В самом начале 1990-х гг. Шива сфокусировала свое внимание на политических и экологических аспектах выживания в связи с негативными последствиями реализации программ развития. Этому она посвятила целый ряд своих работ, в том числе книги «Экология и политика выживания», «Насилие зеленой революции», «Монокультуры разума» и др.² Первая из перечисленных здесь работ была написана ей в сотрудничестве с целой группой авторов и представляла собой академический взгляд на проблематику выживания в условиях утраты населением контроля над лесами и водами. Насыщенная огромным статистическим материалом, она дает широкое представление о том, каков был масштаб экологических проблем, охвативших Индию в 1960-1980-е гг., а также свидетельствует о драматических событиях, связанных с конфликтами из-за лесов и конфликтами из-за воды. В более концентрированном виде политический и экологический аспекты выживания обсуждаются Шивой в книге «Насилие зеленой революции». Остановимся на ней более подробно.

¹Shiva V. *Staying Alive*. P. 77-95.

²Shiva V. et al. *Ecology and the Politics of Survival: Conflicts over Natural Resources in India*. New Delhi: Sage, 1991; Shiva V. *The Violence of Green Revolution: The Third World Agriculture and Politics*. London: Zed Books, 1991; Shiva V. *Monocultures of the Mind: Biodiversity, Biotechnology and Agriculture*. New Delhi: Zed Press, 1993; Shiva V. *Women, Ecology and Health: Rebuilding Connection* // Shiva V. (ed.) *Close to Home: Women Reconnect Ecology, Health and Development*. New York: Earthscan, 1994. P. 1-9.

В центре внимания Шивы в этой книге - вопрос о том, как связаны между собой сельское хозяйство стран третьего мира, экология и политика. Согласно Шиве, «зеленая революция» в сельском хозяйстве, начавшаяся под лозунгами развития в 1950-е гг., не дала ожидаемых от нее результатов. Вместо повышения производительности сельского хозяйства она привела к конфликтам из-за исчезающих природных ресурсов. В Индии эпицентром этих конфликтов стал процветающий штат Пенджаб на севере страны, где постоянные межэтнические и межрелигиозные столкновения в 1980-е гг. были вызваны рукотворным экологическим кризисом и резким сокращением плодородных земель¹.

По планам идеологов «зеленой революции» в Индии и их западных наставников индийское сельское хозяйство, ориентированное на выживание и простейшее воспроизводство, следовало трансформировать в сельское хозяйство товарного типа, ориентированное на прибыль и способное поставлять свои продукты на международные рынки. С этой целью в Индию были начаты поставки сельскохозяйственной техники, химических удобрений, а также особых «высокопродуктивных» семян, призванных повысить урожайность. Как показывают дальнейшие события, «зеленая революция» не оправдала своих ожиданий. Урожайность, которую удалось повысить в первые годы, в дальнейшем пошла на убыль. Кроме того, был разрушен не только многовековой экономический уклад, но и хрупкий природный баланс в полузасушливых тропических регионах, таких как штат Пенджаб. Уже спустя двадцать лет интенсивного хозяйствования в Пенджабе началась деградация почв, стала ощущаться нехватка питьевой воды, сократилась площади под традици-

¹Shiva V. The Violence of Green Revolution: The Third World Agriculture, Ecology and Politics. London: Zed Books, 1991. P. 11-17.

онные культуры, обеспечивающие домохозяйства пищей. Не менее трагическими оказались последствия «зеленой революции» и в социальной сфере. Как показывает Шива, произошло вытеснение женщин из системы производства пищи и, как следствие, из пищевой цепи: лишившись роли главных производителей продовольствия, женщины утратили свой прежний статус: в крестьянских семьях девочки стали все больше недоедать, возросло число самоубийств среди вдов, детоубийств девочек и абортот зародышей женского пола.

Согласно Шиве, «зеленая революция» подорвала генетическое разнообразие многих экосистем в тропических регионах. Когда американский агроном Норман Борлоуг в 1950-е гг. вывел новые сорта пшеницы с коротким стеблем, устойчивой к полеганию, в мире родилась новая религия – религия «зеленой революции»¹. Последователи Борлоуга и стали главными идеологами «зеленой революции», апостолами ее религии. По рекомендации Борлоуга в 1963 г. в Мексике был создан Международный центр улучшения сортов пшеницы и кукурузы, который выступил в роли кузницы агрономических кадров, распространяющих новые агрономические знания в развивающиеся страны. С этого момента развернулись глобальные кампании по внедрению в севооборот «чудо-семян» Борлоуга, а также семян, выведенных в 13 научных сельскохозяйственных институтах, основанных с 1960 по 1973 гг. по всему миру с целью научного решения проблемы повышения урожайности.

Научно-техническое выведение новых сортов семян породило к жизни представление об их высокой урожайности. Однако, как показывает Шива, высокая урожайность как таковая является мифом. Более очевидным следствием применения высокоурожайных

¹Shiva V. The Violence of Green Revolution. P.61.

семян стало привнесение в природу генетического однообразия и нарушение устойчивости, за которым последовало появление новых разновидностей сельскохозяйственных вредителей и заболеваний у культурных растений.

Шива называет «зеленую революцию» рецептом для создания рукотворных пустынь. Традиционная система земледелия была успешной в сохранении плодородия почвы, тогда как пришедшая ей на смену система товарного земледелия привела к быстрому истощению почв – за счет посадки монокультур, использования химических удобрений и глубокой вспашки. Обещанный идеологами «зеленой революции» эффект от применения пестицидов также не был достигнут, поскольку применяемые химикаты быстро нарушили природный баланс между почвой, растительностью и животными и отравили существовавшую веками «сеть жизни». Вредители быстро смогли приспособиться к пестицидам, тогда как население, потребляющее токсичные продукты, приобрело проблемы со здоровьем. В Пенджабе интенсивный полив земель привел к их заболачиванию, а в прибрежных районах Индии началось засоление почв и фактическое выведение их из сельскохозяйственного оборота¹.

Спутником «зеленой революции» в земледелии стала так называемая «белая революция» в животноводстве, целью которой стало увеличить масштабы надоев молока. Как замечает Шива, в основу «белой революции» был положен редуccionистский западный подход, рассматривающий коров как простые машины для производства молока. Однако для самих индийцев коровы никогда не были живыми молочными машинами. Надеясь их сакральным статусом, индийцы отводили быкам и коровам центральное место во всей

¹Shiva V. The Violence of Green Revolution. P. 103-120. См. также: Shiva V. Staying Alive. P. 96-177.

системе сельского хозяйства. Главной задачей крупного рогатого скота было предоставление навоза для крестьянских полей, тогда как молоко как таковое никогда не было важным продуктом в индийской системе питания. Идеологи развития считали необходимым создавать крупные молочные фермы. Однако производимые молочные продукты оказались весьма дорогостоящими и мало востребованными у населения. Замена же скота в качестве тягловой силы на полях тракторами и машинами привела к уже отмеченным выше проблемам с деградацией почвы¹. В целом «белая революция» как дополнение к «зеленой» внесла дополнительный вклад в разрушение интегральной модели традиционной крестьянской экономики в Индии, подорвала сложившуюся веками систему выживания.

Шива предлагает оценивать последствия «зеленой революции» в политико-экологической перспективе. Ее основные итоги – снижение урожайности после непродолжительного ее роста в сельском хозяйстве, деградация земель, рост конфликтов из-за природных ресурсов, угроза выживанию миллионов крестьян в Индии. Рекомендуемая идеологами развития как некая совершенная технология, «зеленая революция» оказалась не чем иным как еще одной формой политической и технологической колонизации Индии. В XIX в. такой технологией оказался британский ткацкий станок, который бросил вызов традиционной индийской прялке, кормившей миллионы ткачей с их семьями. После изгнания британцев Запад/Глобальный Север вновь пытается колонизовать Индию, на этот раз с помощью «чудо-семян» и биотехнологий, бросающих вызов индийским крестьянам, земле и традиционным методам ведения сельского хозяйства².

¹Shiva V. *Staying Alive*. P. 153-156.

²Shiva V. *The Violence of Green Revolution*. P. 231-263.

Политико-экологический аспект выживания обсуждается Шивой и в книге «Монокультуры разума». Здесь ее главное внимание сосредоточено на таких составляющих развития, как использование монокультур в сельском хозяйстве стран третьего мира. В то время как использование химикатов привело к отравлению почвы и истреблению некоторых форм жизни, использование монокультур принесло с собой угрозу всему разнообразию форм жизни. Согласно Шиве, насилие, которое сопровождало «зеленую революцию», представляло собой насилие над природой и существующей долгие века человеческой культурой. Использование монокультур, поощряемое международными сельскохозяйственными институтами и идеологами развития, - это насилие над существующим в природе биоразнообразием, пример особого рода «био-империализма», который восторжествовал в странах первого мира и теперь угрожает третьему миру. Использование монокультур – это не только технологическая деятельность, но и умственная привычка.

Привычка мыслить с точки зрения монокультур, или «монокультура разума», ведет к тому, что все существующее в мире разнообразие, как биологическое, так и культурное, воспринимается в качестве сорняка, как угроза развитию¹. В этом смысле навязывание индийцам «чудо-семян» Борлоуга – то же самое, что и высаживание «чудо-деревьев» - эвкалиптов – на месте вырубленных тропических лесов². Для выживания миллионов индийских крестьян нужны не «экономически ценные» эвкалиптовые посадки, а полноценные леса, способные давать пять простых вещей – пищу, фураж для скота, топливо, волокна для изготовления одежды и жилищ, удобрения. Для обеспечения выживания людям нужны не монокультуры, а са-

¹Shiva S. *Monocultures of the Mind*. P. 5, 22-27.

²Ibid. P. 78-81.

мые разнообразные растения, способные быть как пищей, так и лекарством. Монокультуры интересны лишь Глобальному Северу, безжалостно потребляющему богатства Юга, но для самого Юга они – признак его очередной колонизации и угнетения.

Ссылаясь на индийский опыт, Шива показывает, что внедренные в годы «зеленой революции» монокультуры не смогли продемонстрировать своей устойчивости. В рамках традиционной системы сельского хозяйства было принято сажать разные культуры, и благодаря этому различию удавалось обеспечить выживание культурных растений перед угрозой вредителей и болезней. Регулярный севооборот, использование устойчивых к вредителям сортов культурных растений – все шло на пользу природе и человеку. Использование монокультур на одних и те же площадях в течение нескольких лет привело к росту числа вредителей и заболеваний среди растений, а значит и невозможности воспроизводить здоровые семена¹.

Торжество «монокультуры разума» ведет к уничтожению местных систем знания, всех тех культурных практик, которые обеспечивали выживание народов третьего мира на протяжении долгого времени. Следовательно, чтобы обеспечить выживание в новых условиях, необходимо вести работу по сохранению местных знаний, работу по «демократизации знания». Характерным примером предпринимаемой Шивой критики в адрес «монокультуры разума» является ее борьба за справедливое понимание биоразнообразия. В частности, она указывает на то, что в конце 1980-х гг. термин «биоразнообразие» стал иметь широкое хождение в международных гуманитарных кругах, его стали использовать представители Всемирного Банка, Всемирного Фонда Дикой природы и других институтов. Однако при этом точка зрения представителей третьего мира по во-

¹Shiva S. Monocultures of the Mind. P.56-59.

просу о биоразнообразии до сих пор не учитывается. Сложилась очередная форма глобальной несправедливости, когда все глобальные экологические проблемы приписываются исключительно Югу, а все меры по их разрешению почему-то остаются в исключительной компетенции индустриально развитых стран Севера¹.

Возвращаясь к проблематике выживания, Шива говорит о том, что знания представителей третьего мира о сохранении биоразнообразия имеют решающее значение. При этом женщины третьего мира являются во многом более компетентными экспертами по решению экологических проблем в своих странах, чем эксперты, представляющие индустриально развитый Север, или местные мужчины. В силу сложившейся практики разделения труда женщины всегда были вовлечены в «экономику выживания» и они лучше знают, что необходимо для их поля, леса или протекающей возле их дома реки. Для женщин третьего мира, замечает Шива, очевидно то, что неспособны увидеть другие эксперты – связь между проблемами экологии и здоровья. Женский взгляд способен увидеть естественный континуум между человеческим телом и телом Земли. Современный тропический лес умирает так же, как и человек, заразившийся СПИДом: в обоих случаях имеет место ослабление иммунитета, вызванное внешним воздействием – неумеренным использованием продуктов современного нефтехимического производства. Вот почему женщины в странах третьего мира говорят, что гибель тропических лесов от кислотных дождей является причиной распространения эпидемии синдрома приобретенного иммунодефицита².

¹Shiva V. et al. Biodiversity: Social & Ecological Perspectives. New York: Zed Books, 1991. P. 7-11.

²Shiva S. Women, Ecology and Health: Rebuilding Connection // Shiva V. (ed.) Close to Home: Women Reconnect Ecology, Health and Development. New York: Earthscan, 1994. P. 2.

С середины 1990-х гг. в философских размышлениях Шивы на первый план все чаще стал выходить вопрос о том, какую угрозу выживанию несет новая форма глобализации, связанная с установлением режима «свободной торговли», распространением биотехнологий и патентованных форм живых организмов. После официального создания в 1995 г. Всемирной торговой организации этот вопрос стал регулярно обсуждаться во всех публикациях Шивы. Угроза выживанию, которую она усмотрела в биотехнологической революции последней четверти XX в. и которую уже не раз обозначала в своих ранних работах, теперь стала ее основной заботой как в новых статьях и книгах, так и в общественно-политической работе.

Согласно Шиве, для стран третьего мира биотехнологическая революция стала ужасным продолжением «зеленой революции», которая сопровождалась насаждением монокультур в сельском хозяйстве и использованием химикатов. Вторжение биотехнологий в третий мир сопровождается новой степенью интеграции этих технологических агентов. Теперь химикаты и генетически модифицированные семена производят одни и те же транснациональные корпорации. Кампании «Доу», «Дюпон», «Эксон», «Мерк», «Пфайзер», «Монсанто» взяли в свои руки весь мировой рынок генетически модифицированного посевного материала и извлекают из этого колоссальные прибыли¹.

Как и предшествующая ей «зеленая революция», «биотехнологическая революция» в третьем мире была подана как способ повышения урожайности сельскохозяйственных культур более дешевым способом. Корпорации, производящие ГМ-семена, начали поставлять их в страны третьего мира, убеждая их правительства, что с помощью этих биотехнологических инноваций им удастся серьезно

¹Shiva V. *Staying Alive*. P. 95-100, 126-130.

улучшить свою продовольственную ситуацию и вырваться из нищеты. С точки зрения Шивы, все на самом деле выглядит совершенно иначе¹.

Во-первых, страны третьего мира никогда не были нищими и отсталыми. Такими их стремятся представить так называемые «развитые страны» Запада/Севера. Вот почему уже столько веков западный мир занимается откровенной эксплуатацией природных богатств третьего мира, используя для этого все средства – от неприкрытого насилия и грабежа в недавнем прошлом до обмана и навязывания своих ценностей и институтов в настоящем.

Во-вторых, поставка ГМ-семян в страны третьего мира сопровождается невиданным давлением на традиционную крестьянскую экономику. Используя правила ВТО, биотехнологические корпорации стремятся к тому, чтобы продавать свои более дешевые семена крупным агроконцернам, которые обязаны работать по навязанным им извне правилам и инструкциям, но при этом чинят массу препятствий мелким крестьянским хозяйствам, которые всегда были ориентированы на то, чтобы использовать экологически устойчивые и безопасные приемы хозяйствования. В частности, индийские крестьяне на протяжении тысячелетий с успехом производили и сохраняли качественные семена, обменивались ими между собой, но транснациональные корпорации делают все, чтобы лишить крестьян этой возможности. Поскольку запретить крестьянам использовать семена по своему усмотрению или лишить их свободы выбора в отношении семян в законодательном плане весьма затруднительно, корпорации нашли для этого простое технологическое решение.

¹Shiva V. The Deeper You Can Manipulate Living Structures the More You Can Control Food and Medicine: An Interview with Dr. Vandana Shiva // In Motion Magazine. 1998. August, 14.

В продаваемые ГМ-семена с самого начала была заложена особая «терминальная технология». Такие семена можно использовать в пищу, но они не могут произвести новое поколение семян. В результате хозяйства, которые начали покупать такие семена, уже через год-другой лишились собственного посевного материала и превратились в потребителей «дешевой» биотехнологической продукции, фактически в заложников транснациональных корпораций. В свою очередь, мелкие хозяйства, сталкиваясь с дороговизной и дефицитом «туземных семян» на местном сельскохозяйственном рынке, попадают в тяжелую ситуацию, оказываясь перед выбором между покупкой дешевых трансгенных семян и нехваткой средств на более качественный, но дефицитный посевной материал.

В-третьих, вмешательство биотехнологических корпораций в страны третьего мира сопровождается новыми формами насилия на всей природой. Движущей силой этого насилия выступает генная инженерия, методы которой состоят в том, чтобы нарушать все и всяческие границы как между экосистемами, так и между биологическими видами. Традиционные, «органические» методы земледелия состояли в том, чтобы в каждом регионе выращивался подходящий для него вид культурного растения. При этом если крестьянам необходимо было вывести новую, более продуктивную разновидность того же вида, то они использовали для этого семена того же самого растения: новый сорт пшеницы выводили из пшеницы, рис из риса и т.п. Генная инженерия пошла по другому пути. Новые ГМ-семена предназначены для того, чтобы выращивать их одним и тем же способом на всех континентах, игнорируя различия в экосистемах. При выведении же трансгенных семян происходит не просто конструирование новых биологических объектов с заданными свойствами, но и принудительное скрещивание совершенно разных ви-

дов. Корпорация «Монсанто» предлагает трансгенный хлопок, в котором ДНК хлопка скрещена с геном токсичной бактерии, в ДНК культурных растений встраиваются гены антибиотиков и т.д. Фактически в погоне за быстрой прибылью происходит нарушение традиционного природного равновесия с неизбежно непредсказуемыми последствиями.

Свои размышления об угрозах, которые несут новые биотехнологии и режим «свободной торговли» для выживания стран Третьего мира, Шива излагает в целом ряде работ¹. Нам представляется необходимым рассмотреть лишь некоторые из ее наиболее значимых идей.

Одна из центральных идей Шивы заключается в том, что вся современная система глобализации представляет собой не что иное как особую форму пиратства. Когда Колумб и другие западные охотники за богатствами впервые открыли Новый Свет, они принялись всеми способами грабить его. Чтобы делать это законным образом, Колумб и ему подобные добились предоставления им от коронованных особ Старого Света специальных письменных разрешений – патентов. В результате в их «юридической собственности» оказались земли, золото и даже аборигены, которых они стали беспощадно грабить, уничтожать и обращать в рабов. Современная система «свободной торговли», узаконенная Всемирной торговой организацией, где заглавную роль играют США и их политические союзники, делает почти то же самое. Но только на этот раз речь идет о том, чтобы грабить страны третьего мира более изощренным и цивили-

¹Shiva V. Biodiversity, Biotechnology and Profits // Shiva V. et al. Biodiversity: Social & Ecological Perspectives. P. 42-58; Shiva V. The Seed and the Earth: Biotechnology and the Colonisation of Regeneration // Shiva V. (ed.) Close to Home: Women Reconnect Ecology, Health and Development. New York: Earthscan, 1994. P. 128-143; Shiva V. Stolen Harvest: The Hijacking of the Global Food Supply. Cambridge, Mass: South End Press, 2000; Shiva V. Patents: Myths and Reality. New Delhi: Penguin Books, 2001.

лизованным способом, установив контроль над самими основами их биологического существования – пищей, лекарствами и даже самими телами. Такую новейшую форму пиратства Шива называет «био-пиратством».

По мысли Шивы, в отличие от истории пятивековой давности современная пиратская колонизация избирает своим объектом не территории, а внутренние пространства тел растений, животных и женщин. С помощью биотехнологий в научных лабораториях транснациональных корпораций происходит выделение генов, дальнейшие манипуляции с которыми подкрепляются оформлением «законных прав» на них в качестве собственности. Это могут быть как гены растительных, так и животных организмов. Это могут быть и человеческие гены, имплантируемые в организм суррогатных матерей в Индии. Тот, кто имеет доступ к фундаментальным основам жизни, кто владеет генами, кому принадлежат технологии, позволяющие манипулировать ДНК, - тот владеет и телами, в которых эти гены оказываются. Такова логика современного био-пиратства.

Как и во времена Колумба, био-пиратство существует при поддержке системы патентов. «Патенты – это средство защитить пиратский набег Запада на богатые народы не-Запада в качестве его законного права. С помощью патентов и геной инженерии нарезаются новые колонии. Земля, леса, реки, океаны и даже сама атмосфера, - все колонизируется, разрушается, подвергается загрязнению»¹. Био-пиратство оказывается возможным всякий раз, когда правительство той или иной страны третьего мира дает разрешение транснациональным корпорациям получать биологический материал из живых организмов, обитающих на своей территории. Био-пиратство происходит в тот момент, когда западные/северные юристы

¹Shiva V. Biopiracy. P. 5.

при молчаливом согласии таких правительств оформляют права корпораций на владение генами этих организмов в качестве собственности. Происходит все то же самое, что и во времена покорения Нового Света, когда туземные вожди за безделушки или из страха дарили захватчикам семена культурных растений, попугаев и своих дочерей. Но только на этот раз все оказывается еще хуже.

Получив доступ к генам живых организмов, современные биопиратские корпорации пытаются извлечь из этого еще большую прибыль. После того, как с помощью технологии эти гены подверглись биохимической переработке и из них были выведены «техно-семена», они вновь будут продаваться в страны третьего мира, но уже под другим названием и без какого-либо права и возможности для покупателя использовать их по своему усмотрению. Такие «техно-семена» оказываются на несколько порядков слабее «туземных» семян, и их будет невозможно вырастить без того, чтобы не отравить всю окружающую почву тоннами химикатов. Вот почему корпорация «Монсанто» начиная с 1996 г. навязывает всем свои трансгенные семена кукурузы, сои и хлопка в обязательном комплекте с гербицидом «Раундап». Продавая фермерам семена трансгенного хлопка «Боллгард», «Монсанто» в 1996 г. дополнительно взимало с фермерских хозяйств 75 долларов США «технологического сбора» за каждый гектар земли. Это дало ей дополнительную прибыль в объеме 51 миллион долларов. Если же говорить об издержках – биологических, экологических, социальных, – то все они были возложены на фермерские хозяйства, которые получили вместе с этими «техно-семенами» и ослабленные растения, и плохой урожай, и отравленную гербицидами почву. С помощью оформления прав на интеллектуальную собственность, корпорации, специализирующиеся на биотехнологии растений, организовали «несправедливую си-

стему тотальной приватизации выгод и тотальной социализации расходов»¹.

Еще одна важная мысль Шивы состоит в том, что современная глобализация лишает народы третьего мира самих основ существования, прежде всего, возможности самостоятельно производить пищу. На протяжении всей своей истории страны третьего мира всегда успешно производили для себя пищу, обходясь без поддержки извне. Теперь в условиях становления глобального рынка продовольствия и сельскохозяйственной продукции их стремятся превратить в глобальных потребителей продовольствия, произведенного с помощью западных биотехнологий. Но, как утверждает Шива, это ведет к тому, что их уделом все чаще становятся голод, некачественное питание и болезни.

Как утверждает Шива, выживание невозможно без пищи, поэтому все человеческие культуры создали свои локальные системы питания, в основе которых лежала способность самостоятельно контролировать посевной материал и вырастающий на полях урожай. Обладание семенами культурных растений всегда означало одно и то же: возможность обеспечить свою продовольственную безопасность и свое выживание. Индийские фермеры путем долгих проб и ошибок смогли вывести около 200 000 разновидностей сортов риса, каждый из которых обладал своими достоинствами и успешно произрастал в условиях конкретной местности. Обширные знания в области земледелия позволяли им справляться со всеми проблемами, переживать тяжелые периоды неурожая и голода. Однако в самом конце XX в. сложилась ситуация, когда прежние крестьянские знания о том, как выращивать хлеб и производить пищу, оказались перед угрозой исчезновения. В страны третьего мира вторглись транс-

¹Shiva V. Biopiracy. P. 36-37.

национальные корпорации, контролирующие все звенья системы продовольственной безопасности – выведение посевного материала, продажу семян, торговлю зерном.

К 2000 г. всего десять корпораций контролировали 32% рынка семян общей стоимостью 23 миллиарда долларов и 100% рынка ГМ-семян, произведенных с помощью генной инженерии. Они практически полностью контролировали глобальный рынок агрохимикатов и пестицидов. Всего пять корпораций контролировали глобальный рынок зерна. Такие гиганты как «Каргилл» и «Монсанто» оказали самое непосредственное участие на принятие Генерального соглашения о торговле и тарифах (ГАТТ), которое легло в основу создания ВТО¹.

Биотехнологическая революция, начавшаяся в индустриально развитых странах Севера, привела к достижению нового уровня изобилия, но при этом и к навязыванию новых форм зависимости странам третьего мира. Американские и европейские фермеры превратились в главных производителей продовольствия, продавая традиционным аграрным обществам третьего мира свою продукцию, выращенную с использованием ГМ-семян. Чтобы в странах Глобального Юга не возникало даже и мысли о сопротивлении этим намерениям, могущественные страны Севера стали навязывать им кабальные торговые соглашения в рамках режима «свободной торговли». Так «свободна» ли эта торговля, спрашивает Шива, или она является «принудительной»? Последствия таких принудительных соглашений в сфере «свободной торговли» уже в 1990-е гг. испытали на себе почти все страны третьего мира.

После того, как в 1992 г. США, Канада и Мексика подписали Североамериканское соглашение о свободной торговле, сельскохо-

¹Shiva V. Stolen Harvest. P.9.

заявленная продукция из США хлынула на мексиканский рынок. В результате этого всего за четыре года объем продовольственного импорта из США вырос в два с лишним раза. При этом более двух миллионов мексиканских крестьян полностью лишились работы, и еще около сорока миллионов впало в крайнюю бедность. Импорт сахара на Филиппины привел к быстрому разрушению местной экономики. Импорт риса в Кению привел к упадку местных крестьянских хозяйств, не способных конкурировать с дешевой зарубежной продукцией. Рост производства дешевой сои в США привел к быстрому развитию сопутствующих пищевых производств, наплыву дешевых, но не всегда качественных продуктов, разрушению локальных пищевых культур по всему миру¹.

Третья важная мысль Шивы, которая во многом подводит итог ее рассуждениям, состоит в том, что с несправедливостью глобализации должно и можно бороться. Целью этой борьбы должна быть свобода. При этом речь идет не о свободе, понимаемой в духе западного антропоцентризма, когда свобода сводится к свободе человека действовать в своих личностных интересах. Для Шивы речь идет о свободе, связанной с выживанием. Поэтому она заявляет о необходимости дать свободу семенам, дать свободу земле, воде, дать свободу силам регенерации, которые способствуют продолжению жизни. Это не просто свобода человека или ради человека. Это свобода человека и для человека как части живой природы, без которой человека уже просто не может быть. Борьба за свободу требует не только этических взглядов, но и практических действий.

Исследования Шивы о биопиратстве связаны с ее постоянным интересом к альтер-глобалистским проектам как в Индии, так и за

¹Shiva V. Stolen Harvest. P. 21-36.

ее пределами. Традиционно большое значение для нее имеют общественные движения, отстаивающие право на использование таких общих благ, как вода, лес и земля. Поддерживая, насколько это возможно, такие движения, Шива в работах 2000-х гг. начала формулировать свои биоэтические принципы, предлагая считать их основой альтер-глобальной модели демократии. В настоящий момент предлагаемая ей модель включает два основных элемента – «демократию воды» и «демократию земли».

Шива стала говорить о необходимости «демократии воды», когда столкнулась с многочисленными фактами превращения водных богатств планеты в товар, продаваемый с целью извлечения прибыли. Она всегда была внимательна к этой проблеме, но после того, как в 1995 г. Исмаил Серагельдин, вице-президент Всемирного Банка, заявил о том, что войны XXI в. будут войнами не из-за нефти, а из-за воды, она решила дать свой ответ по поводу «водной проблемы».

Согласно Шиве, вода не является неисчерпаемым природным богатством, но до недавнего времени ее всегда хватало для удовлетворения простейших нужд человечества. Однако с того момента, когда процессы глобализации охватили страны третьего мира, вода стала превращаться в стремительно исчезающее чудо природы. Причиной этому – политика ТНК, превращающих воду в товар, а также последствия осуществления программ развития в третьем мире. Исследуя международную торговлю водой, практику строительства дамб, горное дело, рыбные фермерские хозяйства, она показала, как происходит разорение Земли и лишение бедного населения его прав на воду в качестве драгоценного общего блага. Шива показала, что многие известные конфликты нашего времени, нередко закамуфлированные под этнические и религиозные войны,

такие, как палестинско-израильский конфликт, фактически оказываются конфликтами из-за скудных водных ресурсов.

Между тем на протяжении всей истории человечества вода никогда не была товаром. Она повсюду играла важную духовную роль, и поэтому попытки частных компаний приватизировать воду угрожают культурам и домохозяйствам на всей планете. Согласно Шиве, социальные движения, которые сегодня выступают против приватизации воды в разных странах, действуют с позиции справедливости, и их обязательно следует поддерживать. Таков, например, случай общественной кампании в крупном боливийском городе Кочабамба, где в 2000 г. граждане смогли победить Международный валютный фонд, приватизировавший городское водоснабжение, и сохранить за собой права на воду¹.

Отталкиваясь от таких случаев, как борьба за справедливое использование воды в Кочабамбе, Шива формулирует девять основных нравственных принципов своей «демократии воды»².

1. Вода – это природный дар.
2. Вода крайне важна для жизни.
3. Благодаря воде все формы жизни связаны между собой.
4. Вода как средство к существованию должна быть бесплатной.
5. Запасы воды ограничены и могут иссякнуть.
6. Воду необходимо беречь.
7. Вода – это общее благо.
8. Ни у кого нет права уничтожать воду.
9. Воду ничем заменить.

¹Shiva V. *Water Wars: Privatization, Pollution, and Profit*. Cambridge, Mass: South End Press, 2002.

²Shiva V. *Water Wars*. P. 35-36.

Предлагая поддержать основные идеи «демократии воды», Шива считает необходимым поддержать и «демократию земли». Как и «водный вопрос», «вопрос почвенный» всегда находился в фокусе ее внимания. С точки зрения Шивы, земля/почва – это общее благо, которое обеспечивает человеческое выживание. Однако в эру глобализации земле угрожает опасность уничтожения, сопоставимая с опасностью уничтожения лесов и воды. Площади, отводимые под пашню, стремительно сокращаются.

В странах третьего мира программы развития, проводившиеся под флагом «зеленой революции», привели к росту рукотворных пустынь и заболоченных пространств. Кроме того, нефтяные компании захватывают все новые территории, и это тоже ведет к сокращению площадей, на которых можно добывать и выращивать пищу. Анализируя современную ситуацию, связанную с климатическими изменениями, Шива соглашается с тем, что рост средней температуры на планете связан с растущим использованием углеводородного топлива. С ее точки зрения, проблема здесь не в углеводороде как таковом, а в неумеренных аппетитах компаний, которые получают прибыли на его продаже. Быстрое сокращение запасов ископаемого топлива – угля и нефти – толкает современных акул капитализма искать им замену, и здесь в качестве альтернативы называется, прежде всего, биотопливо. Как заявляет Шива, этот выбор несет с собой колоссальную опасность. Корпорации, которые планируют производить топливо из растительной массы, ради своих новых доходов уже готовы пойти на то, чтобы обречь на голод людей. Современный глобальный капитализм больше заинтересован в том, чтобы кормить машины, а не людей¹.

¹Shiva V. Soil Not Oil: Environment Justice in a Time of Climate Crisis. New York: South End Press, 2008. P. 77-94.

Согласно Шиве, топливная проблема действительно существует, но она не является наиболее значимой для человечества. Ее решение она связывает с использованием разнообразных источников топлива, т.е. с возвращением к традиционным стратегиям энергопотребления. Более важна проблема обеспечения продовольствием, поскольку выживание напрямую зависит от доступа к пище. Но продовольственную проблему нельзя решить, поддерживая глобальную экономику продовольствия. Транснациональные ТНК, олицетворяющие эту экономику, исходят из того, что необходимо делать ставку на индустриальную агрокультуру, ориентированную, в свою очередь, на уничтожение биоразнообразия. Следовательно, выживание возможно лишь путем возрождения локальных систем производства продовольствия, через отказ от посева монокультур и индустриальных методов ведения сельского хозяйства. Именно биоразнообразие выступает «нашим естественным капиталом» и «нашей экологической страховкой»¹. Органическое фермерство – это путь к выживанию. Каким бы это ни выглядело архаичным, но именно такой путь, по мнению Шивы, уберезет от исчезновения и миллионы крестьян на земле, и саму землю.

После многих лет своей философской и общественно-политической деятельности Шива продолжает размышлять об альтернативах для человечества, призванных обеспечить его выживание. Чтобы выжить, человечеству, по ее мнению, следует отказаться от практики «экологического апартеида» и, наконец, примириться с землей. Новый век на Земле начался с новых войн. Но это не только войны в Ираке, Афганистане и Ливии. Фактически это войны против земли, против воды, против леса, против климата, против всей

¹Shiva V. Soil Not Oil. P. 115.

природы. Современные военные конфликты, в которых гибнут люди, это еще и война человечества с самим собой¹.

Размышляя о примирении с землей, Шива имеет в виду не только обращение к правильной этической позиции, но и практические шаги в сфере публичной политики. Она вновь напоминает о том, что современный режим «свободной торговли» не создал повсеместное изобилие. Напротив, его порождением стали голод, эксплуатация, коварный обман. Поэтому, по ее мнению, следует вести борьбу с корпоративной формой всемирной торговли, с засильем транснациональных корпораций и идеологией экономического роста. Нет ничего важнее примирения с землей и выживания. Те общественные движения, которые это понимают, заслуживают поддержки и уважения, сколь бы примитивными и анархическими не казались их идеалы.

Исследования Шивы о глобализации, биопиратстве и биотехнологиях стали составной частью ее практической биоэтики как науки о выживании. Вместе с большой группой единомышленников Шива сделала серьезный шаг к тому, чтобы переместить биоэтику из пространства теоретических построений в поле реальной публичной политики, бросив открытый вызов глобализации в лице транснациональных корпораций.

В 1984 г. Шива приступила к осуществлению научного проекта по изучению возможностей защиты биологического и культурного разнообразия в Индии, которая была поддержана Фондом науки, техники и экологии. В 1991 г. на этой основе ею была создана неправительственная организация «Навдания», целью которой стало сохранение биоразнообразия, защита органического фермерства, прав

¹Shiva V. Making Peace with Earth. London: Pluto Press, 2013. P. 3-128.

крестьян и процесс сохранения семян. Выбранное для организации название было символичным. «Навдания» - «девять культур», представляющих собой коллективный источник продовольственной безопасности Индии¹.

Созданная Шивой «Навдания» занялась организацией по всей стране локальных крестьянских фондов, собирающих семена культурных растений и распространяющих их в качестве посевного материала среди нуждающихся домохозяйств. При поддержке «Навдания» в начале 2000-х гг. было создано 54 банка семян по всей Индии, более полумиллиона крестьян были обучены методам устойчивого ведения земледелия, создана сеть справедливой торговли семенами под лозунгом «Свобода семенам». На севере Индии в Уттранчале была открыта общественная Школа семян (Биджа Видьяпитх).

В 1994 г. возглавляемая Шивой «Навдания» организовала массовую кампанию против реализации Соглашения по торговым аспектам прав интеллектуальной собственности (ТРИПС), принятого ВТО. Поскольку это Соглашение предусматривало расширение возможности регистрации патентов на различные продукты биотехнологий, в том числе на генетически модифицированные формы жизни, то «Навдания» заявила о прямой угрозе этой международной правовой нормы для существующих форм жизни и выживания крестьян в развивающихся странах. Шива указала на то, что принятие Соглашения отвечает лишь интересам транснациональных компаний².

Примером успешной борьбы против глобализации в форме «свободы торговли» стала начатая в 1994 г. кампания за возвраще-

¹Introduction in Navdanya // <http://www.navdanya.org/about-us>

²Shiva V. The Role of Patents in the Rise of Globalization: An Interview with Vandana Shiva // In Motion Magazine. 2004. March, 28.

ние достоинства дереву ним (Мелия индийская или Маргоза). Поводом для начала кампании стало известие о том, что американская агрохимическая корпорация «В.Р. Грейс» зарегистрировала патент на право производства из семян ним экологически чистого пестицида для последующей продажи его на мировом рынке. Западный мир открыл уникальные свойства дерева ним лишь в 1959 г., но в индийской культуре об этом знали всегда. Ним почиталось индусами как священное дерево, из которого изготавливались действенные лекарства от многих болезней. Его плоды, листья, кора, ветки использовались как средство личной гигиены, контрацепции, как топливо, инсектицид и т.д. Задевая ветки дерева ним, индеец традиционно испытывал священный трепет и ни в коем случае не пытался причинить ему вред. Поэтому когда стало известно о биопиратстве корпорации «В.Р. Грейс», больше миллиона индийцев вышли на улицы Бангалора, протестуя против патента и попытки отнять у них права на их священное дерево ним. После этого последовало еще несколько лет упорной борьбы, в ходе которой Шиве и ее коллегам из «Навдании» пришлось сражаться с юристами корпорации и чиновниками Европейского Бюро Патентов. В итоге 10 мая 2000 г. Бюро отозвало выданный корпорации патент назад, а индийский народ вернул себе естественное право на использование дерева ним в качестве национального достояния¹.

Примером еще одной успешной кампании против глобального биопиратства стала борьба против американской кампании «Рис-Тех», которая смогла запатентовать свои права на использование генетического материала ароматического риса басмати. В 1998 г. «Навдания» возглавила борьбу индийцев за возвращение им права

¹4-Patents: Vandana Shiva on the Neem Tree and Freedom from Western Bio-piracy // The Hindustan Times, India. 2000. June, 9.

считать рис басмати своим национальным достоянием на основании того факта, что этот вид риса веками использовался в национальной кухне и потому не был «открыт» западными учеными. После трех лет борьбы 14 августа 2001 г. этот патент был отозван, а биопиратская корпорация лишилась своих миллионных прибылей¹.

Третьим примером успешных действий стала борьба «Навдании» против самой одной из самых могущественных биотехнологических корпораций – «Монсанто». В мае 2003 г. Европейское Бюро Патентов в Мюнхене зарегистрировало право «Монсанто» на использование в своих коммерческих интересах некоего биологического объекта под названием «растение». Однако Шива и ее коллеги вскоре узнали, что под этим названием скрывается знаменитая индийская пшеница Нап-Ал. При поддержке «Гринпис» и фонда «Бхарат Кришак Самадж» «Навдания» смогла провести успешную кампанию против этого очередного несправедливого решения, которая завершилась тем, что в октябре 2004 г. и этот патент был отозван, а биопираты понесли очередное поражение².

Общественно-политическая борьба Шивы и ее единомышленников против транснациональных корпораций-биопиратов продолжилась и после этого. Такие ТНК, как «Монсанто», постоянно находятся в поле зрения Шивы, поскольку биопиратские планы глобальных охотников за прибылями нисколько не изменились после нескольких поражений. Возможно, именно благодаря усилиям Шивы и ее сподвижников на территории Индии «Монсанто» чувствует себя не столь уверенно, как в других местах. Тем не менее корпорация по-прежнему причиняет вред индийской природе и

¹Loots L. The Gender Implications of Biopolitics with Special Reference to Southern Africa // Agostino A., Ashton G. (eds.) A Patented World? Privatisation of Life and Knowledge. Johannesburg: Jacana Media, 2006. P. 144.

²Vandana Shiva: Controversy over Biopiracy in India & Developing World // Z Mag. 2007. November, 16.

обществу. В 2000-е гг. «Монсанто» стала продавать на индийском рынке семена генетически модифицированного хлопчатника (Вт-хлопок). Поскольку долговые сети были расставлены весьма умело, в них вскоре попали тысячи крестьянских хозяйств, традиционно занимавшихся выращиванием хлопка. Не имея возможности свободно распорядиться «терминально обработанными» ГМ-семенами, многие фермеры вскоре нажили большие долги и начали разоряться. Из-за долгов во многих хлопководческих районах страны начались самоубийства. Борьба против грабительской политики «Монсанто» разгорелась с новой силой в мае 2013 г. Шива возглавила массовый марш против американской корпорации, который привлек к себе внимание многочисленных СМИ и ответную злобную реакцию ее оппонентов¹.

Шива является общественным деятелем международного масштаба. В январе 1994 г. в ответ на заключение Североамериканского соглашения о свободной торговле (NAFTA) и связанного с этим нового этапа глобализации в Сан-Франциско был проведен Международный форум по глобализации. Впоследствии он стал постоянно действующим органом международного экспертного сообщества антиглобалистов со своим советом директоров. Шива вошла в состав совета Международного форума, включившись в дискуссии о последствиях экономической глобализации и долговременной экологической стабильности. В качестве одного из авторов докладов, публикуемых форумом, Шива сосредоточилась на вопросе о глобализации как войне против природы и народов стран Глобального Юга².

¹ Shiva V. The Seeds of Suicide: How Monsanto Destroys Farming // Global Research. 2013. June, 24.

²Shiva S. War against Nature and the People of the South // Anderson S. (ed.) Views from South: The Effects of Globalization and the WTO on the Third World. Chicago: Food First Books, 2000. P. 91-125.

Международная активность Шивы позволяет ей взаимодействовать с теми политическими силами, которые ставят в свою повестку дня вопросы о глобальной справедливости и экологии. В последнее время Шива тесно взаимодействует с Социалистической рабочей партией Испании и входит в действующий при ней научный комитет, известный как Фонд IDEAS. Название Фонда – это аббревиатура, составленная из слов «равенство», «права», «экология», «действие», «солидарность»¹.

Шива также вошла в состав Временного комитета созданной в 2012 г. Международной организации за общество с участием граждан (IOPS). В рамках этой глобальной сети экспертов и общественных деятелей Шива символизирует собой голос Глобального Юга, борющегося за улучшение современного мира².

Широкая известность Шивы и востребованность ее идей способствуют тому, что ее доклады, книги и фильмы распространяются по всему миру, а различные общественные организации и фонды своими наградами отмечают ее вклад в борьбу за более справедливый глобальный мир.

¹<http://acelebrationofwomen.org/2013/03/dr-vandana-shiva-woman-of-action/>

²<http://www.iopsociety.org/interim-committee>

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Биоэтическое движение чем-то напоминает растущее дерево, корни которого уходят глубоко в почву, а на стволе появляются все новые ветви. Когда Артур Каплан сказал, что «биоэтика родилась из пепла Холокоста», то этим он дал понять, что трагические уроки нацизма столь же важны для возникновения биоэтической мысли, как и научный прогресс второй половины XX в. Когда генерал Телфорд Тейлор на Нюрнбергском процессе заявил, что мы не можем довольствоваться тем, чтобы просто доказать, что были совершены медицинские преступления, этим он указал на то, что должны быть осмыслены все причины, по которым стали возможны бесчеловечные медицинские эксперименты нацистов. Когда судьи Нюрнбергского трибунала впервые провозгласили десять основных принципов «Нюрнбергского кодекса», с их помощью они попытались наметить тот путь, по которому отныне следовало развиваться биомедицинским исследованиям, невозможным без участия в них человека.

Изучение биоэтики в ее историческом контексте позволяет судить о том, что даже самые важные уроки из прошлого не всегда удается усвоить сразу. В своем развитии биомедицина и биотехнологии, как и научно-технический прогресс в целом, постоянно ускользают из-под общественного контроля. Когда следствием этого оказываются чьи-то несправедливые страдания, то это означает, что уроки Нюрнберга и память жертв Холокоста предаются забвению.

Растущее древо биоэтического движения обрастает все новыми ветвями. С принятием «Хельсинкской декларации» медицинским сообществом впервые было признано, что экспериментальная медицина не может развиваться без формулирования четких этических требований к исследователям и самому процессу исследования. Однако формулирование этих требований продолжается и по сей день, поскольку биоэтическая мысль вынуждена все время следовать за драматическими достижениями научно-технического прогресса.

Стремительное развитие биомедицины в послевоенный период, повлекшее за собой разнообразие инструментальных вмешательств в человеческий организм, привело к появлению широкого комплекса этических, правовых и социальных проблем, новых как для медицинской практики, так и для общественного сознания. Технологии жизнеобеспечения, пересадки органов, манипуляции с человеческими эмбрионами, – эти и другие достижения биомедицины привели к пониманию того, что привычных в прошлом границ между медицинскими и этическими решениями не существует. В сложившейся новой культурной ситуации биоэтика последовала за биомедициной, став не столько тормозом, сколько своеобразным ремнем безопасности в мчащейся на огромной скорости машине научно-технического прогресса.

Американский опыт свидетельствует о том, что решающими факторами «первой волны» биоэтического движения стала, с одной стороны, приверженность общества технологическим инновациям, а с другой – характерный для США культурный, религиозный и политический плюрализм. В условиях, когда монополией на истину не обладает ни одна из общественных групп, биоэтическая оценка использования биомедицинских инноваций стала делом различных

комиссий и комитетов, в том числе на самом высоком государственном уровне. Российский опыт, характеризуемый как феномен «третьей волны», показывает жизнеспособность преимущественно академических форм биоэтического движения.

Успехи генетики и генно-инженерные манипуляции с биологическим материалом человека сделали возможными не только новые формы лечения, но и некоторые методы улучшения человеческой природы. Сознание того, что технологии обладают способностью раздвинуть границы человеческих возможностей, на рубеже двух последних тысячелетий породило идеологию трансгуманизма. Некоторые увидели в этом шанс для решения веками копившихся человеческих проблем, другие – серьезную опасность для нашего человеческого будущего. Для вступающей в XXI в. биоэтики вопрос о трансгуманистических проектах изменения человека стал новым поводом задуматься о целях прогресса и судьбах современного общества.

Прогресс биомедицины является составной частью научно-технического прогресса в целом. Манипуляции с человеческой биологией отражаются эхом в не менее масштабных технологических манипуляциях над биосферой в целом. Осознание хрупкости человеческой природы родилось в тот же момент, что и осознание хрупкости природы как таковой. Способом осознания этого стала глобальная этика, предложенная Ваном Поттером в качестве «моста в будущее» для всего человечества, а также в качестве особой науки о выживании.

Биоэтическое движение в развитых странах связано с образом сравнительно небольшой группы экспертов, рационально оценивающих этические, правовые и социальные последствия развития науки и техники, тогда как в странах третьего мира биоэтика стано-

вится средством страстной борьбы за права многомиллионных сообществ жить в согласии с заветами предков и полной гармонией с окружающим миром. Бескомпромиссная борьба индианки Ванданы Шивы за справедливость и выживание в условиях новейшего глобализма свидетельствует о том, что у биоэтического движения имеется огромный потенциал.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Аналитические материалы по проекту Анализ нормативно-правовой базы в области прав человека в контексте биомедицинских исследований и выработка рекомендаций по ее усовершенствованию» / гл. ред. Б.Г. Юдин. М.: Изд-во Моск. гуманит. ун-та, 2007.
2. Арьес Ф. Человек перед лицом смерти. М.: Прогресс, 1992.
3. Баев А.А. Ключи от шифра. О программе «Геном человека» // Человек. 1990. № 1. С.13-19.
4. Белкина Г.Л., Корсаков С.Н. И.Т. Фролов и становление отечественной биоэтики // Биоэтика и гуманитарная экспертиза. Вып. 2. М.: ИФ РАН, 2008. С. 18-54.
5. Вайндлинг П. Тиф, паразиты и поиски вакцины в годы Второй мировой войны // Болезнь и здоровье: новые подходы к истории медицины / под общ. ред. Юргена Шлюмбома, Михаэля Хагнера, Ирины Сироткиной. СПб.: Европейский университет в Санкт-Петербурге, Алетейя, 2008. С. 260-293.
6. Введение в биоэтику: учеб. пособие / отв. ред. Б.Г. Юдин, П.Д. Тищенко. М.: Прогресс-Традиция, 1998.
7. Генетика человека: ее философские и социально-этические проблемы. Круглый стол «Вопросов философии» // Вопросы философии. 1970. № 7. С. 106-115; № 8. С. 125-134.
8. Гуманитарные ориентиры научного познания: сборник статей. К 70-летию Бориса Григорьевича Юдина / отв. ред. П.Д. Тищенко. М.: Навигатор, 2014.

9. Колчинский Э.И. Биология в Германии и России – СССР в условиях социально-политических кризисов первой половины XX века. СПб.: Нестор-История, 2006.

10. Кубарь О.И. Роль России в истории и современном развитии этической концепции в биологии и медицине // Биоэтика: Федеральный научно-практический журнал. 2011. № 1 (7). С. 15-17.

11. Леопольд О. Календарь песчаного графства. М.: Мир, 1980.

12. Лопухин Ю.М. Биоэтика в России // Вестник Российской Академии наук. 2001. Т. 71. № 9. С. 771-774.

13. Мур Ф. История пересадок органов. М.: Мир, 1973.

14. Новые технологии и продолжение эволюции человека? Трансгуманистический проект будущего / ред. В. Прайд и В.А. Коротаяев. М.: ЛКИ, 2008.

15. Нюрнбергский кодекс // Аналитические материалы по проекту «Анализ нормативно-правовой базы в области прав человека в контексте биомедицинских исследований и выработка рекомендаций по ее усовершенствованию» / гла. ред. Б.Г. Юдин. М.: Изд-во Моск. гуманитар. ун-та, 2007. С. 47-49.

16. Покровский Н.Е. Генри Торо. М.: Мысль, 1983.

17. Резолюции 1-й сессии Генеральной Ассамблеи Организации Объединенных Наций. Нью-Йорк, 1946.

18. Сетон-Томпсон Э. Моя жизнь. Маленькие дикари. М.: Политиздат, 1991.

19. СС в действии. Документы о преступлениях СС. М.: Светотон, 2000.

20. Тищенко П.Д. Биовласть в эпоху биотехнологий. М.: ИФ РАН, 2001.

21. Тищенко П.Д. Ген-этика // Человек. 1996. № 6. С. 67-76.

22. Тищенко П.Д. На гранях жизни и смерти: философские исследования оснований биоэтики. СПб.: Мир, 2011.

23. Тищенко П.Д. Новейшие биомедицинские технологии: философско-антропологический анализ (Анализ идей либеральной евгеники Ю. Хабермасом) // Вызов познанию: Стратегии развития науки в современном мире. М.: Наука, 2004. С. 309-332.

24. Тищенко П.Д. Человек-NBICSc-машина: истолкование смысла // Рабочие тетради по биоэтике. Вып. 13: Человек-NBICSc-машина: исследование метафизических оснований инновационных антропотехнических проектов: сб. науч. ст. / под ред. П.Д. Тищенко. М.: Изд-во Моск. гуманит. ун-та, 2012. С.17-28.

25. Тищенко П.Д. Человек-машина: модель и идея проекции в философии Л. Нуаре // Рабочие тетради по биоэтике. Вып.15: Человек-машина: сб. науч. ст. / под ред. П.Д. Тищенко. М.: Изд-во Моск. гуманит. ун-та, 2013. С.5-48.

26. Торо Г.Д. Уолден, или Жизнь в лесу. М.: Изд-во АН СССР, 1962.

27. Фролов И.Т. Философские и социальные проблемы науки и техники // Вестник Академии Наук СССР. 1988. № 8. С. 19-28.

28. Фролов И.Т., Юдин Б.Г. Этика науки: Проблемы и дискуссии. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009.

29. Фуко М. Воля к знанию // Фуко М. Воля к истине: по ту сторону власти, знания и сексуальности. М.: Касталь, 1996. С. 97-268.

30. Фукуяма Ф. Великий разлом. М.: Аст, 2008.

31. Фукуяма Ф. Конец истории и последний человек. М.: Аст, 2004.

32. Фукуяма Ф. Наше постчеловеческое будущее: Последствия биотехнологической революции. М.: Аст, 2004.

33. Юдин Б.Г. «К биоэтике я шел непростым путем» // Знание, понимание, умение. 2006. № 1. С. 92-100.

34. Юдин Б.Г. На пути к трансчеловеку // Гуманитарные ориентиры научного познания: сб. статей. К 70-летию Бориса Григорьевича Юдина / отв. ред. П.Д. Тищенко. М.: Навигатор, 2014. С. 341-351.

35. Юдин Б.Г. Трансгуманизм – наше будущее? // Человек. 2013. № 4. С 5-17.

36. Юдин Б.Г. Ю.М. Лопухин и развитие биоэтики в России // Вестник Российской академии медицинских наук. 2009. № 10. С. 49-53.

37. 4-Patents: Vandana Shiva on the Neem Tree and Freedom from Western Biopiracy // The Hindustan Times, India. 2000. June, 9.

38. Abram M.D., Wolf S.M. Public Involvement in Medical Ethics: A Model for Government Action // New England Journal of Medicine. 1984. Vol. 310 (10). P. 627-632.

39. Alexander L. Medical Science under Dictatorship // The New England Journal of Medicine. 1949. Vol. 241 (2). P. 39-47.

40. Alexander S. They Decide Who Lives, Who Dies // Life. 1962. November 9. P. 103.

41. Allchin D. Rachel Carson & Silent Spring // Hagen J., Allchin D., Singer F. (eds.) Doing Biology. Glenview, Il.: Harper Collins, 1996. P. 185-196.

42. Alternative Sources of Human Pluripotent Stem Cells: A White Paper. Washington, DC, 2005.

43. Annas G. American Bioethics: Crossing Human Rights and Health Law Boundaries. Oxford: Oxford University Press, 2005.

44. Annas G. Mengele's Birthmark: The Nuremberg Code in United States Courts // Journal of Contemporary Health Law and Policy. 1991. Vol.7 (1). P. 11-45.

45. Annas G.S., Grodin M.A. The Nuremberg Code // Emmanuel E.J. et al. (eds.) The Oxford Textbook of Clinical Research Ethics. Oxford: Oxford University Press, 2008. P. 136-140.

46. Ashcroft R.E. The Declaration of Helsinki // Emanuel E.L. et al. (eds.) The Oxford Textbook of Clinical Research Ethics. Oxford: Oxford University Press, 2008. P. 141-148.

47. Baker R. Deciphering Percival's Code // Baker R., Porter D., Porter R. (eds.) The Codification of Medical Morality: Historical and Philosophical Studies of the Formalization of Western Medical Morality in the Eighteen and Nineteenth Centuries. Vol.1: Medical Ethics and Etiquette in the Eighteenth Century. Dordrecht: Kluwer Academic Publishers, 1993. P. 179-212.

48. Baker R.B. Introduction // Baker R.B. (ed.) The Codification of Medical Morality: Historical and Philosophical Studies of the Formalization of Western Medical Morality in the Eighteen and Nineteenth Centuries. Vol.2: Anglo-American Medical Ethics and Medical Jurisprudence in the Nineteenth Century. Dordrecht: Kluwer Academic Publishers, 1995. P. 1-22.

49. Bandopadhyay J., Shiva V. Chipko: India's Civilisational Response to the Forest Crisis. New Delhi: Indian National Trust for Art and Cultural Heritage, 1986.

50. Barber B., Lally J., Makarushka J., Sullivan D. Research on Human Subjects: Problems of Social Control in Medical Expectation. New York: Sage, 1973.

51. Barondess J.A. Medicine against Society: Lessons from the Third Reich // Journal of American Medical Association. 1996. Vol. 276 (20). P. 1657-1661.

52. Beauchamp T. The Belmont Report // Emanuel E.J. et al. (eds.) The Oxford Textbook of Clinical Ethics. Oxford: Oxford University Press. 2008. P. 149-155.

53. Beauchamp T.L., Childress J.F. Principles of Biomedical Ethics, 4th ed. New York: Oxford University Press, 1994.
54. Beecher H. Research and the Individual: Human Studies. Boston: Little Brown, 1970.
55. Beecher H.K. Ethics and Clinical Research // The New England Journal of Medicine. 1966. Vol. 274 (24). P. 367-372.
56. Behnke J.A., Bok S. (eds.) The Dilemmas of Euthanasia. Garden City, NY: Anchor Press, 1975.
57. Berg P., Singer M.F. The Recombinant DNA Controversy: Twenty Years Later // Proceedings of the National Academy of Science. 1995. Vol.92. P. 9011-9013.
58. Berger R.L. Nazi Science-The Dachau Hypothermia Experiments // The New England Journal of Medicine. 1990. Vol. 322 (20). P. 1435-1440.
59. Beyond Therapy: Biotechnology and the Pursuit of Happiness. Washington, DC, 2003.
60. Bostrom N. A History of Transhumanist Thought // Journal of Evolution and Technology. 2005. Vol. 14 (1). P. 1-25.
61. Bowler P.J., Morus I.R. Making Modern Science: A Historical Survey. Chicago: University of Chicago Press, 2005.
62. Brandt A.M. Acquired Immune Deficiency Syndrome (AIDS) // Kiple K.F. (ed.) The Cambridge World History of Human Disease. Cambridge: Cambridge University Press, 1993. P. 547-551.
63. Brock D.W. Public Policy and Bioethics // Post S.G. (ed.) Encyclopedia of Bioethics, 3rd edition. New York: Macmillan, 2004. Vol. 4. P. 2237-2238.
64. Bullger R.E., Bobby E.M., Fineberg H.V. (eds.) Society's Choices: Social and Ethical Decision Making in Biomedicine. Washington, DC: National Academy Press, 2001.

65. Bynum W.F., Hardy A., Jacyna S., Lawrence C., Tansey E.M. *The Western Medical Tradition 1800 to 2000*. Cambridge: Cambridge University Press, 2006.
66. Callahan D. *Bioethics* // Post S.G. (ed.) *Encyclopedia of Bioethics*, 3rd edition. New York: Macmillan, 2004. Vol. 1. P. 277-287.
67. Callahan D. *Bioethics as a Discipline* // *Hastings Center Studies*. 1973. Vol. 1 (1). P. 66-73.
68. Callahan D. *Ethics from the Top Down: A View from the Well* // Kopelman L.M. (ed.) *Building Bioethics: Conversations with Clouser and Friends on Medical Ethics*. Dordrecht: Kluwer Academic Publishers, 1991. P. 25-27.
69. Callahan D. *Morality and Contemporary Culture: The President's Commission and Beyond* // *Cardozo Law Review*. 1984. Vol. 6. P. 347-356.
70. Callicott J.B. *Companion to a Sand County Almanac: Interpretive and Critical Essays*. Madison, Wis.: University of Wisconsin Press, 1987.
71. Callicott J.B. *Environmental Ethics* // // Post S.G. (ed.) *Encyclopedia of Bioethics*, 3rd edition. New York: Macmillan, 2004. Vol. 2. P. 757-776.
72. Capron A.M., Kass L. *A Statutory Definition of the Standards for Determining Human Death: An Appraisal and a Proposal* // *University of Pennsylvania Law Review*. 1972. Vol. 121 (1). P. 87-118.
73. Carson R. *Silent Spring*. Boston: Houghton Mifflin, 1962.
74. Carson R.L. *Silent Spring*. 40th ed. Boston: Houghton Mifflin, 2002.
75. Chiarelli B. (ed.) *Global Bioethics – Perspective for Human Survival*. Rijeka: In Tech, 2011.
76. Clegg H. *Human Experimentation* // *World Medical Journal*. 1960. Vol. 7 (1). P. 77-79.

77. Cloning Human Beings: Report and Recommendations of the National Bioethics Advisory Commission. Rockville, MD, 1997.

78. Clouser K.D. Biomedical Ethics: Some Reflections and Exhortations // *The Monist: An International Quarterly Journal of General Philosophical Inquiry*. 1977. Vol. 60 (1). P. 47-61.

79. Crawford S.C. Hindu Bioethics for the Twenty-first Century. Albany, NY: State University of New York Press, 2003.

80. Deciding to Forego Life-Sustaining Treatment: A Report on the Ethical, Medical, and Legal Issues in Treatment Decisions. Washington, DC: Government Printing Office, 1983.

81. Declaration of Helsinki: Recommendations Guiding Doctors in Clinical Research (1964) // *Bulletin of the World Health Organization*. 2008. Vol. 86 (8). P. 652.

82. Defining Death: A Report on the Medical, Legal and Ethical Issues in the Determination of Death. Washington, DC: Government Printing Office, 1981.

83. Deichmann U. Biologists under Hitler. Cambridge, Mass: Harvard University Press, 1996.

84. Draft Code of Ethics of Human Experimentation // *British Medical Journal*. 1962. Vol. 2 (5312). P. 1119.

85. Engelhardt Jr. H.T. Moral Knowledge, Moral Narrative, and K. Danner Clouser: The Search for Phronesis // Kopelman L.M. (ed.) *Building Bioethics: Conversations with Clouser and Friends on Medical Ethics*. Dordrecht: Kluwer Academic Publishers, 1991. P. 51-68.

86. Ethical and Policy Issues in Research Involving Human Participants: Summary. Bethesda, MD, 2001.

87. Ethical and Political Issues in International Research: Clinical Trials in Developing Countries. Vol.1: Report and Recommendations of the National Bioethics Advisory Commission. Bethesda, MD, 2001; Vol. 2: Commissioned Papers and Staff Analysis, Bethesda, MD, 2001.

88. Ethical Issues in Human Stem Cell Research. Vol.1: Report and Recommendations of the National Bioethics Advisory Commission. Rockville, MD, 1999; Vol.2: Commissioned Papers. Rockville, MD, 2000; Vol.3: Religious Perspectives. Rockville, MD, 2000.

89. Ethics of Human Experimentation // British Medical Journal. 1964. Vol. 2 (5402). P. 135-136.

90. Experimental Medicine // British Medical Journal. 1962. Vol. 2 (5312). P. 1108-1109.

91. Final Report of the Tuskegee Syphilis Study ad hoc Advisory Panel // Jonsen A.L., Veatch R.M., Walters L. (eds.) Source Book of Bioethics: A Documentary History. Washington, DC: Georgetown University Press, 1998. P. 76-87.

92. Fletcher J.F. *Morals and Medicine: The Moral Problem of: The Patient's Right to Know the Truth, Contraception, Artificial Insemination, Sterilization, Euthanasia.* Boston: Beacon, 1954.

93. Freyhofer H.H. *The Nuremberg Medical Trial: The Holocaust and the Origin of the Nuremberg Medical Code.* New York: Peter Lang, 2004.

94. Fukuyama F. Transhumanism // Foreign Policy. 2009. October, 23.

95. Garb Y. Rachel Carson's Silent Spring // Dissent. 1995. Fall. P. 539-546.

96. Gert B., Culver C.M., Clouser K.D. *Bioethics: A Systematic Approach.* New York: Oxford University Press, 2006.

97. Gracia D. History of Global Bioethics // Ten Have H.A.M.J., Gordijn B. (eds.) *Handbook of Global Bioethics.* Vol.1. Dordrecht: Springer, 2014. P. 19-34.

98. Gray B. Bioethics Commissions: What Can We Learn from Past Successes and Failures? // Bullger R.E., Bobby E.M., Fineberg H.V. (eds.) *Society's Choices: Social and Ethical Decision Making in Biomedicine.* Washington, DC: National Academy Press, 2001. P. 261-306.

99. Green R.M., Donovan A., Jauss S.A. (eds.) *Global Bioethics: Issues of Conscience for the Twenty-First Century*. Oxford: Oxford University Press, 2008.
100. Haberman D.L. *River of Love in Age of Pollution: The Yamuna River of Northern India*. Berkeley: University of California Press, 2006.
101. Harkness J.M. Nuremberg and the Issue of Wartime Experiments on US Prisoners: The Green Committee // *Journal of American Medical Association*. 1996. Vol. 276 (20). P. 1672-1675.
102. Howard-Jones N. Human Experimentation in Historical and Ethical Perspectives // *Social Sciences and Medicine*. 1982. Vol. 16 (15). P. 1429-1448.
103. Hughes J.J. *Report on the 2005 Interests and Beliefs Survey of the Members of the World Transhumanist Association*. WTA, 2005.
104. *Human Cloning and Human Dignity: An Ethical Inquiry*. Washington, DC, 2002.
105. Illich I. *Medical Nemesis: The Expropriation of Health*. New York: Pantheon Books, 1976.
106. Jones J.H. *Bad Blood: The Tuskegee Syphilis Experiment*. New York: Free Press, 1981.
107. Jonsen A.R. *The Birth of Bioethics*. New York: Oxford University Press, 1998.
108. Katz J. The Consent Principle of the Nuremberg Code: Its Significance Then and Now // Annas G.J., Grodin M.A. (eds.) *The Nazi Doctors and the Nuremberg Code: Human Rights in Human Experimentation*. Oxford: Oxford University Press, 1992. P. 227-239.
109. Knight V. The Use of Volunteers in Medical Virology // *Progress in Medical Virology*. 1964. Vol. 6. P. 1-26.
110. Kohl M. (ed.) *Beneficent Euthanasia*. Buffalo, NY: Prometheus Books, 1975.

111. Lantos J.D., Meadow W.L. Neonatal Bioethics: The Moral Challenges of Medical Innovation. Baltimore: The Johns Hopkins University Press, 2006.
112. Lederer S. Research without Borders: The Origins of Declaration of Helsinki // Roelcke V., Maio G. (eds.) Twentieth Century Ethics of Human Subjects Research: Historical Perspectives on Values, Practices, and Regulations. Wiesbaden: Franz Steiner Verlag, 2004. P. 199-218.
113. Lenz W. et al. Thalidomide and Congenital Abnormalities // Lancet. 1962. Vol. 279 (7219). P. 45-46.
114. Lifton R.J. The Nazi Doctors: Medical Killing and the Psychology of Genocide. New York: Basic Books, 1986.
115. Lock M. Twice Dead: Organ Transplants and the Reinvention of Death. Berkeley: University of California Press, 2002.
116. Loots L. The Gender Implications of Biopolitics with Special Reference to Southern Africa // Agostino A., Ashton G. (eds.) A Patented World? Privatisation of Life and Knowledge. Johannesburg: Jacana Media, 2006. P. 141-164.
117. Lowenthal D. Nature and Morality from George Perkins Marsh to the Millennium // Journal of Historical Geography. 2000. Vol.26 (1). P. 3-27.
118. Mackrakis K. Surviving the Swastika: Scientific Research in Nazi Germany. Oxford: Oxford University Press, 1993.
119. Maguire D.C. Death by Choice. New York: Schocken Books, 1973.
120. Making Health Care Decisions: A Report on the Ethical and Legal Implications of Informed Consent in the Patient-Practitioner Relationship. Vol.1: Report. Washington, DC: Government Printing Office, 1982.
121. Marsh J.P. Man and Nature, or Physical Geography as Modified by Human Action. Cambridge, Mass: Harvard University Press, 1965.

122. McCullough L.B. John Gregory and the Invention of Professional Medical Ethics and the Profession of Medicine. Dordrecht: Kluwer Academic Publishers, 1998.
123. Medicine in Germany // *Lancet*. 1946. Vol. 247 (6385). P. 62.
124. Menkin A. Historical Bias of Medical Crimes in Nazi Germany // *North Carolina Medical Journal*. 1968. Vol.29 (5). P.189-201.
125. Mitford J. Kind and Usual Punishment: The Prison Business. New York: Vintage Press, 1974.
126. Moe K. Should Nazi Research Data Be Cited // *The Hastings Center Report*. 1984. Vol. 14 (6). P. 5-7.
127. Monitoring Stem Cell Research. Washington, DC, 2004.
128. Papmpany A. India // Ten Have H.A.M.J., Gordijn B. (eds.) *Handbook of Global Bioethics*. Vol.3. Dordrecht: Springer, 2014. P. 1165-1190.
129. Paul J. The Rachel Carson Letters and the Making Silent Spring // *Sage Open*. 2013. July-September. P.1-12.
130. Pellegrino E.D., Thomasma D.C. A Philosophical Basis of Medical Practice: Toward a Philosophy and Ethics of the Healing Profession. New York: Oxford University Press, 1981.
131. Pellegrino E.D., Thomasma D.C. *Virtues in Medical Practice*. New York: Oxford University Press, 1993.
132. Potter V.R. *Bioethics: Bridge to the Future*. Englewood Cliffs, NJ: Prentice Hall, 1971.
133. Potter V.R. Bridging the Gap between Medical Ethics and Environmental Ethics // *Global Bioethics*. 1993. Vol. 6 (3). P. 161-164.
134. Potter V.R. *Global Bioethics: Building on the Leopold Legacy*. East Lansing, Michigan: Michigan State University Press, 1988.
135. Proctor R.N. *The Nazi War on Cancer*. Princeton, NJ: Princeton University Press, 1999.

136. Refinements for the Determination of Death: An Appraisal // *Journal of American Medical Association*. 1972. Vol. 221 (1). P. 48-53.

137. Reiser S.J. *Creating a Medical Profession in the United States: The First Code of Ethics of the American Medical Association* // Baker R.B. (ed.) *The Codification of Medical Morality: Historical and Philosophical Studies of the Formalization of Western Medical Morality in the Eighteen and Nineteenth Centuries*. Vol. 2: *Anglo-American Medical Ethics and Medical Jurisprudence in the Nineteenth Century*. Dordrecht: Kluwer Academic Publishers, 1995. P. 89-104.

138. *Reproduction and Responsibility: The Regulation of New Biotechnologies*. Washington, DC, 2004.

139. *Research Involving Human Biological Materials: Ethical Issues and Policy Guidance*. Vol.1: *Report and Recommendations of the National Bioethics Advisory Commission*. Bethesda, MD, 1999; Vol. 2: *Commissioned Papers*. Bethesda, MD, 2000.

140. *Research Involving Persons with Mental Disorders That May Affect Decision-making Capacity*. Vol.1: *Report and Recommendations of the National Bioethics Advisory Commission*. Rockville, MD, 1999; Vol.2: *Commissioned Papers by the National Bioethics Advisory Commission*. Rockville, MD, 1999.

141. Reverby S.M. *The Infamous Syphilis Study and Its Legacy: Examining Tuskegee*. The University of North Carolina Press, 2009.

142. Richards T. *The World Medical Association: Can Hope Triumph over Experience?* // *British Medical Journal*. 1994. Vol. 308 (6923). P. 262-266.

143. Rosenberg C.E. *Explaining Epidemics and Other Studies in the History of Medicine*. Cambridge: Cambridge University Press, 1992.

144. Rothman D.J. *Ethics and Human Experimentation: Henry Beecher Revisited* // *The New England Journal of Medicine*. 1987. Vol. 317 (19). P. 1195-1199.

145. Rothman D.J. Research, Human: Historical Aspect // Post S.G. (ed.) Encyclopedia of Bioethics, 3rd edition. New York: Macmillan, 2004. Vol. 4. P. 2323-2324.

146. Rothman D.J. Strangers at the Bedside: A History of How Law and Bioethics Transformed Medical Decision Making. New York: Basic Books, 1991.

147. Rothman D.J., Rothman S.M. The Willowbrook Wars: Bringing the Mentally Disabled into the Community. New Brunswick, NJ: Aldine Transaction, 2005.

148. Sahai S. The Bogus Debate on Bioethics // Biotechnology and Development Monitor. 1999. No 30. March.

149. Schmidt U. Justice at Nuremberg: Leo Alexander and the Nazi Doctor's Trial. New York: Palgrave Macmillan, 2004.

150. Screening and Counseling for Genetic Conditions: The Ethical, Social, and Legal Implications of Genetic Screening, Counseling, and Education Programs. Washington, DC: Government Printing Office, 1983.

151. Securing Access to Health Care: A Report on the Ethical Implications of Differences in the Availability of Health Services. Vol.1: Report. Washington, DC: Government Printing Office, 1983.

152. Shiva S. War against Nature and the People of the South // Anderson S. (ed.) Views from South: The Effects of Globalization and the WTO on the Third World. Chicago: Food First Books, 2000. P.91-125.

153. Shiva S. Women, Ecology and Health: Rebuilding Connection // Shiva V. (ed.) Close to Home: Women Reconnect Ecology, Health and Development. New York: Earthscan, 1994. P. 1-9.

154. Shiva V. Biodiversity, Biotechnology and Profits // Shiva V. et al. Biodiversity: Social & Ecological Perspectives. New York: Zed Books, 1991. P. 42-58.

155. Shiva V. Biopiracy: The Plunder of Nature and Knowledge. Cambridge, Mass: South End Press, 1997.

156. Shiva V. et al. *Biodiversity: Social & Ecological Perspectives*. New York: Zed Books, 1991.
157. Shiva V. et al. *Ecology and the Politics of Survival: Conflicts over Natural Resources in India*. New Delhi: Sage, 1991.
158. Shiva V. *Making Peace with Earth*. London: Pluto Press, 2013.
159. Shiva V. *Monocultures of the Mind: Biodiversity, Biotechnology and Agriculture*. New Delhi: Zed Press, 1993.
160. Shiva V. *Patents: Myths and Reality*. New Delhi: Penguin Books, 2001.
161. Shiva V. *Soil Not Oil: Environment Justice in a Time of Climate Crisis*. New York: South End Press, 2008.
162. Shiva V. *Staying Alive: Women, Ecology and Survival in India*. New Delhi: Zed Press, 1988.
163. Shiva V. *Stolen Harvest: The Hijacking of the Global Food Supply*. Cambridge, Mass: South End Press, 2000.
164. Shiva V. *The Chipko Movement Against Limestone Quarrying in Doon Valley // Lokayan Bulletin*. 1987. Vol.5 (3). P. 18-25.
165. Shiva V. *The Deeper You Can Manipulate Living Structures the More You Can Control Food and Medicine: An Interview with Dr. Vandana Shiva // In Motion Magazine*. 1998. August, 14.
166. Shiva V. *The Role of Patents in the Rise of Globalization: An Interview with Vandana Shiva // In Motion Magazine*. 2004. March, 28.
167. Shiva V. *The Seed and the Earth: Biotechnology and the Colonisation of Regeneration // Shiva V. (ed.) Close to Home: Women Reconnect Ecology, Health and Development*. New York: Earthscan, 1994. P. 128-143.
168. Shiva V. *The Seeds of Suicide: How Monsanto Destroys Farming // Global Research*. 2013. June, 24.
169. Shiva V. *The Violence of Green Revolution: The Third World Agriculture, Ecology and Politics*. London: Zed Books, 1991.

170. Shiva V. *The Violence of Green Revolution: The Third World Agriculture, Ecology and Politics*. London: Zed Books, 1991.

171. Shiva V. *Water Wars: Privatization, Pollution, and Profit*. Cambridge, Mass: South End Press, 2002.

172. Shiva V., Sharatchandra H.C., Bandopadhyay J. *Social Economic and Ecological Impact of Social Forestry in Kolar*. Bangalore: Indian Institute of Management, 1981.

173. Spitz V. *Doctors from Hell: The Horrific Account of Nazi Experiments on Humans*. Boulder, Co.: Sentient Publications, 2005.

174. *Splicing Life: The Social and Ethical Issues of Genetic Engineering with Human Beings*. Washington, DC: Government Printing Office, 1983.

175. *Taking Care: Ethical Caregiving in Our Aging Society*. Washington, DC, 2005.

176. Tauer C.A. Embryo Research // Post S.G. (ed.) *Encyclopedia of Bioethics*, 3rd edition. New York: Macmillan, 2004. Vol. 2. P. 712-722.

177. Taylor T. Opening Statement of the Prosecution, December 9, 1946 // Annas G.J., Grodin M.A. (eds.) *The Nazi Doctors and the Nuremberg Code: Human Rights in Human Experimentation*. Oxford: Oxford University Press, 1992. P. 67-93.

178. Ten Have H.A.M.J., Gordijn B. (eds.) *Handbook of Global Bioethics*. 4 vols. Dordrecht: Springer, 2014.

179. *The Belmont Report: Ethical Principles and Guidelines for the Protection of Human Subjects of Research*. Washington, DC: Government Printing Office, 1979.

180. Tristram Engelhardt Jr. H. (ed.) *Global Bioethics: The Collapse of Consensus*. Salem, Ma: M & M Scrivener Press, 2006.

181. U.S. Senate Subcommittee on Government Research, Committee on Government Operations // *Hearings on S.J. Resolution 145*. 90th Congress, 2nd Session, 1968. March, 8-9, 21-22, 27-28; April, 2.

182. Vandana Shiva: Controversy over Biopiracy in India & Developing World // Z Mag. 2007. November, 16.

183. Veatch R., Sollitto S. Human Experimentation – Ethical Questions Persist // Hastings Center Report 3. 1973. No. 3. P. 1-3.

184. Veatch R.M. Death, Dying and the Biological Revolution: Our Last Quest for Responsibility. New Haven: Yale University Press, 1977.

185. Veith F.G., Fein J.M. Tandler M.D., Veatch R.M., Kleinmam N.A., Kalkines G. Brain Death: A Status Report of Medical and Ethical Considerations // Journal of American Medical Association. 1977. Vol. 238 (15). P. 1651-1655.

186. Visvanathan S., Parmar C. A Biotechnology Story: Notes from India // Economic and Political Weekly. 2002. Vol. 37 (27). P. 2714-2724.

187. Weindling P. Epidemics and Genocide in Eastern Europe, 1890-1945. Oxford: Oxford University Press, 2000.

188. Weindling P. The Origins of Informed Consent: The International Scientific Commission on Medical War Crimes, and the Nuremberg Code // Bulletin of the History of Medicine. 2001. Vol. 75 (1). P. 37-71.

189. Weindling P.J. Nazi Medicine and the Nuremberg Trials: From Medical War Crimes to Informed Consent. New York: Palgrave Macmillan, 2004.

190. Weindling P.J. John W. Thompson: Psychiatrist in the Shadow of the Holocaust. Rochester, NY: University of Rochester Press, 2010.

191. Whitehouse P.J. The Rebirth of Bioethics: Extending the Original Formulations of Van Rensselaer Potter // American Journal of Bioethics. 2003. Vol. 3 (4). P. W26-W31.

192. Wikler D., Green M.B. Brain Death and Personal Identity // Philosophy and Public Affairs. 1980. Vol. 9 (2). P. 105-133.

193. Wilkerson I. Nazi Scientists and Ethics of Today // The New York Times. 1989. May, 21.

194. Wollman J. Informed Consent in Human Experimentation before Nuremberg Code // British Medical Journal. 1996. Vol. 313 (7070). P. 1445-1449.

195. Worster D. A Passion for Nature: The Life of John Muir. Oxford: Oxford University Press, 2008.

196. Yesley M.S. Beginning Bioethics // Engelhardt H.T. (ed.) Bioethics Critically Reconsidered: Having Second Thoughts. Dordrecht: Springer, 2012. P. 31-48.

Интернет-ресурсы

1. Всеобщая декларация прав человека // http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/declhr.shtml

2. Далай-лама поддержал движение «Россия 2045» // <http://www.2045.ru/news/29773.html>

3. Ицков Д. «Эволюция 2045»: футуризм, космизм и русская экспансия // <http://www.2045.ru/articles/30693.html>

4. Ицков Д. План работ корпорации «Бессмертие» // <http://2045.ru/plan>

5. Ицков Д. Путь к нечеловечеству как основа идеологии партии «Эволюция 2045» // <http://www.2045.ru/articles/30840.html>

6. Координационный Совет // <http://transhumanism-russia.ru/content/view/426/216/>

7. Корсаков С.Н., Тищенко П.Д. Краткий очерк научной и научно-организационной деятельности // <http://www.bioethics.ru/rus/library/id/461/>

8. Манифест Российского Трансгуманистического Движения // <http://transhumanism-russia.ru/content/view/10/8/>

9. Манифест стратегического общественного движения «Россия 2045» // <http://www.2045.ru/manifest/>

10. Открытое письмо Генеральному Секретарю ООН Пан Ги Муну // <http://www.2045.ru/articles/31278.html>

11. Introduction in Navdanya // <http://www.navdanya.org/about-us>

12. Shiva V. Bioethics: A Third World Issue // <http://www.nativeweb.org/pages/legal/shiva.html>

13. WMA Declaration of Geneva // <http://www.wma.net/en/30publications/10policies/g1/index.html>

14. World Medical Association. About Us. History // <http://www.wma.net/en/60about/70history/index.html>

Научное издание

Михель Ирина Владимировна

БИОЭТИКА В КОНТЕКСТЕ ИСТОРИИ:
ФИЛОСОФСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ
БИОЭТИЧЕСКОГО ДВИЖЕНИЯ

Редактор Л.А. Скворцова

Компьютерная верстка Т.В. Семеновой

Подписано в печать 20.04.15

Формат 60×84 1/16

Бум. офсет.

Усл. печ. л. 15,5

Уч.-изд. л. 14,4

Тираж 500 экз.

Заказ 15

Саратовский государственный технический университет

410054, Саратов, Политехническая ул., 77

Отпечатано в типографии ООО «Поли-Экс», 410076,
г. Саратов, ул. Чернышевского, д. 120А. Тел.: (8452) 23-32-76.